ПИОНЕР

1 1989
ISSN 0130–8009

Фотография М. ВЫЛЕГЖАНИНА и В. МАШАТИНА.

Здравствуй, уважаемый друг!

Ты читатель журнала «Пионер». Журналу в этом году исполнится 65 лет. «Ничего себе,— можешь присвистнуть ты,— старье какое! Зря только не подписался на новые газеты и журналы».

Да, до тебя «Пионер» читали твои бабушка и дедушка, отец и мама, старшие братья и сестры. Для каждого из них наш журнал был любимым и долгожданным, потому что отражал то или иное время.

Но сегодня ты, уважаемый друг, держишь в руках ТВОЙ журнал, СОВРЕМЕННОЕ ежемесячное издание, сгусток идей, мыслей, проблем сегодняшнего дня, один из РУПОРОВ всенародного дела — перестройки.

Вслушайся, какое же замечательное это слово — ПЕРЕСТРОЙКА!

Перестройка — это свобода.

Свобода движения, голосов, мыслей и дел. Легко дышится, интересно, напряженно работается, хочется учиться не из-под палки, а просто хочется учиться.

Уважаемый друг, ты читатель журнала «Пионер» — твоего журнала. Поздравляем тебя!

Редакция

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Москва, 1989
Издательство «Правда»

ЧИТАЙ В ЯНВАРЕ

«Оля показала свой рисунок Барабульке». с. 4

«А кто они такие, хаккеры?». с. 14

с. 60

Ольга КУЧКИНА

Все казалось совершенно ясным. Быть вместе со всеми — хорошо. А одному — плохо.

Но вот в редакцию пришло письмо: «Не хочу быть, как все! У меня своя голова на плечах есть! Почему, если их больше, то они и правы?»

И в самом деле, почему?

Мы любим повторять лозунг: «Один — за всех, все — за одного!». Но как-то незаметно он у нас обретал совершенно иной смысл: «Один — как все, и все — на одного!» И многие начинали жить «по принципу трамвая»: не высовываться!

И все же всегда и везде были люди, которые отвергали этот «трамвайный принцип» и... высовывались. К одному из таких людей мы и решили обратиться с нашим «почему?».

Он, вернее, она никогда не заботилась, чтобы ее мнение совпадало с мнением некоего абстрактного большинства. Высказывала свое. В общем, слово критику, публицисту, драматургу, обозревателю «Комсомольской правды» Ольге КУЧКИНОЙ.

«Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человеческими уязвлена стала». Радищев.

«Ты повернул глаза зрачками в душу, а там повсюду пятна черноты». Шекспир.

Строго говоря, это есть два необходимейших условия жизни высоконравственного человека: умение видеть другого, особенно страдающего другого, и умение видеть себя, без прикрас.

Внимание к себе особенно свойственно юному возрасту. Кто мы? Похожи на других — огорчаемся: хочется отличаться. Отличаемся — тоже нехорошо, вроде как белая ворона. Как быть? Каким быть?

Самим собой. Это единственно верный ответ. Он прост. Но дорога к себе, сквозь все наслоения и напластования, сквозь чужое, ложное, ненужное, быть может, самое трудное на свете.

Мы говорим о личном, индивидуальном.

Индивидуальное не только объяснимо и извинимо — оно неизбежно на пути самопознания, на пути строительства себя как личности. Важно, чтобы вниманием к себе начиналось, но не заканчивалось. Заканчивалось состраданием к другим, милосердием к другим, ответственностью перед другими. Товарищами, сестрой, матерью, обществом. Как у декабристов. Как у Герцена. Как у Вавилова. Как у Ленина.

Было время в истории Советского государства, когда говорить о личном «я» считалось почти что неприлично. Говорили исключительно о коллективном «мы». Мы построили Днепрогэс и Магнитку, мы победили в Великой Отечественной, мы послали в космос Юрия Гагарина. Это честное «мы», справедливое и доблестное. Но существовало «мы» иное, лицемерное, за которое прятались, как за маску, за ширму. От имени «мы» говорили одно, делали другое. Именем народа, именем коллектива, всегда якобы правого, уничтожали — физически или морально — человека, всегда якобы виноватого. Уничтожали личность, подравнивая, выравнивая ее под общую серую массу: чтобы никто не высовывался. И постепенно пришли к тому, что один отдельный человек мало что стоит, мало за что отвечает, мало что может. Кто-то и при этих обстоятельствах выстаивал, оставаясь самим собой. Кто-то ломался, гнулся, махнув рукой на все.

Не забуду, как лет восемь назад поразило рассуждение западного «советолога»: русские ленивы, у них процветает пьянство, спекуляция, воровство на работе. Выходит, что этот народ хуже других народов! Но ведь такого не может быть, чтобы один народ был хуже другого. Значит, дело не в народе, а в управлении им, в системе (теперь мы называем ее административно-командной), при которой не востребованы лучшие черты людей, а востребованы худшие. Слушать было больно. Но «советолог» и бил по больному.

Много бед принесла нашей стране сталинщина. А за нею — брежневщина. Беды эти относятся и к жизни партии, и к жизни Советов, и к жизни комсомола, и к жизни пионерии. Но наибольшая беда — именно в нравственных потерях, в растлении людей. Сперва страх, доносы, оговоры и самооговоры на политических процессах, которые устраивал «отец родной» и «вождь всех народов», потом равнодушие к гражданским вопросам, корысть, взяточничество, лесть по отношению к начальникам, грубость и хамство — к подчиненным, разгул серости и невежества, которым способствовал «любитель наград» и «первый писатель».

Есть пословица: отцы ели виноград, у детей оскомина. Происходило с отцами, а отзывалось и отзывается до сих пор на детях.

Поразительно, как при этом сохранилось то лучшее, что было в России и у других народов, что Октябрь провозгласил высшей национальной ценностью: ум и талант, честь и совесть, стремление к правде и справедливости.

Это поддерживалось. Но на словах. На деле — на деле торжествовала двойная мораль.

Сегодня мы все вместе, снова и снова обращаемся к нашей истории и современности, думая, как жить. Как жить по совести и чести всем. Это не личный вопрос. Не вопрос только нашей индивидуальной жизни. Это вопрос жизни общества.

Какими вы будете, начиная с младых ногтей, как говаривали классики, такой будет устраиваемая нами — и вами — жизнь, таким будет вновь организуемое общество.

...На Пушкинской площади в Москве старушка орала на длинноволосых юнцов. Они стояли у памятника поэту, молча, улыбаясь. Они молчали, а она орала. Что-то насчет их длинных волос. Минуту, две, пять. Милиционеры, два здоровяка рядом, ухмылялись. Было похоже, что все более самовозбуждавшаяся старушка выражала и их, милиционеров, мнение.

Старушку тоже можно понять. Такое было время, что она уяснила себе: все, что не вписывается в «так положено», подлежит брани, ликвидации, выкорчевыванию. Она же не

ходит с патлами. Почему им позволено?

Насколько такие домашние и административные старушки испортили жизнь юным!

Неординарный мальчик-подранок. Раненный в самое сердце ложью общества и семьи. От него скрывали, что дед, считавшийся почетным кадровым военным, был заместителем начальника ГУЛАГа (главного управления лагерей). У бабушки, вдовы, насквозь «советской», обнаружилась припрятанная «антисоветчина». Ненавидя мещанские «перспективы», но не имея воли к сопротивлению и не видя приложения себя к действительности, начинающий жить человек ушел в наркоманию, потянув за собой девочку-жену и губя Веру, родившуюся в промежутке между двумя уколами наркотиков (вон ведь как назвал дочь!).

Я пересказываю новую документальную картину молодого режиссера Георгия Гаврилова «Исповедь. Хроника отторжения», снятую им в объединении «Юность» на «Мосфильме». Если вы видели фильм «Легко ли быть молодым?», то вам будет понятно, когда скажу, что считаю эту ленту следующим шагом после той. И по искренности, и по глубине постижения жизни, и по художественности.

Кое-кто, посмотрев «Исповедь», может сказать: про наркомана — нас не касается. Так уже говорили про «Легко ли быть молодым?». Что это вроде про «них». Но пока люди думают, что «мы» хорошие, а плохие «они», «мы» не виноваты, «они» виноваты, наше общее дело строительства хорошей, умной жизни далеко не продвинется.

Конечно, этот мальчик — не ангел. Более того, слабак. Но что толку в этих определениях! Его личной вины не больше, чем вины ложного генерала (того самого «почетного» военного). Или фальшивого публициста, грудью отстаивавшего идеи застоя, как теперь той же грудью — идеи перестройки. Или юного бюрократа с блестящими от усердия и влажными от старого вожделения новой карьеры глазами. Или неумолкающей «простой» старушки.

Это надо знать. Об этом надо думать. Об этом надо уметь судить. Не отворачиваться, не закрывать глаза на противоречия и трудные проблемы бытия. Не говорить себе и другим: как я могу разобраться, коли и взрослые сами еще не разобрались! В том-то и штука, что каждый должен выстрадать, выковать свою позицию в процессе каждодневной жизни, каждодневного выбора, каждодневного размышления, что, как и почему.

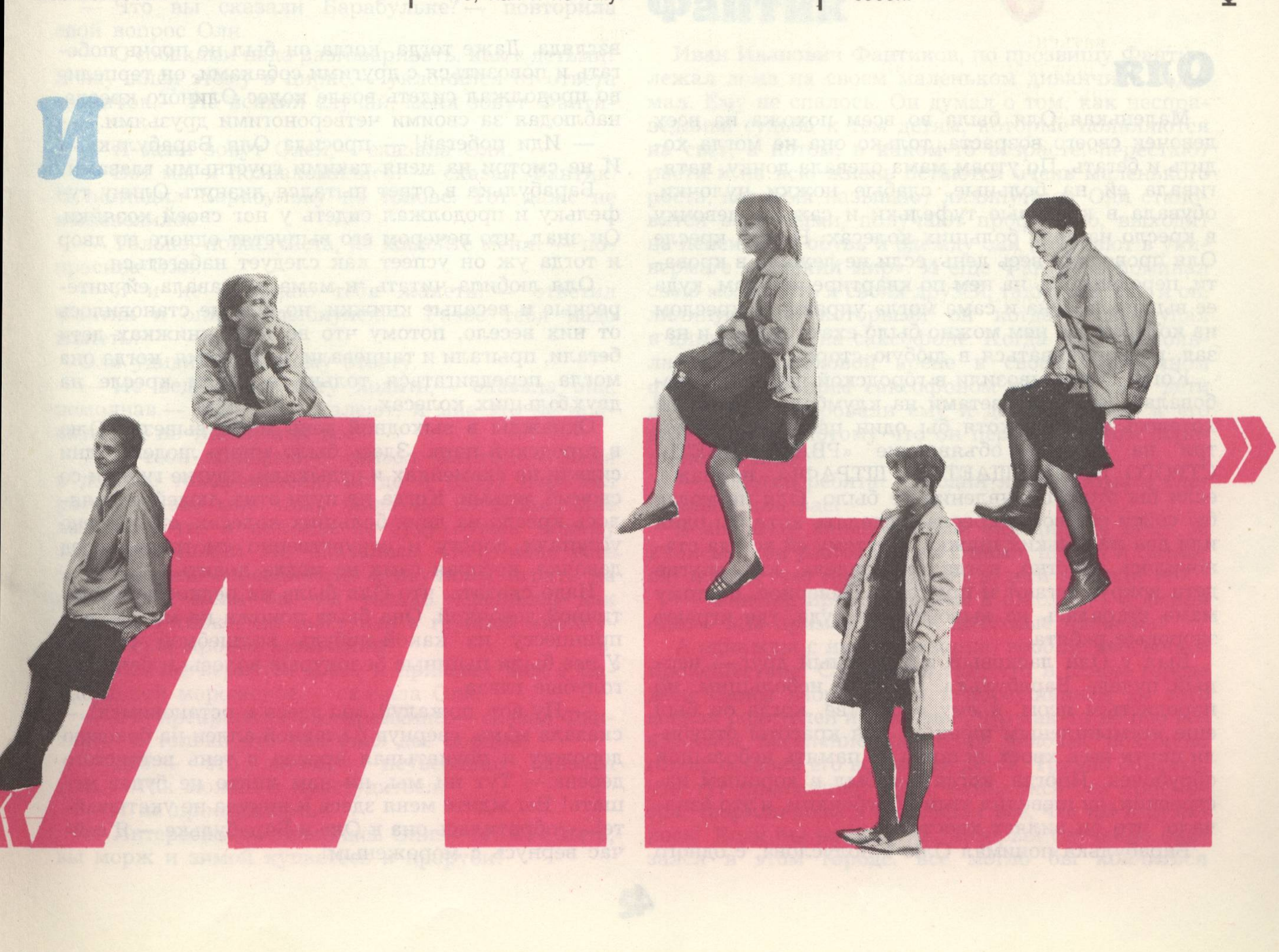
И все же одно дело — судить других. И иное — начинать с себя.

«Я взглянул окрест меня...» «Ты повернул глаза зрачками в душу...»

Судить, рассуждать, понимать. Понимание — важнейший момент в размышлении о судьбе, своей и другого.

Разбираясь в хитросплетениях частной и общей жизни, интеллигентный человек приходит к такому: понимать других, а счет предъявлять себе. Интеллигентный — не тот, кто непременно получил высшее образование. А тот, кто всем существом своим постиг истинные нравственные ценности и уже не примет поддельную стекляшку чьей-то болтовни за подлинный бриллиант.

Моя и ваша правдивость, цельность, искреннее стремление к добру, готовность защищать его, изжитый эгоизм приведут в конце концов к таким необратимым переменам в обществе, когда никакой лицемер, никакой карьерист, никакой хам не займет важного поста, не предназначенного ему места. А важный пост и важное место займут люди достойные и порядочные. Но чтобы это происходило всегда и везде, надо потрудиться. Всем и каждому. И прежде всего над самим собой.

Коллаж А. КРУПНИКОВА.

Сергей МИХАЛКОВ

Фантик

Оля

Маленькая Оля была во всем похожа на всех девочек своего возраста, только она не могла ходить и бегать. По утрам мама одевала дочку, натягивала ей на больные, слабые ножки чулочки, обувала в красивые туфельки и сажала девочку в кресло на двух больших колесах. В этом кресле Оля проводила весь день, если не лежала в кровати, передвигаясь на нем по квартире или там, куда ее вывозили. Она и сама могла управлять креслом на колесах. На нем можно было ехать вперед и назад, разворачиваться в любую сторону.

Когда Олю вывозили в городской парк, она любовалась яркими цветами на клумбах, и часто ей хотелось сорвать хотя бы один цветочек, несмотря на грозное объявление «РВАТЬ ЦВЕТЫ СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ! ШТРАФ!», но даже, если бы этого объявления не было, Оля не могла бы сойти со своего кресла и сделать хотя бы один или два маленьких шажка. Поэтому ей всегда становилось грустно, когда она видела, как другие дети вокруг бегают и прыгают. Наверное, поэтому мама старалась не вывозить ее туда, где играют здоровые ребята.

Был у Оли ласковый и надежный друг — черный пудель Барабулька. Он был небольшим, но породистым псом, и ему в детстве, когда он был еще несмышленым щенком, для красоты отрубили почти весь хвост, оставив на память небольшой обрубочек. Иногда, когда пес был в хорошем настроении, он шевелил этим обрубочком, и это означало, что он виляет хвостом.

Барабулька понимал Олю с полуслова, с одного взгляда. Даже тогда, когда он был не прочь побегать и повозиться с другими собаками, он терпеливо продолжал сидеть возле колес Олиного кресла, наблюдая за своими четвероногими друзьями.

— Иди побегай! — просила Оля Барабульку.— И не смотри на меня такими грустными глазами!

Барабулька в ответ пытался лизнуть Олину туфельку и продолжал сидеть у ног своей хозяйки. Он знал, что вечером его выпустят одного во двор и тогда уж он успеет как следует набегаться.

Оля любила читать, и мама доставала ей интересные и веселые книжки, но Оле не становилось от них весело, потому что во всех книжках дети бегали, прыгали и танцевали, в то время когда она могла передвигаться только в своем кресле на двух больших колесах.

Однажды в выходной день мама вывезла Олю в городской парк. Здесь было много людей. Одни сидели на скамейках и отдыхали, другие гуляли со своими детьми. Когда на пути этих людей появлялось кресло на двух больших колесах, они охотно уступали дорогу и сочувственно смотрели вслед девочке, которая сама не могла ходить.

Надо сказать, что Оля была на редкость симпатичной девочкой. Она была похожа на маленькую принцессу из какой-нибудь волшебной сказки. У нее были пышные белокурые волосы и большие голубые глаза.

— Ну вот, пожалуй, мы здесь и остановимся! — сказала мама, свернув с главной аллеи на боковую дорожку и подкатывая кресло в тень ветвистого дерева.— Тут ни мы, ни нам никто не будет мешать! Вы ждите меня здесь и никуда не укатывайте! — обратилась она к Оле и Барабульке.— Я сейчас вернусь с мороженым!

В знак согласия Барабулька шевельнул своим обрубочком и улегся у ног хозяйки.

Мимо все шли и шли незнакомые люди. Некоторые из них обращали внимание на сидящую в кресле девочку, и тогда они приветливо махали рукой и продолжали свой путь.

Оля понимала, что эти люди ее жалеют. Конечно, она и сама знала, что, когда вырастет, станет красивой девушкой с пышными, белокурыми волосами, но ничего в ее жизни не изменится, разве что только кресло на двух колесах придется сменить на большее. Туфли на ее ногах всегда будут, как теперь, оставаться новыми.

Но об этом Оля старалась не думать.

— Может быть, со временем врачи изобретут такое средство, которое поставит тебя на ноги! — часто говорила мама, и Оля всегда замечала на ее глазах слезы.

Какой-то мальчик в оранжевой спортивной курточке на молнии и в таких же кедах сошел с главной аллеи и остановился. Под тенистым деревом на кресле на двух больших колесах сидела девочка. Мальчик направился к ней. Барабулька предупреждающе зарычал на незнакомца, но мальчик в оранжевой курточке не испугался. Он подошел ближе и что-то тихо сказал Барабульке. Тот сразу успокоился и при этом даже сладко зевнул. Мальчик присел на край скамейки рядом с Олей.

— Что ты ему сказал? — спросила Оля и тут же увидела, что перед ней вовсе не мальчик, а маленький старичок.

— Простите! — сказала Оля.— Я думала, что вы мальчик!

— Ничего, ничего! — улыбнулся старичок.— Со мной это бывает.

— Что вы сказали Барабульке? — повторила свой вопрос Оля.

— С собаками надо разговаривать, как с детьми! Я научился этому в цирке,— уклонился от ответа старичок.— На всякий случай, меня зовут Фантиком.

— А меня зовут Олей,— сказала Оля.

— Вот мы и познакомились! — сказал Фантик. И погладил Барабульку по голове. Тот даже не пошевелился.

— Только, пожалуйста, не жалейте меня! — попросила Оля.

— Я и не подумаю тебя жалеть! — ответил Фантик и опять улыбнулся.— Разве тебя надо жалеть?

Оля удивилась такому ответу.

— Но ведь я не могу ходить,— сказала она, помолчав.— Меня все жалеют, и мне это не нравится. Я не такая, как все!

— Я тебя понимаю,— сказал Фантик.— Меня в детстве тоже жалели, когда я вдруг перестал расти. И это мне тоже было не по душе. Мне казалось, что я никогда не буду нужен никому такой маленький. Но оказалось, что у меня есть музыкальные способности. Я научился играть на саксофоне. Если бы ты только слышала, как я играл в цирке, где выступал с группой лилипутов. Я был просто незаменим!

— Сейчас вернется мама и принесет нам с Барабулькой мороженое,— сказала Оля.

— Это прекрасно и своевременно,— сказал Фантик.— Я только что сам съел две порции.

— Две — это много,— неуверенно сказала Оля.— Так можно и простудиться.

— Я не простужаюсь!

— Интересно! — удивилась Оля.— Может быть, вы морж и зимой купаетесь в проруби?

— Нет, я просто великий фантазер! — ответил Фантик.— У меня очень богатая фантазия. Я могу что угодно нафантазировать. Нафантазирую себе, что я не могу простудиться, и я уже не простужаюсь.

— А вы можете и мне что-нибудь нафантазировать? Например, что я могу ходить и бегать, как все дети.

— Мы об этом договоримся в следующий раз,— многозначительно сказал Фантик.— Мы еще с тобой увидимся. А сейчас я спешу!

Оля не успела спросить, где и когда они увидятся, как Фантика уже рядом не было. Где-то вдалеке некоторое время еще мелькала его оранжевая курточка, а вскоре и она исчезла из вида.

— Ты что-нибудь понял? — спросила Оля Барабульку.

Барабулька сделал вид, что не слышал ее вопроса.

— Мама! Я сейчас познакомилась с одним удивительным старичком. Он обещал мне нафантазировать, что я могу ходить и бегать. Он сказал, что это будет в следующий раз, когда мы с ним увидимся.

— Где это ты с ним должна увидеться? — насторожилась мама.— Запомни, Оля, что маленьким девочкам не следует знакомиться с неизвестными старичками! — добавила она и протянула Оле и ее верному другу по порции мороженого. Барабулька тут же начал старательно вылизывать свою порцию. Он был сладкоежкой. В Олином доме его баловали, хотя знали, что собакам, как и детям, вредно есть много сладостей.

Фантик

Иван Иванович Фантиков, по прозвищу Фантик, лежал дома на своем маленьком диванчике и думал. Ему не спалось. Он думал о том, как несправедлива судьба к тем детям, которые появляются на свет, а потом, в каком-то возрасте, перестают расти и на всю жизнь остаются очень маленького роста, которых называют лилипутами. Они становятся взрослыми, получают профессию, выходят на пенсию, но обувь и одежду они покупают в универмаге «Детский мир». И еще Фантик вспоминал свою молодость и своих друзей, таких же, как и он, лилипутов, с которыми он когда-то выступал в цирке, играя на саксофоне. Когда Фантик появлялся на цирковой арене в своем серебряном фраке с большим саксофоном в руках, все дети дружно аплодировали ему и даже бросали к его ногам цветы, потому что он первым долгом обращался к ним:

— Дорогие ребята! Сегодня я буду играть специально для вас!

В антракте юные зрители заходили к нему за кулисы, и он разговаривал с ними, шутил и смеялся, потому что любил детей, а дети любили его.

— Фантик, приходи к нам в школу! — просили они.— Мы примем тебя в почетные пионеры!

А однажды с ним произошло вообще необычное происшествие. Случилось так, что в одном городе дети своим озорством и непослушанием до того довели родителей и учителей, что как-то ночью все взрослое население как один человек покинуло город, оставив его во власти детей. Трудно описать, что тут произошло! Дети, оставшись без присмотра, творили дома и на улицах все, что им вздумалось! Если бы не Фантик, который случайно оказался в этом городе, все могло бы кончиться

очень трагично. Но Фантик, несмотря на свой детский рост, был взрослым человеком, и он сумел навести в городе порядок, заставил детей слушаться, и те поняли, что они не могут обходиться без пап и мам, без бабушек и дедушек, без тех, кто должен их воспитывать, учить и о них заботиться.

Обо всем этом вспоминал Фантик. И еще он думал о том, что каждый человек должен иметь в жизни какую-нибудь цель, к которой он должен стремиться и ее добиваться. И если эта цель есть у того, кто обижен судьбой, кто, например, прикован к кровати и не может, как другие, бегать и прыгать, когда ему вздумается, он все равно может многого добиться в жизни и быть нужным людям. Важно только верить в свои силы и не раскисать. И поэтому Фантик не случайно подошел сегодня к девочке, увидев ее, сидящую в кресле на двух больших колесах. У него в городе было уже много таких маленьких знакомых, с которыми он заводил дружбу.

Что такое жизнь

Целую неделю провела Оля в ожидании встречи с Фантиком. Но тот как сквозь землю провалился.

«Не может быть, чтобы он меня обманул,— думала Оля. — Жаль, если он просто пожалел меня и пошутил...»

Наступило очередное воскресенье.

Оля попросила маму опять вывезти ее в городской парк, но мама дежурила на почте, и Оля сама себя выкатила во двор, где тоже были деревья. Под одним из них стоял дощатый стол, за которым по вечерам собирались пенсионеры и играли в домино.

В это воскресное утро здесь никого не было. Пенсионеры сидели по домам или по домашним делам стояли в каких-нибудь очередях.

Оля сидела с раскрытой книгой на коленях, когда внезапно увидела перед собой улыбающегося Фантика.

— Как вы меня нашли? — удивилась Оля.— Я вас тут не ждала. Вы же не знали моего адреса!

— А я его себе нафантазировал! — ответил Фантик.— Я знаю адреса всех девочек и мальчиков, которые сидят в таких же креслах, как твое.

— Это удивительно! — сказала Оля.

Фантик присел на скамейку возле стола.

Барабулька, который, конечно, был рядом с Олей, даже не зарычал, увидев Фантика.

— Хорошо, что мы встретились! — сказала Оля.— Только моя мама посоветовала мне не знакомиться с пожилыми старичками.

— Старички старичкам рознь! — сказал Фантик.— Впрочем, твоя мама права, но меня это не касается. И потом я уж и не такой пожилой. Я только так выгляжу. Я ведь настоящий лилипут!

— Прошлый раз вы обещали мне нафантазировать, что я могу сама ходить и бегать,— сказала Оля.— Давайте попробуем!

— Знаешь, Оля,— ответил Фантик не сразу,— сегодня мы пока просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое.

— Я знаю, что такое жизнь. Жизнь — это когда человек живет,— сказала Оля.

— Не только! — возразил Фантик.— Конечно, это понятие входит в определение жизни. Но жизнь — это не только существование человека на земле. Важно, как и для чего живет человек.

— А для чего живу я? — спросила Оля.— Я ведь не умею ходить.

— А знаешь ли ты, что великий композитор Бетховен был глухим? — спросил Фантик.

Может быть, это было не очень хорошо, но Оля не рассказала маме о своем свидании с Фантиком. Она не хотела ее огорчать. Мама всегда принимала все слишком близко к сердцу, что касалось ее любимой дочки. Она боялась, что кто-нибудь может Олю обидеть.

В тот вечер Оля долго не могла заснуть. Она ворочалась с боку на бок и все вспоминала слова Фантика о том, что такое жизнь. Оказывается, можно ходить и бегать, прыгать и кувыркаться, но это все не означает, что человек по-настоящему живет. И наоборот, можно не ходить и не бегать и быть прикованным к постели или к креслу на двух больших колесах и в то же самое время жить в полном смысле этого слова.

— Я хожу по адресам, по которым живут такие дети, как ты,— говорил Фантик,— и рассказываю им, что такое жизнь. И грустные дети начинают улыбаться. Они берутся за цветные карандаши и краски, начинают сочинять стихи, вышивать и вязать. Они начинают на все смотреть другими глазами. Им интересно жить!

Особенно понравился Оле такой рассказ Фантика.

— В одной небольшой солнечной и гостеприимной стране,— рассказывал он,— жила молодая добрая женщина. Она очень любила детей, независимо от цвета их кожи, детей, говорящих на разных языках, детей здоровых и счастливых, несчастных и больных. Мила, так звали эту женщину, хотела, чтобы все дети на земле были одинаково счастливы, не умирали от страшных болезней и постоянного голода, не погибали на войне. «Дети всего мира должны дружить! — говорила она.— Они должны чаще встречаться, вместе петь свои любимые песни и показывать друг другу, на что они способны. Великие художники и музыканты, поэты и композиторы, ученые и полководцы тоже когда-то были детьми.

И она собрала однажды в своей солнечной стране тысячу детей из разных стран мира: и были среди них дети в креслах на больших колесах. Эти дети тоже привезли с собой свои стихи и рисунки, свои песни. И целые две недели в этой стране шел детский праздник. И каждый ребенок был по-своему счастлив. И когда пришло время расставаться, все обменялись адресами и обещали друг с другом переписываться...

— А я могу когда-нибудь попасть на такой праздник? — спросила Оля, когда Фантик закончил свой рассказ.

— Посмотрим, посмотрим! — загадочно улыбнувшись, ответил Фантик.

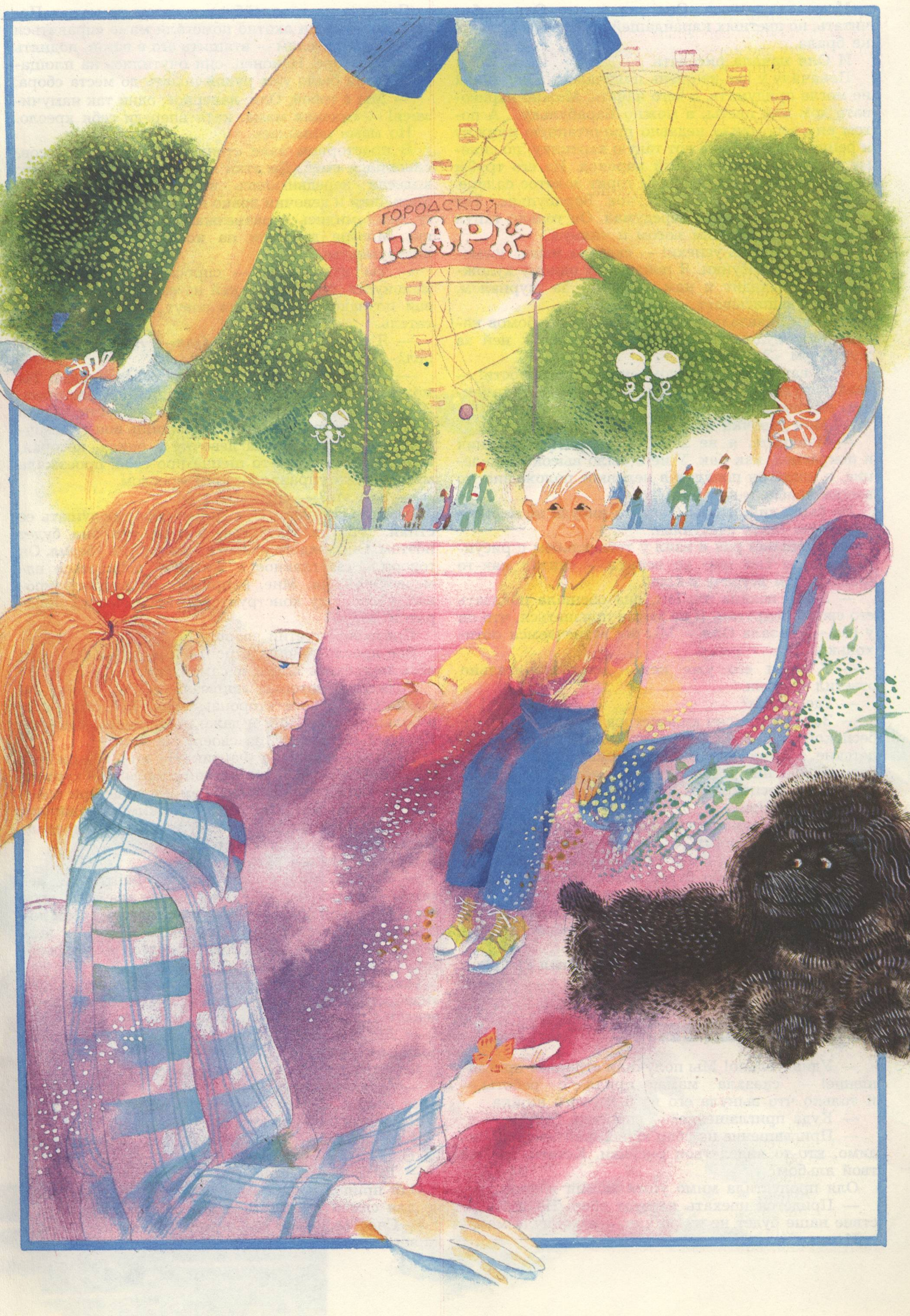
Альбом

На следующий день, перед тем как мама собралась на работу, Оля подозвала ее и попросила:

— Мама! Ты бы могла купить мне альбом для рисования и разных цветных карандашей?

— Ты что, собираешься рисовать? Что-то я раньше не замечала за тобой такого желания,— удивилась мама.

— Я хочу попробовать! — решительно сказала Оля.

ГОРОДСКОЙ
ПАРК

Мама задумалась. Она знала, что Оля любит читать, но цветных карандашей она в руки никогда не брала...

И Оля начала рисовать.

Поначалу у нее не очень получалось. Она никак не могла придумать, с чего начать. Можно нарисовать дом или цветы, а можно Барабульку... А потом она вспомнила недавно прочитанную книжку и решила нарисовать вот такую картинку: по синему морю плывет красный пароход. Из его трубы валит черный дым, а в небе горит золотое солнце.

Оля показала свой рисунок Барабульке. Тот хотел его лизнуть, но передумал. Он только ткнул в него своим мокрым носом и чихнул...

— Ты делаешь успехи! — сказала мама, посмотрев Олины рисунки. Я покажу их одному художнику. Он заходит к нам на почту за журналом, который выписывает.

И мама показала один из Олиных альбомов настоящему художнику, когда тот зашел к ней за журналом «Здоровье».

— У вашей дочки несомненные способности! — сказал художник, возвращая альбом.— Рекомендую ей походить в детскую студию.

— Моя девочка не ходит,— ответила мама.

— Извините, я не знал,— смутился художник и покраснел как рак. У него было высокое давление, и когда он попадал в неловкое положение, то всегда краснел как рак.

Не было дня, чтобы Оля что-нибудь не нарисовала. Она была счастлива.

— Прошлый раз я взял у тебя альбом с рисунками и до сих пор не вернул,— сказал как-то Фантик при встрече с Олей.

— Мама искала альбом, она обещала показать его своим подругам. Я не могла признаться, что он у вас,— сказала Оля.— Мы же встречаемся потихоньку.

— У меня его уже нет,— многозначительно ответил Фантик.

— Где же он?

— За много тысяч километров отсюда. Но ты не беспокойся. Там, куда я его послал, собрались детские рисунки из многих стран мира. И твои будут среди них.

— Я не беспокоюсь. Вы хотели для меня сделать как лучше?

— Я всем таким детям всегда стараюсь делать как лучше,— ответил Фантик.— А что касается твоей мамы, то мы с ней скоро познакомимся. Да и у тебя тоже скоро будет много друзей. В один прекрасный день ты увидишь их всех сразу.

— Где? Когда? — нетерпеливо спросила Оля.

— Какая же ты, однако, нетерпеливая! Поживешь — увидишь.

Это была последняя Олина тайная встреча с удивительным Фантиком.

Приглашение

— Удивительно! Мы получили странное приглашение! — сказала мама, придя с работы.— Я только что вынула его из почтового ящика.

— Куда приглашение? — спросила Оля.

— Приглашение на сбор юных фантазеров! Видимо, кто-то видел твои рисунки. Кстати, где же твой альбом?

Оля пропустила мимо ушей мамин вопрос.

— Придется поехать на этот сбор. Но путешествие наше будет не из легких,— вздохнула мама.

И они поехали.

Сначала на троллейбусе, а потом на метро. Посторонние люди охотно помогали маме справиться с Олиным креслом — втащить его в вагон, поднять на эскалаторе. Наконец, они очутились на площади, откуда было уже рукой подать до места сбора.

— Мы с тобой, Оля, наверное, одни так намучились! — сказала мама, катя впереди себя кресло.

Но мама ошиблась.

В просторном зале стоял гул детских голосов, слышался смех. Десятки кресел на двух больших колесах передвигались во всех направлениях. Мальчики и девочки ловко подъезжали друг к другу, знакомились и разъезжались в разные стороны. Многие держали на коленях музыкальные инструменты.

— Ты художница? — спросил Олю курчавый мальчуган, подкатив к ней на своем кресле.— Давай познакомимся! Меня зовут Саша. Я изобретатель.

— Я рисую,— ответила Оля.— А что ты изобрел? — поинтересовалась она.

— Построил модель летающего велосипеда. Ты можешь увидеть ее сегодня на нашей выставке. Я ее тебе сам покажу! — не без гордости сказал Саша.— Смотри! Смотри! Ты видишь вон ту девочку? — И он указал на девочку в очках, которая, задумавшись и что-то шепча про себя, проезжала мимо, легко управляя своим креслом.

— Кто это? — спросила Оля.

— Это Светлана! Сегодня мы будем слушать ее стихи. Фантик убедил ее в том, что она будет поэтом. Он каждого из нас в чем-нибудь убедил. Он говорил, что главное в жизни — добиваться намеченной цели. Мне, например, он нафантазировал, что я буду конструктором космических аппаратов.

Прозвенел третий звонок.

Все кресла начали строиться в ряды. Оле удалось подъехать почти к самой сцене.

Родители, которые привезли детей, сидели на стульях по обеим сторонам зала. Все они были в большом волнении и даже не переговаривались. Каждый переживал за своего ребенка.

На сцене появился Фантик. На этот раз он был не в своей любимой оранжевой спортивной курточке на молнии, а в светло-синем костюме при красном галстуке, что делало его похожим на пожилого пионера. Дети встретили его дружными, продолжительными аплодисментами.

Фантик поднял руку. Зал замер.

— Друзья мои! — обратился Фантик к детям.— Сегодня мы собрались здесь для того, чтобы поделиться друг с другом своими мечтами и достижениями. Каждый из вас знает, зачем он живет. Я вижу среди вас будущих поэтов и музыкантов, художников и изобретателей...

Оля взглянула на Сашу, который при слове «изобретателей» встрепенулся в кресле и начал искать глазами свою маму.

— Дети! — продолжал Фантик.— Пусть сейчас поднимет руку тот, кто чувствует себя одиноким!

Ни одна рука не поднялась в зале.

— А теперь пусть любой из вас ответит мне на один вопрос: — Что такое счастье?

Поднялся лес детских рук.

Фантик оглядел зал, и взгляд его остановился на Оле.

— Ты можешь ответить?

Оля приподнялась в своем кресле и неожиданно для самой себя сказала громко и отчетливо:

— Счастье, это когда человек знает, зачем он живет!

ПРИГЛАШЕНИЕ

— Вы согласны с этой девочкой? — обратился Фантик к залу.

— Да! — дружно, хором ответил зал.

— Прекрасно, друзья! — сказал Фантик.— Итак, мы начинаем наш смотр с чтения стихов. Послушаем новые стихи Светланы.

Светлана подкатила к самой сцене и открыла тетрадь, которую она держала в руках.

Читать она начала не сразу. Видно было, что она волнуется. Какое-то мгновение она молчала, глядя перед собой, а потом, поначалу дрогнувшим голосом, начала читать стихи наизусть.

* * *

У слепого есть чувство,
У глухого есть разум,
У немого есть слово,
Только затерялось оно.
У каждого есть свое.
Даже у несчастных —
Красота где-то тут... [1]

У Светы на глаза навернулись слезы, но она взяла себя в руки и закончила свое выступление пылкими стихами:

Как голубая звездочка,
Загадочен и тих,
Из маленького облачка
Ко мне спустился стих.

То в серой шубке зайчика,
То в беленькой — песца,
Порхал мой стих, не падая,
У самого крыльца.

Веселым ранним утром,
Прервав последний сон,
Тот стих за буквой буква
Скользнул в мою ладонь.

В зале стояла мертвая тишина. И вдруг гром аплодисментов обрушился на юную поэтессу. Вот тут-то она не сдержалась и заплакала.

Оля аплодировала вместе со всеми. Ей тоже очень понравились стихи Светланы.

— Может быть, и мои рисунки будут нужны кому-нибудь, кроме меня и моей мамы,— подумала Оля.

А потом был концерт. Скрипки и флейты звучали так, будто их держали в руках маленькие волшебники. Фантик дирижировал оркестром как настоящий дирижер. И это была настоящая музыка!

Олина мама смотрела на Фантика с нескрываемым восхищением.

— Неужели это тот самый старичок?

После концерта все кресла дружно покатились в другой зал, на выставку, где все было сделано руками мальчиков и девочек, которые не могли ни ходить, ни бегать. И только один мальчик, попавший на выставку без приглашения, грустно стоял в стороне. Ему было неловко, потому что он умел только бегать и прыгать.

А где-то, за какими-то дверями, на которых было написано «Вход посторонним воспрещен», работали умные и добрые люди в белоснежных халатах. Они изобретали средство для лечения больных детей, средство, о котором мечтала Олина мама.

---

[1] Авторы стихов — челябинский школьник Костя Рубинский, 12 лет, и школьница из Москвы Вика Ветрова, 10 лет.

Рисунки И. ПАНКОВА.

КАПИТАН. Что это вы, юнга, какой-то грустный сегодня?

ЮНГА. Честно говоря, капитан, наскучило перебирать стихи и картинки, которыми набиты наши трюмы. Не моряцкое это дело!

КАПИТАН. У моряков и поэтов есть одна общая страсть — море. Вот почему я считаю, что нет более подходящего груза для нашего «Кораблика», чем стихи, тем более детские стихи. Поэт Борис Пастернак когда-то сказал про море: «Приедается все. Лишь тебе не дано примелькаться». В корабле поэты издавна видели символ дальних странствий, приключений, отрыва от будничной, повседневной жизни. Все великие мореплаватели были поэтами в душе. И недаром их подвиги воспевались в стихах и поэмах. Мне кажется, юнга, что сами их имена звучат поэтично — Колумб, Магеллан, Беринг, Крузенштерн... Вы слышали про легендарного греческого поэта Гомера?

ЮНГА. Слышал, но, признаюсь, пока не читал.

КАПИТАН. В его знаменитой поэме «Одиссея» описываются двадцатилетние странствия и приключения Одиссея. А в «Илиаде» рассказывается об осаде греками Трои — Илиона. В этой поэме почти целая глава — триста очень длинных строк посвящено только перечислению кораблей, собиравшихся на войну с троянцами, и героев, их предводительствующих. Послушайте, юнга, как звучит этот перечень: «Сих предводителем был Диомед, знаменитый воитель...».

Или так: «Сорок черных судов принеслося за ним к Илиону...».

Вот уже много веков строки Гомера завораживают читателей, вдохновляют поэтов разных веков и стран. В их произведениях можно найти отзвуки этих бессмертных поэм. Послушайте, юнга, начало стихотворения Осипа Мандельштама:

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладою когда-то поднялся.

Догадались, о чем идет речь?

ЮНГА. Догадался. А почему, капитан, вы сказали, что именно детские стихи — наиболее подходящий груз для нашего «Кораблика»?

КАПИТАН. Вы меня удивляете, юнга. Разве не в детстве и юности особенно тянет повидать дальние страны, отправиться на поиски приключений? Об этом прекрасно написал французский поэт середины XIX века Шарль Бодлер. Вот несколько строк из его стихотворения в переводе Марины Цветаевой:

Для отрока, в ночи глядящего эстампы,
За каждым валом — даль, за каждой
далью — вал.
Как этот мир велик в лучах рабочей лампы!
Ах, в памяти очах — как бесконечно мал!

В один ненастный день, в тоске
нечеловечьей,
Не вынеся тягот, под скрежет якорей,
Мы всходим на корабль, и происходит
встреча
Безмерности мечты с предельностью морей.

Одним из таких юношей, с детства бредивших дальними странами и кораблями, был лицейский товарищ Пушкина Федор Матюшкин. Пушкин посвятил ему такие строки:

Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!...

ЮНГА. Наверное, капитан, почти у каждого поэта можно найти стихотворение о море или кораблях? Как жаль, что наши авторы и корреспонденты так редко об этом пишут! Давайте предложим им написать об этом.

КАПИТАН. Стихи, юнга,— это не сочинение, которое можно написать на заданную тему. Мы лучше предложим ребятам узнать, кто автор цикла стихов «Капитаны». Вот одно стихотворение из этого цикла. Записывайте, юнга:

На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.

Быстрокрылых ведут капитаны,
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведал мальстремы и мель,

Чья не пылью затерянных хартий,—
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь.

И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Клочья пены с высоких ботфорт,

Или, бунт на боту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.

Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса,—
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернет паруса.

Разве трусам даны эти руки,
Этот острый, уверенный взгляд,
Что умеет на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегат,

Меткой пулей, острогой железной
Настигать исполинских китов
И приметить в ночи многозвездной
Охранительный свет маяков?

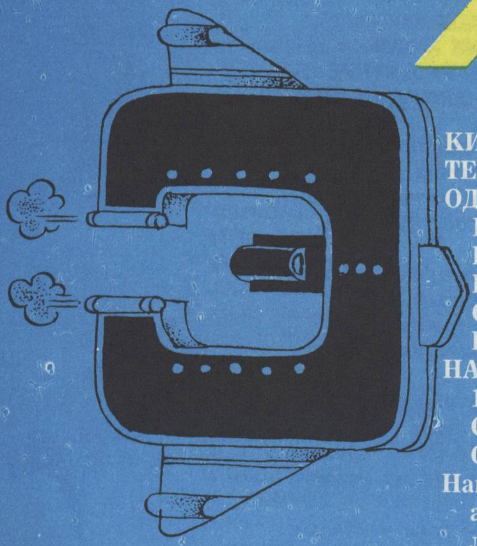
Пусть ребята напишут нам все, что им удастся узнать о жизни, путешествиях и стихах этого замечательного русского поэта, жившего в начале XX века.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Бортжурнал ведет М. Поливанова.

НА СТАРТ... ВНИМАНИЕ... МАРС!

КИПАЖАМ, ЗАКОНЧИВШИМ ПЕРВЫЙ ЭТАП «ПИОНЕР»СКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ НА МАРС, А ТАКЖЕ ОТДЕЛЬНЫМ ЧИТАТЕЛЯМ, ПРЕОДОЛЕВШИМ ЭТОТ СЛОЖНЫЙ МАРШРУТ, ЗАНЯТЬ СВОИ МЕСТА!

ГЛУБОКО ВЗДОХНУТЬ!

ШИРОКО ОТКРЫТЬ ГЛАЗА!

ПРИГОТОВИТЬСЯ К СТАРТУ!

СКАФАНДРЫ ПО-ПРЕЖНЕМУ НЕ НАДЕВАТЬ!

НАЧИНАЕТСЯ ВТОРОЙ ЭТАП «ПИОНЕР»СКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ НА МАРС!

10, 9, 8, 7...

СТОП! ОТСТАВИТЬ СТАРТ!

Отмена старта поступила с командного пункта нашей экспедиции. Напоминаем вам, что ведут в этот полет всех желающих:

академик БОРИС ВИКТОРОВИЧ РАУШЕНБАХ;

летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, доктор физико-математических наук ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ ГРЕЧКО;

писатель КИР БУЛЫЧЕВ.

Именно они оценивали в течение первого этапа ваши знания, вашу подготовку, ваши действия. Именно с их команды должен был начаться второй этап экспедиции. Но старт отменен. Ждем важного сообщения с командного пункта.

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

СТАРТ ВТОРОГО ЭТАПА «ПИОНЕР»СКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ НА МАРС ОТКЛАДЫВАЕТСЯ НА НЕСКОЛЬКО МИНУТ!

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

ПОДПИСЧИКАМ И ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» ПРИНЯТЬ К СВЕДЕНИЮ:

1. В ИЮНЕ ПРОШЛОГО ГОДА ДАН СТАРТ «ПИОНЕР»СКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА МАРС. КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ, ОСНАЩЕННЫЙ ПО ПОСЛЕДНЕМУ СЛОВУ НАУКИ, ТЕХНИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ, ГОТОВ БЫЛ ПРИНЯТЬ НА БОРТ ВСЕХ ЖЕЛАЮЩИХ. ОДНАКО К ОКОНЧАНИЮ ПЕРВОГО ЭТАПА ЭКСПЕДИЦИИ ВЫЯСНИЛОСЬ, ЧТО ЭКИПАЖ КОРАБЛЯ НЕДОУКОМПЛЕКТОВАН.

2. ПРИЧИНЫ ЭТОГО ВЫЯСНЯЮТСЯ КОМПЕТЕНТНОЙ КОМИССИЕЙ. ПО ВСЕЙ ВИДИМОСТИ, ТУТ СЫГРАЛИ РОЛЬ ЛЕТНЕЕ ВРЕМЯ НАЧАЛА ЭКСПЕДИЦИИ И ОТСУТСТВИЕ БОЛЬШИНСТВА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ НА СВОИХ РАБОЧИХ МЕСТАХ. ТАКЖЕ СКАЗАЛОСЬ И ОТСУТСТВИЕ СЛЕДУЮЩЕЙ ИНФОРМАЦИИ:

— ЗА ПОБЕДУ В КАЖДОМ ЭТАПЕ ЭКСПЕДИЦИИ УЧАСТНИКОВ ЖДУТ НАГРАДЫ — КНИГИ, ДИПЛОМЫ, ЦЕННЫЕ ПОДАРКИ;

— ТЕХ, КТО УДАЧНО ПРЕОДОЛЕЕТ ВСЕ ТРИ ЭТАПА, ОЖИДАЕТ ЭКСКУРСИЯ В ЗВЕЗДНЫЙ ГОРОДОК.

3. ПОЭТОМУ ПРЕДЛАГАЕМ: ОДНОВРЕМЕННО С НАЧАЛОМ ВТОРОГО ЭТАПА ПРОДОЛЖИТЬ ПЕРВЫЙ ЭТАП. НА БОРТ КОРАБЛЯ СМОГУТ ПОДНЯТЬСЯ ВСЕ, КТО ПРИШЛЕТ ОТВЕТЫ ДО 15 АПРЕЛЯ.

(Условия прохождения первого этапа опубликованы в журнале «Пионер» № 6 за 1988 год. Условия прохождения второго этапа публикуются сразу после объявления старта.)

ДАТЬ СТАРТ ПЕРВОМУ ЭТАПУ ЭКСПЕДИЦИИ (смотри выше).

ДАТЬ СТАРТ ВТОРОМУ ЭТАПУ ЭКСПЕДИЦИИ (смотри ниже).

Рисунок Д. КАМЕНЩИКОВА.

ЗАДАНИЕ № 1

Марс совершает свой бег на четвертой от солнца, следующей за земной, орбите. В момент противостояния расстояние между нашими планетами сокращается до 56 миллионов километров. Для зоркого глаза это сравнительно немного. Поэтому планета знакома людям с незапамятных времен. Год на Марсе равняется примерно двум годам на Земле. Его диаметр около 7 тысяч километров, а масса $6,4 \times 10^{23}$ кг. Все это давно известно, но...

КАКАЯ СТАНЦИЯ, КОГДА И С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ ПЕРВОЙ ОПУСТИЛАСЬ НА ПОВЕРХНОСТЬ МАРСА? ЧТО НОВОГО О ПЛАНЕТЕ УЗНАЛИ УЧЕНЫЕ ПОСЛЕ ЕЕ ПОСАДКИ НА МАРС? СКОЛЬКО СТАНЦИЙ ПОБЫВАЛО НА МАРСЕ С ТЕХ ПОР?

ЗАДАНИЕ № 2

Еще в 1726 году великий Джонатан Свифт в своем «Путешествии Гулливера» писал, что обитатели Лапутии посредством совершеннейших телескопов открыли у Марса два спутника, которым автор дал весьма подробное описание. Через двадцать пять лет эту версию повторил французский философ Вольтер. В его повести «Микромегас» у Марса существуют две «луны».

Однако ученые на эти предсказания внимания не обращали. Во второй половине XIX века считалось установленным, что у Земли имеется один спутник, у Марса спутников нет, у Юпитера их четыре, а у Сатурна — целых восемь. Для «порядка» у Марса недоставало двух спутников: тогда последовательность была бы совершенной — 1, 2, 4, 8. Но и эта магия цифр не заставляла ученых задуматься. И все же...

КТО ИЗ УЧЕНЫХ, КОГДА И ГДЕ ВЫСКАЗАЛ ГИПОТЕЗУ О ТОМ, ЧТО МАРС СОПРОВОЖДАЮТ ДВА СПУТНИКА? ЧЕМ ОН ПОДТВЕРЖДАЛ СВОЮ ДОГАДКУ?

ЗАДАНИЕ № 3

На Марсе происходили события, описанные в романах многих писателей. О марсианах издревле велись разговоры и сочинялись легенды.

Насколько же все-таки обоснованы рассуждения о существовании наших собратьев по разуму? Большинство астрономов настаивают: на Марсе условия для жизни неприемлемы.

А КАКИМИ ОНИ БЫЛИ РАНЬШЕ?

ВОТ ЭТОТ ПОСЛЕДНИЙ ВОПРОС И ЕСТЬ НАШЕ ЗАДАНИЕ. ХОТЕЛОСЬ БЫ ТАКЖЕ, ЧТОБЫ ВЫ РАССКАЗАЛИ, КТО ИМЕННО СООБЩИЛ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ О ПРЕЖНЕЙ ЖИЗНИ МАРСА? СЕГОДНЯ ТОЖЕ СУЩЕСТВУЮТ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ СЧИТАЮТ, ЧТО ЖИЗНЬ НА МАРСЕ БЫЛА, И ДАЖЕ ЗНАЮТ, ГДЕ ИСКАТЬ ЕЕ ОСТАНКИ. КТО ЭТИ ЛЮДИ, КОГДА И КАКОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ОНИ СДЕЛАЛИ?

ЗАДАНИЕ № 4

Итак, к концу XIX века считалось, что у Марса спутников нет. Но тут в одном доме произошел обычный семейный скандал и...

ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ В МИРЕ ПОСЛЕ ЭТОГО СКАНДАЛА? В КАКОЙ СЕМЬЕ ОН ПРОИЗОШЕЛ И КАКОЕ ОТНОШЕНИЕ ИМЕЕТ К НАШЕЙ ИСТОРИИ?

ЗАДАНИЕ № 5

Один из спутников Марса особенно удивлял ученых. Он двигается с постоянным ускорением и приближается к поверхности Марса. И тогда родилась самая невероятная гипотеза...

В ЧЕМ ОНА ЗАКЛЮЧАЕТСЯ И КТО ЕЕ АВТОР? КОГДА И КЕМ ОНА БЫЛА ОПРОВЕРГНУТА?

ПОЕХАЛИ! СКАФАНДРОВ НАДЕВАТЬ ВСЕ ЕЩЕ НЕ СТОИТ.

Третий этап состоится в апреле. Итоги будут подведены в № 12.

Международный детский компьютерный лагерь расположился под Переславлем-Залесским. И поднял флаги шести стран: СССР, США, ФРГ, Италии, ЧССР, Болгарии. В лагере отдыхали 150 ребят — люди не случайные: победители различных олимпиад и конкурсов. И взрослых было немало: преподаватели, ученые, вожатые...

Лагерь начинили компьютерами и всякой электроникой так, что иные наши научные лаборатории могли бы позавидовать. А быт — как в обычном пионерском, ну, может, чуть-чуть лучше.

Занимались здесь дети и взрослые физикой, математикой, музыкой, лингвистикой... А экологи не только сидели за компьютерами и приникали к окулярам микроскопов, но и отправлялись в пешие и лодочные походы.

Я прожила в лагере пять дней и пять дней теперь могу о нем рассказывать. Но как уместить такой рассказ на нескольких журнальных страничках? Придется от рассказа оставить одни лишь картинки, зато картинки будут обо всем: и о смешном, и о хорошем, и о нескладном.

ХАККЕРЫ В РОЛИ СОЗДАТЕЛЯ, ИЛИ ЭВОЛЮЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

НУ КАК РАБОТАТЬ С ТАКИМИ ДЕТЬМИ?

Три взрослых человека сидят за компьютером: два наших физика, постарше и помоложе, и американец — доктор философии, устроитель подобных лагерей в США. А между ними — мальчишка лет десяти.

Наш физик, тот что постарше, рассказывает американцу, как можно объяснить детям некоторые разделы физики, если у тебя под рукой есть компьютер. Молодой переводит.

Вот, например, полет снаряда в безвоздушном пространстве.

Эту задачу может решить каждый школьник. А полет того же снаряда в воздухе — уже без компьютера не решить: математические расчеты слишком сложны, не знают школьники настолько математики. И свободный полет планера, и глиссаду посадки без компьютера предсказать невозможно. Не говоря уже о такой захватывающей проблеме, как теория катастроф,— без компьютера к ней лучше и не приближаться.

Ученые беседовали, мальчишка слушал разинув рот. Что понял он, не знающий даже азов физики? Что запомнил? И как повлияет этот разговор на всю его жизнь? Вот вопрос.

...Я как-то спросила у вожатой Оли из Липецка, с которой подружилась в лагере, что делают по вечерам ребята в палатах: может, они дерутся подушками, скачут по кроватям, мажут друг друга зубной пастой?

— Да что вы, они в постели книжки читают, и все о компьютерах. Это же хаккеры!

Хаккеры... Я уже слышала здесь это слово. С иронией его произносили ученые, с неодобрением — вожатые.

— А кто они такие, хаккеры?

— Фанаты программирования.

...Приехал в лагерь психолог и провел опрос среди ребят и вожатых. Оказалось, у вожатых интерес к общественной жизни можно оценить высшим баллом — плюс 12, у ребят низшим — минус 12. Зато интеллектуальный уровень ребят гораздо выше среднего.

Что ни предложат вожатые, дети только морщатся: «Это попахивает пионерским лагерем».

А вожатые, между прочим, хорошие, студенты пединститутов, знающие, опытные. Ну как работать с такими детьми? И это вопрос.

ХОЧЕШЬ ПОСМОТРЕТЬ СССР — ИДИ В НЯНЬКИ

Американцы в лагерь приехали из калифорнийского городка Купертино. Городок небольшой, как наш Переславль; там расположена известная фирма «Apple» (по-русски «Яблоко»), выпускающая компьютеры.

Поездка в СССР стоила этим тринадцатилетним подросткам не дешево — по 2 тысячи долларов с каждого. Половину давали благотворительные организации, половину пришлось оплачивать родителям. Ребята тоже зарабатывали на поездку, как могли: кто мыл посуду в ресторанах, кто разносил газеты, а кто нанимался нянчить детей — очень распространенный приработок для школьников в США, получаешь два доллара в час.

Одеты американцы были в одинаковые футболки с надписью «Купертино — Переславль» на груди и списком всех участников делегации на спине. А против имени хозяина майки — красная точка. Подойдешь сзади, хлопнешь по плечу: «Хэлло, Дженифер!» или «Хэлло, Райян!» Очень удобно.

РАССУЖДЕНИЯ О ЧЕРНОМ РЫНКЕ И ИНОСТРАННОМ КАПИТАЛЕ

Кругом в лагере звучала английская речь. По-английски силились говорить ребята — интересно же новых друзей расспросить; силились вожатые — можешь не можешь, а надо всем объяснить, что завтра поход, а после одиннадцати вечера нельзя кричать; почти без усилий говорили ученые... На второй день и я кое-как заговорила, не выпуская из рук карманного русско-английского словаря.

Коллективных знаний английского хватало на довольно пространные беседы:

— А правда, что у вас в Америке не едят черный хлеб?

— Нет, едят, только черный хлеб у нас из пшеницы.

— А из ржи есть?

— Есть, только я его не ем,— отвечал белобрысый американский мальчик.

— A bun costs ten kopecs here![1] — удивлялся другой американец, долговязый парень.— Десять копеек, а у нас доллар!

— А сколько у вас сто́ит автомобиль?

— And how much is in yours?

— А какая в США средняя зарплата?

— And in the Soviet Union?

— У вас в СССР бесплатная медицина, это очень хорошо, вы не представляете, сколько денег уходит у нас на лечение.

— Какой официальный курс рубля?

— Один доллар можно продать за 8 рублей.

— Восемь рублей?! — вскочил белобрысый.— У меня с собой 200 долларов.

— Да, и получить 8 лет тюрьмы за незаконные валютные операции.

— Восемь лет,— сникает белобрысый.

Говорили о мафии, которая позор для Америки и которая, как оказалось, есть и у нас. О коммунизме, о демократии, об экономике.

— Вы не боитесь появления иностранного капитала на вашем рынке? — спрашивали тринадцатилетние американские политики.

— Не боимся,— отвечали политики того же возраста, наши.

Оказалось, говорить обо всем можно.

ДА ЗДРАВСТВУЮТ ГОРЯЧАЯ ВОДА И СПАГЕТТИ!

Андре́а, десятилетний итальянский мальчик, письмо родителям написал, конечно, на компьютере. А отпечатанный принтером листочек показал Марии Гра́циа, руководительнице своей делегации. Писал он, что здесь ему нравится, но просил родителей приготовить к его возвращению двадцать два метра спагетти и огромную ванну с горячей водой.

— Можно подумать, что дома они с утра до вечера моются,— пожала плечами Мария.

Да, горячей воды в корпусах не было, и спать по ночам было холодно, и жили в тесноте, особенно взрослые: ученые, вожатые. А разве по-другому живут в обычных пионерских лагерях? Тут все-таки в столовой еду подавали официантки, на столах красовались скатерти, лежали не только ложки-вилки, но и ножи, и в каждом туалете, простите, висел рулончик бумаги, что уж на наши лагеря совсем не похоже.

Но, в общем, наши гости не жаловались. Когда звонили домой, а в лагере была прямая телефонная связь с США, ФРГ, кричали через моря и океаны: «Мама, тут все хорошо, мне нравится!»

А вот с едой хлопот было много. Ну, особенности национальной кухни — это понятно. Никакой вермишелью спагетти не заменишь. Но, взглянув на наши магазинные помидоры, например, глазами зарубежных гостей, на помидоры с бурыми пятнами, прелыми или, наоборот, зелеными боками, на родную общепитовскую кашу из непромытого пшена, как-то очень явно понимаешь, что это не на уровне мировых стандартов.

«МЕЖДУНАРОДНЫЙ СКАНДАЛ»

Встречаю вечером вожатую Олю, а она говорит: «Сегодня у нас был «международный скандал». Ребята в комнатах страшную грязь развели и не хотят убирать. Ну, с нашими мы справились. А немцы и американцы — ни в какую. Сколько раз им говорили: уберитесь, приведите вещи в порядок — не обращают внимания. Тогда Костя, мой сменный вожатый, прошел по комнатам, и сбросил все со стульев, столов, кроватей на пол. Поднял матрасы, а там... Одежда, огрызки, книги, пачки из-под печенья... Кошмар. Он давай орать. Американцы позвали своих руководителей и тоже кричат: «Это нарушение прав человека!» А Костя: «Это нарушение прав общежития! Вы не одни в комнате. Рядом с этой помойкой другим жить неприятно».

---

[1] Перевод не даем специально. Попробуй с помощью словаря, друга или родителей разобрать смысл сам.

Потом убрались, конечно. Под испепеляющими взглядами своих руководителей. А я спрашиваю у американцев: «Вы что же, дома постели не застилаете?» Нет, говорят, это делают прислуга, мама или сестра.

Под взором кинокамер

Из газеты «Computer camp news», выходившей в лагере на двух языках.

«Вчера кафедра экологии почти в полном составе отправилась на катере по озеру. Целью нашей экспедиции было знакомство с работой шикарных японских приборов. Правда, один из них не работал, поскольку я забыл его зарядить. Зато другой, эхолот, работал прекрасно, и мы видели, как под нами на глубине 10 метров проплывали косяки рыб.

Нам немного мешали ребята с телевидения, которые все время просили нас рассесться в кружочек и принять живописные позы. Да еще они хотели, чтобы был виден экран эхолота и одновременно флаг катера. В результате мы чуть не забыли взять пробы. Нас вообще очень любят репортеры (модное слово «экология»), а показать им пока нечего.

Но сегодня один из наших хаккеров написал программу, моделирующую эволюцию червяков. Эволюция началась! Желающие попробовать себя в роли Господа Бога приглашаются на кафедру экологии.

Лев Ямпольский, преподаватель».

Программисты и «пользователи»

Виолетта и Валерия, девочки из Болгарии, рисуют на компьютере картинку. Дом, солнышко, тучка по небу плывет, теперь надо дерево посадить.

Что это значит — рисовать на компьютере? Объясняю для тех, кто компьютера никогда не видел. Кадр с картинкой меняется на кадр со столбцом цифр и букв. Девочки должны набрать код: дать компьютеру команду, чтобы в нужном месте появилась линия — ствол. Дали команду — ствол вырос. Только что-то тоненький. Решили провести линию рядом, а между ними закрасить. Провели. Здрасте, ну и ствол получился, прямо — баобаб какой-то, размером чуть не с дом. А компьютеру что — ты заказал, он исполнил. Придется последнюю команду стереть и поближе к первой вторую линию провести. Вот так. Теперь хорошо.

Оля из Москвы выполняет более сложную работу. В одном углу экрана Оля нарисовала корзину, в другом — ступеньки, по которым скачет мячик. Одну деталь добавить — получится игра. Ну, например, котенок хочет мячик отнять, а ты должен его обвести и забросить мяч в корзину.

А девочки, сидящие рядом, подбирают музыку к игре. Ноты, чтоб понял компьютер, обозначают буквами, доли — цифрами. Набираешь все это на клавиатуре, а потом через наушники слушаешь, как тот же котенок старается отнять у тебя мячик под веселую песенку.

Я специально сходила на кафедру музыки и лингвистики и послушала, как звучат серьезные музыкальные произведения в исполнении компьютеров. Как будто клавесин играет. А можно сделать, чтобы было похоже на орган.

Экологи тоже на компьютерах работали, на кафедре базы данных. Сначала непонятно мне было это название: база данных. Но посидев полдня на этой кафедре, я догадалась, что база данных — это вроде как копилка со всяческой информацией, и находится эта копилка в компьютере.

Сейчас с компьютерами больше программисты работают, они все про компьютеры знают и по-всякому с ними разговаривают, и очень к своим машинам привязаны. А вообще-то скоро и врачи, и биологи, и художники, и музыканты...— люди любых профессий будут к помощи компьютеров прибегать. Они будут работать на них как «пользователи», то есть им не обязательно знать, что у этих машин внутри и даже как для них составляются программы, они просто будут включать компьютеры и работать по готовым программам. Так вот, экологи тоже на компьютерах как «пользователи» работали: сначала смотрели, какие вокруг Плещеева озера травки растут, цветочки, деревца да кустики, всех паучков, жучков да змеек пересчитывали, а потом эти описи в компьютер закладывали, чтобы сравнить, что с чем растет, а что нет, ну и так далее.

Война кошкам!

В последний день я немножко поиграла на компьютере. Поставили мне игру самую простую. Булочник печет рогалики. А две кошки норовят украсть хлеб. Бедному булочнику приходится и от кошек отбиваться и следить, чтобы печные автоматы не останавливались. Одну кошку я сразу оставила без присмотра — реакция не та, чтобы успевать отпихивать двух прожорливых тварей. Пока я воевала с другой кошкой и бегала туда-сюда, включая печные автоматы (то есть бегал на экране булочник, а я управляла его движениями, нажимая разные клавиши), первая кошка преспокойно хватала готовые рогалики, и в конце игры мои детки плакали за столом, потому что не всем им хватило хлебушка.

Проиграв раз пять, я поняла: всему свое время. Реакцию, глазомер, сообразительность надо сызмальства тренировать.

«Кто я?» — отгадка неизвестна

Загадка из самодельного компьютерного журнала болгарских школьников.

«Я неидентифицированный ходячий объект. Хожу по потолку, по Земле и даже по Луне. Еще «человек» я с характером, собственным мнением и веселым настроением. С двумя руками, двумя ногами. Покупаю болты и железо для бутербродов.

Пью только безалкогольные напитки: серную кислоту, машинное масло и др. Купаюсь на лунных пляжах с лавой и телепортируюсь. Зимой отдыхаю на Марсе, потому что на Земле в это время нет благоприятных условий.

Мой вес 500 граммов.

Кто же я?»

Сразу предупреждаю: отгадки я не знаю. Ищите ее сами.

Три торта Кирилла Мишачева

Рано-рано я прощалась с лагерем, еще до подъема. Но взрослых бодрствовало много: провожали итальянскую делегацию. Между прочим, спросила я у вожатой Оли, много ли тут ребят из Липецка? Оказалось, один только мальчик, Кирилл Мишачев.

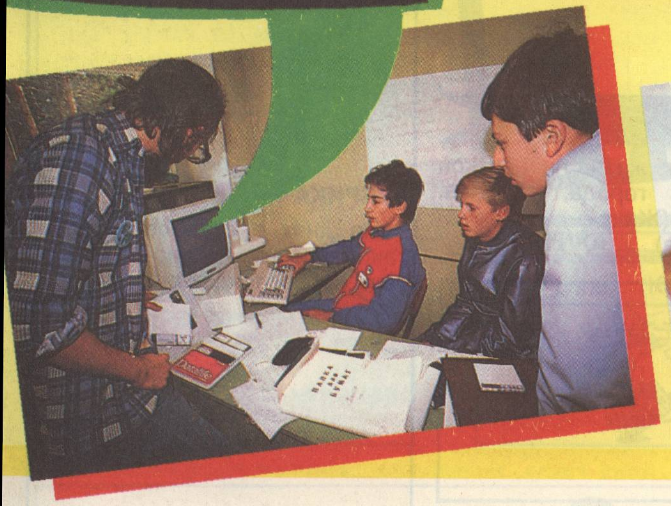
— Кирилл?! Да он же был победителем нашего первого конкурса Чипа!

— Быстренько буди,— сказал заместитель начальника лагеря вожатой Оле,— пусть хоть напоследок увидятся.

И вот пришел длиннющий подросток. И, постепенно просыпаясь, начал рассказывать. Что после того, как он стал победителем конкурса, ведущий нашей рубрики профессор Мигдал пригласил его в гости. Это мы уже знали от самого Александра Аркадьевича. И что Кирилл поразил его своими

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

способностями, и что профессор загорелся достать для мальчика персональный компьютер, и что компьютер он достал.

— Потом мама испекла нам три торта,— продолжал рассказывать Кирилл.— Первый за то, что мы с папой разобрались, что там в компьютере к чему. Второй за то, что подключили его к телевизору, хотя сначала он к нашему телевизору никак не подходил. А третий за то, что подключили к компьютеру магнитофон.

— Тебе в лагере нравится? — спросил заместитель начальника.

— Да, люди нравятся. Можно поговорить обо всем: и о компьютерах, и о политике.

— С кем? Со взрослыми или с детьми?

— Ну, как вам ответить, это смотря к кому меня можно отнести: к взрослым или детям? — парировал Кирилл.

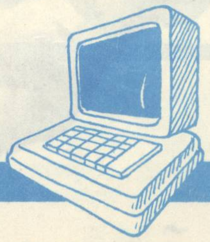
* * *

Пора в Москву возвращаться, а не хочется.

Говорят, митрополит в лагерь приедет. Хор мальчиков будет церковную музыку исполнять. Экологи в поход пойдут. Эволюция червей на экранах компьютеров продолжается... Интересно. Но возвращаться все-таки надо.

До свидания, хаккеры!

М. МАТВЕЕВА

БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ, НАЙТИ И НЕ СДАВАТЬСЯ!

ЮНКОРОВСКАЯ ГАЗЕТА ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»

ВПЕРЕД

1/89

НЕ упусти счастливый случай: сегодня ты можешь попробовать себя в роли главного редактора юнкоровской газеты «Вперед», газеты, которую читают пионеры всей страны. Перед тобой — рабочий макет номера. Какие заметки, репортажи, информации, фельетоны, карикатуры... ты пришлешь для этого выпуска? Ждем материалы до 15 февраля 1989 года. Самым удачливым редакторам мы вышлем награды: грамоты журнала «Пионер» и почетные удостоверения юнкоров газеты «Вперед».

ВНИМАНИЕ, ЭКСПЕРИМЕНТ!

РУБРИКА

Вот с этим человеком я хотел бы встретиться и спросить его о... (Жанр — интервью)

РУБРИКА

Новости из жизни пионерской организации города, поселка, дружины... (Жанр — информация, хроника)

РУБРИКА

На днях я стал свидетелем такой сцены... (Жанр — репортаж, корреспонденция)

РУБРИКА

Проблема, которую в нашей школе (нашем дворе) никто не знает, как решить... (Жанр — заметка, репортаж)

РУБРИКА

Смешно? Грустно! (Жанр — фельетон, памфлет, басня, пародия, эпиграмма)

РУБРИКА

Лучший (а может, и худший) фильм (спектакль), который я видел... Недавно я прочитал удивительную книгу... (Жанр — рецензия)

весь этот

РУБРИКА

Все ребята в нашем дворе поют... (Жанр — авторская песня)

РУБРИКА

В каникулы мы с классом (мамой, друзьями...) ездили... (Жанр — путевые заметки)

РУБРИКА

На этой фотографии... (Фотоснимок)

РУБРИКА

Без слов... (Карикатура)

Выпуск готовили:

(список имен и фамилий твоих друзей, которые помогли тебе сделать эту газету, и ваш коллективный снимок)

ИЗ БЛОКНОТА РЕДАКТОРА:

У каждого выпуска нашей газеты должна быть ГЛАВНАЯ ТЕМА. Например:

— школа — ее радости и неприятности,

— подростки и взрослые — контакты и конфликты,

— путешествия — в мечтах и наяву,

— игра, игра, игра...

— спорт, отдых, увлечения,

и так далее.

Какую главную тему придумаешь для своего номера ты?

Для работы над газетой тебе понадобится РЕДАКЦИОННЫЙ РЕКВИЗИТ:

бумага, ручки, пишущая машинка (если есть), краски, фотоаппарат...

НАПОМИНАЕМ

РУБРИКИ

ГАЗЕТЫ «ВПЕРЕД»:

Информация к действию
Спрашивайте, мальчики
Легко ли быть пионером?
Росток
Патент на удачу
Засуха
За что боролись?
Присаживайся к костру
Возьмемся за руки, друзья
Завалинка
Бурные аплодисменты
Хиханьки
Авторитетное мнение
А что же взрослые?
И так далее.

Ты можешь дополнить этот перечень своими рубриками.

Не забудь, что каждая работа ДОЛЖНА БЫТЬ ПОДПИСАНА полным именем и фамилией автора, неплохо бы и указать его возраст.

В РЕДКОЛЛЕГИЮ

твоей газеты войдут все, кто помогал тебе готовить номер: друзья, одноклассники, мама, бабушка, старший брат и так далее.

Отправляя в редакцию пакет с материалами своего номера, а номер ты можешь подготовить на 2, 3, 4... 6 полос (так называют страницы в журнале), на конверте не забудь поставить девиз: **«ВНИМАНИЕ, ЭКСПЕРИМЕНТ!»**

год мы будем печатать ваши газеты

Лия СИМОНОВА

КРУГ

ПОВЕСТЬ*

Рисунки А. ОСТРОМЕНСКОГО.

1

Был холодный осенний день тысяча девятьсот восемьдесят третьего года. Надежда Прохоровна сидела одна в своем директорском кабинете, и ей казалось, что ветры за окном сшибаются и стонут. И, невидимые, тайком проникают в школьный дом, оттого она никак не может согреться. Она закуталась в шаль, попыталась, хоть ненадолго, отключиться от всего, что так сильно волновало ее. Но мучительная тревожность не отступала, напротив, последнее время она все усиливалась и перерастала в предчувствие беды. Надежда Прохоровна запрещала себе думать об этом, мысленно прикрикивала на себя: «Прекрати! Не раскисай!», и как будто точно знала: беды не миновать...

Когда в дверь постучали, она вздрогнула, испугалась, что увидят ее такой поникшей, быстро справилась с собою и, словно по команде, вечно звучащей внутри нее, приняла привычный торжественно-величавый облик.

— Ой, извините,— выпалила с порога взрослая девочка, просунула в дверную щель по-мальчишечьи коротко стриженную голову. Получив приглашение войти, она тут же изобразила взволнованность, сделав вид, что едва справляется с нарушенным от стремительного бега дыханием:

— Меня.. послала... за вами.. Ольга... Яковлевна... Она... зовет... вас... на помощь...

Девочка была долговязая, нескладная. Выдавали ее глаза, невозмутимо спокойные. Они смотрели на директора с наигранным сочувствием.

— Что-то еще натворили? — сурово полюбопытствовала Надежда Прохоровна.

— Ну, что такое мы могли натворить? — разыграла удивление девочка, интонацией ловко маскируя издевку.— Вы же знаете, Ольга Яковлевна с нами не справляется...

Появившись в классе, Надежда Прохоровна обнаружила, что, несмотря на ее просьбу, не раз повторенную, большинство ребят сидит на уроке в красно-белых шарфах. Так они выражали приверженность «Спартаку», поскольку красный и белый — цвета этой команды.

Игра в фанатичную преданность спортивному клубу казалась Надежде Прохоровне нелепой. Но она все же старалась уяснить скрытый от ее понимания смысл этой игры, хорового скандирования рифмованной фразы: «В Союзе нет еще пока команды лучше «Спартака» и малевания на стенах здоровенной буквы «С», которую обводят ромбиком и перечеркивают по диагонали.

Она наблюдала и терпела. Но представление усложнилось. Она увидела, что девочки напялили на себя пиджаки мальчишек, а мальчики втиснулись в шерстяные кофточки своих одноклассниц. С ее приходом никто не изменил ленивых, разболтанных поз и не прекратил возить во рту жвачку. И Надежда Прохоровна не выдержала.

— Что за маскарад? — сходу и грозно спросила она, будто продолжая недавно прерванный разговор.— Опять безобразничаете? Что случилось еще? — Перенесла она гневный взгляд на молоденькую учительницу.

Худенькая, хрупкая Ольга Яковлевна выглядела чуть старше своих учеников. Втянув голову в плечи, она не отрывала глаз от пола. Теперь, когда обращались непосредственно к ней, она подняла глаза, полные смирения и покорности, явно рассчитывая на поддержку директора. Но ответ пришел не от нее.

— Что случилось? — поднялась во весь рост Холодова, та самая нескладная девочка, которую посылали за директором.— Трудно понять? Мы на грани! — И села, метнув в сторону Ольги Яковлевны уничтожающий, ненавидящий взгляд.

Надежда Прохоровна посмотрела на ребят и увидела такие же ненавидящие глаза.

— Они на грани,— едва слышно повторила Ольга Яковлевна.— Им не нравится, как я убираю кабинет. Столы плохо вытерты, и они отказываются заниматься...

Ребята тотчас заметили, что в ее глазах заплясали злые огоньки — отблески недавнего боя, и поняли, что бой не окончен, и классная надеется его выиграть.

— Что такое? Вы сами убираете кабинет? — недоумение Надежды Прохоровны было беспредельным и яростным.

— Что поделаешь? — обреченно вздохнула Ольга Яковлевна.— Они давно уже отказываются дежурить...— Тайно от директора, но вполне победоносно она поглядывала на свой непокорный класс,

* Журнальный вариант.

и все почувствовали, что она выигрывает. Только потрясенная Надежда Прохоровна ничего не замечала.

— Отказываются дежурить? — продолжала она на высокой ноте.— Мы изо дня в день печемся об усилении трудового воспитания...— Она чуть задержалась на слове, в волнении не сразу выстроив фразу. Тут ее и настиг бесстрастный, теперь не имеющий интонаций голос Холодовой.

— Простите, Надежда Прохоровна, но вы неправильно понимаете трудовое воспитание.— Девчонка в упор посмотрела на директора, а потом так же — на учительницу. Рано, мол, торжествуешь.

Надежда Прохоровна побагровела. Величие ее померкло.

— Марш за тряпкой! — приказала она.— И сейчас же вытереть все столы!

Холодова спокойно взяла с доски тряпку, тщательно прополоскала ее под краном, благо они находились в кабинете физики, и, не торопясь, начала протирать столы. Несколько человек бросились ей помогать, вытягивая тряпку из рук и затевая возню. Надежде Прохоровне стало ясно, что Холодова нарочно провоцирует ее, показывает ей беспомощность окрика, обветшалость якобы законного, годами сложившегося учительского права на беспрекословное повиновение.

— Вот паршивка! — вырвалось у Надежды Прохоровны, и лицо ее исказилось.— Спектакль устраиваешь?! Все по местам!

— Я делала то, что вы просили,— вернувшись на место, словно размышляя над происходящим, невозмутимо произнесла Холодова,— а вы меня оскорбляете. Вам позволено все, нам ничего, так несправедливо. Я тоже хочу сказать...— Голос ее чуть дрожал, но говорила она уверенно:

— Силою власти вы можете заставить меня или кого-то из них,— она кивнула на одноклассников,— вытереть столы. Но надо же, чтобы мы захотели сделать это снова. А мы не захотим.

— Не захотим! — поддержали ее с задних парт.

— Вот видите,— удовлетворенно произнесла Холодова.— Вы не думайте, мне не трудно. И у меня получится лучше, чем у Ольги Яковлевны, потому что я как следует прополоскала и отжала тряпку. Она не испачкает столы мелом. Делая все кое-как, нельзя надеяться, что кто-то с охотой включится в твою работу. Понимаете?..

Это «понимаете?» труднее всего далось Надежде Прохоровне. Девчонка смеет так говорить с ней, директором школы. И она снова не сдержалась:

— Философствуете! Говорить научились! А вести себя и трудиться не научились! Так вас воспитали в показательной школе?!

— Показушной! — выкрикнули с задних парт. И это сразу отрезвило Надежду Прохоровну. Что же такое она говорит? Не сумела вовремя остановиться...

Холодова не давала ей опомниться. Помолчав, как бы пропустив мимо себя директорские слова, девочка еще и одобрила Надежду Прохоровну, что тоже оказалось непросто стерпеть:

— Тут вы правы. В нас не воспитано желание трудиться.— Можно было позавидовать ее выдержке и умению легко складывать слова.— Нет потребности. Но мы же в этом не виноваты...— Цепким изучающим взглядом она обежала всех присутствующих и, решив, что может еще несколько минут занимать общее внимание, ловко выхватила из портфеля толстую тетрадь. Листнув страницы, прочитала: «Человек со стороны тела создан для труда. Но мы видим, что вместе с ним рождается только способность к этому: человека нужно постепенно учить и сидеть, и стоять, и ходить, и двигать руками для работы. Итак, откуда же у нашего духа было бы преимущество, чтобы без предварительной подготовки он сделался бы совершенным благодаря самому себе и через себя?» Ну вот,— заключила она,— это написал ваш предшественник, Ян Амос Коменский. Еще в восемнадцатом веке. Вы тоже, наверное, читаете «Великую дидактику»? Или только газеты?..

Сзади крикнули:

— Да здравствует Холодова!

— Да здравствует «Спартак»! — подхватили голоса.— В Союзе нет еще пока команды лучше «Спартака»!

— «Динамо» Минск? — чуть обернувшись к классу, вроде бы спросил у ребят длинный худющий парень, с волосами едва не до плеч.

— Нет! Нет! Нет! — ответили ему.

— «Зенит» Ленинград?

— Нет! Нет! Нет!

— Ольга Яковлевна? — длинный парень по фамилии Прибаукин стоя дирижировал, размахивая длинными руками.

— Нет! Нет! Нет! — в едином дружном порыве неистово орал класс.

— Анатолий Алексеевич?

— Да! Да! Да! Даешь Анатолия Алексеевича!

Жутковатая это была забава. Надежда Прохоровна почувствовала, что у нее пересохло во рту и ослабли колени. Ольга Яковлевна стояла рядом, отвергнутая, ненужная им, снова втянув голову в плечи и не отрывая глаз от пола. А ее класс, ее ученики, жестоко, безжалостно продолжали скандировать:

— Ана-то-ли-я А-лек-се-еви-ча! Классным! Анатолия! Алексеевича! — И, должно быть, намекая на то, что на нового директора еще возлагаются кое-какие надежды:

— Надежда! Надежда! Надежда Прохоровна! Просим! Классным! Анатолия! Алексеевича!

И вдруг разом все прекратилось. Встала акку-

ратная девочка, Оля Киссицкая, и деликатно попросила:

— Простите нас великодушно! — Она прижала к сердцу пухленькие ручки и склонила голову.— Нам не хотелось бы ссориться, но мы на грани. Поймите нас...

— Я только тем и занимаюсь, что пытаюсь понять вас.— Надежда Прохоровна умела быстро взять себя в руки.— Скоро педсовет мы все обсудим...

Что именно обсудит педсовет — поведение ребят или их просьбу, высказанную в столь непривычной форме,— оставалось неясным. Но директор, горделиво вскинув голову, поспешно покидала класс, и они увидели ее прямую, подчеркнуто стройную спину. Вслед за директором и Ольга Яковлевна выбежала из класса.

2

Стремительно передвигаясь, Надежда Прохоровна пыталась успокоиться, но у нее не получалось. Не могла она больше выносить ерничества, ироничности, невозмутимости, бесконечных дерзостей. Одна Холодова чего стоит?! Откуда в этой долговязой девчонке такая наглая смелость? Такая беспощадность? Неформальный лидер! И не придерешься. Лучшая ученица.

Не только в классе, в школе. Редкая память. Учителя, если урвут время, то прочтут Макаренко и Сухомлинского, а эта, отличница, знает и Блонского, и Выготского, и Шацкого, все достает!.. И не один мускул не дрогнет на ее лице, когда она в упор расстреливает своими немигающими глазами: «Ольга Яковлевна не знает физики! Пока не поздно, пусть займется чем-нибудь другим!» Только шея покрывается красными пятнами, но это уже от нее не зависит. Робот!..

Надежде Прохоровне хотелось побыть одной, но не успела она закрыть за собой дверь кабинета, как в нее постучали. Стук был характерный, нетерпеливый, барабанящий, и она не обманулась. Вошла завуч, Виктория Петровна, грузная, страдающая одышкой, постоянно возбужденная женщина.

— Я все уже знаю,— сразу же объявила она,— Ольга Яковлевна рыдает! А эти изверги все изголяются! Все выпендриваются! — Она не церемонилась в выборе слов.— Напрасно, напрасно вы, уважаемая Надежда Прохоровна, с ними сюсюкаете, чохаетесь с ними! Они так совсем на голову сядут, голуба моя, предупреждаю!..

Надежда Прохоровна видела, как недоверчиво косится на нее завуч, словно прикидывает, будет ли толк из новой директрисы. И она невольно подумала, как неуютно, наверное, детям под тяжестью этого подозрительного взгляда...

— Что прикажете делать? — по возможности спокойно спросила она и поймала себя на том, что постоянно оправдывается перед завучем.— Я и так сегодня вышла из берегов, кричала на них...

— Неужели кричали? — Не скрывая удовольствия, Виктория Петровна опустилась на стул и заинтересованно посмотрела на директора.— Ну, это уже прогресс вперед!

«Прогресс вперед» рассмешил Надежду Прохоровну, а ее собеседница обиделась.

— Не вижу смешного,— осуждающе произнесла она и назидательно добавила: — Кричать на них мало. Их надо наказывать! Наказывать надо!

— Ох, Виктория Петровна, Виктория Петровна, неутомимая вы женщина,— посетовала Надежда Прохоровна.— Много ли дают ваши телефонные звонки родителям? Только озлобляют их, а заодно и ребят. Да они уже в пятом, даже в четвертом классе понимают, что наказать их вы не можете. Двойки не поставите, вам проценты успеваемости нужны для отчета. Из школы не прогоните, у нас всеобщее среднее образование. Ну, а кричать громче станем, думаете, они нас лучше услышат? Все слова, слова... Потонули мы в словах...— Она встала, подошла к окну, и, поливая из небольшой красной леечки цветы, предложила:

— Давайте-ка я, как раз к случаю, расскажу вам забавную историю. Летит самолет. Один пассажир, несмотря на увещевания стюардессы, пристает к соседям. Стюардесса и так с ним, и эдак, и просит, и требует, а он будто и не слышит. Наконец, когда она слишком уж надоела, он вдруг как гаркнет на весь салон: «Не мелькай, милочка! Если я тебя не устраиваю, высади меня!» А самолет на высоте десяти тысяч метров...

Улыбаясь, Надежда Прохоровна повернулась к завучу. На неподвижном лице Виктории Петровны не появилось даже малейшего подобия ответной улыбки. История, случившаяся на высоте десяти тысяч метров, оставила ее безучастной.

— Безнаказанность,— заключила она,— ведет к распущенности. За последнее время,— завуч намекала на время директорствования Надежды Прохоровны,— эти изверги распустились до предела!

«У нее вовсе отсутствует чувство юмора»,— с досадой отметила Надежда Прохоровна, а вслух произнесла:

— Ольга Яковлевна не справляется с классом. Ребята не хотят ее, просят Анатолия Алексеевича. Есть ли смысл им отказывать?..

Виктория Петровна оставила вопрос без ответа. Плотно сомкнула тонкие губы, и Надежда Прохоровна вдруг заметила, что завуч нервно теребит в руках какие-то бумаги.

— Вот, полюбуйтесь,— дождавшись подходящего момента, не без некоторого торжества протянула она директору одну из этих бумаг.

Это было сообщение из милиции. Быстро пробежав его глазами, Надежда Прохоровна узнала, что «подростки Клубничкина Мария, Дубинина Ольга, Тесли Юстина, Прибаукин Вениамин, Столбов Алексей и Попов Валерий задерживались за нарушение общественного порядка и поставлены на учет в детской комнате милиции». Больше всего Надежду Прохоровну поразило, что среди нарушителей оказался тихий мальчик с ангельским личиком, комсорг класса, Валерик Попов.

Опережая возможные вопросы, Виктория Петровна молча передала Надежде Прохоровне еще один листок бумаги, на котором уже рукою завуча была написано: «Акт совершения недостойного поступка обсужден на классном собрании совместно с родителями. Проведена беседа директора лично с каждым учеником. Закреплено шефство учителей за данными учениками персонально».

Надежда Прохоровна недоуменно посмотрела на завуча.

— Что вас тревожит? — не поняла Виктория Петровна.— Совершенные злодеяния или указанные здесь меры по их искоренению? Обещания мы исполним, чуть позже, а реагировать обязаны немедленно!

В дверь снова постучали. На пороге появился Анатолий Алексеевич. Виктория Петровна обрадованно вскочила ему навстречу, немало удивив На-

дежду Прохоровну.— Ну? Что эти изверги говорят? Милиция сигнализирует, что они хулиганили в подъезде!..

— Я думаю, это не совсем так, Виктория Петровна, и я прошу вас больше не давать мне таких поручений, посреднических, извините, это как-то неловко...— Несмотря на решительность слов, Анатолий Алексеевич совсем по-ученически топтался возле завуча.— У них было важное дело. Они хотели его обсудить. Шел дождь. Пришлось забежать в подъезд. Поднялись на второй этаж и громко спорили. Жиличка с этого этажа, как они говорят, оказалась слабонервная. Позвонила в милицию. Сейчас же все боятся подростков. А их необходимо послушать! — твердо произнес Анатолий Алексеевич и с надеждой посмотрел на директора.

— Их послушать, волосы дыбом встанут,— мрачно проговорила Виктория Петровна, пристально изучая своих коллег.— Если им во всем потакать, завтра они свергнут и этого избранника. В школе непозволительна анархия, в школе необходим порядок! И все обязаны ему подчиняться!

3

Отслужив в армии положенный срок, Анатолий Алексеевич вернулся в педагогический институт, только уже на вечернее отделение. Мама, которая никогда не болела, внезапно умерла от инфаркта, и он вынужден был самостоятельно зарабатывать на жизнь. Он устроился в школу преподавателем начальной военной подготовки. Этой осенью, уже с дипломом историка, Анатолий Алексеевич начал вести и свой любимый предмет, и его уроки нравились ученикам. Он чувствовал, что ребята тянутся к нему, старался не избегать их испытующих

взглядов и острых вопросов, которые нередко и его самого ставили в тупик. Тогда он честно признавался им в этом, как советовала ему мама, которая тоже была учителем истории.

Получив классное руководство, Анатолий Алексеевич подолгу оставался с ребятами. Иначе как он мог бы понять их?! А ему, прежде всего, хотелось понять... Он обещал им в дни ноябрьских праздников пойти в поход. Договорился с шефами, молодыми сотрудниками научно-исследовательского института, что они проведут в школе дискотеку, даже с диск-жокеем. Ребята обрадовались, казалось, успокоились, а на следующий день ушли с уроков.

Виктория Петровна, как всегда, первой узнала о том, что класс в полном составе исчез с занятий, и бушевала в кабинете директора:

— Я предупреждала. Попустительство к добру не приведет! Их надо наказать! Я настаиваю! Никаких вечеров! Никакой распущенности с диск-жокеями!..

Анатолию Алексеевичу показалось, что Надежда Прохоровна растеряна и колеблется.

— Я помню, в нашем небольшом городке,— неторопливо стала она рассказывать,— показывали трофейную картину. Были послевоенные годы, заграничных фильмов мы раньше не видели, и народ валил в кино. На вечерние сеансы билеты достать было невозможно, мы удрали с урока, с последнего, конечно. Директор школы в наказание послала наш класс разгружать машину дров, которые завезли на зиму. Мы без звука дрова перетаскали, да еще напилили и накололи. Все было справедливо, мы остались друзьями. А тут, мы по одну сторону забора, они по другую. Как перебраться?

— Давайте поговорим с ними,— робко предложил Анатолий Алексеевич.

— Уже говорили,— отрезала завуч.— Даже совместно с родителями. Второй раз этой корриды мое сердце не выдержит!

— Ну, вы можете не участвовать в разговоре,— мягко посоветовала Надежда Прохоровна,— а нам с Анатолием Алексеевичем все же надо понять, что происходит...

— Я не привыкла не участвовать,— обиженно и в то же время надменно заявила Виктория Петровна.— Наше поколение не пугалось трудностей. Но потакать им я не намерена.

— Я думаю, к вашему уроку, Анатолий Алексеевич, они вернутся. Он последний? — Директор просматривала табличку расписания, которая лежала у нее на столе, под стеклом.— Значит, после урока я жду вас с классом.

Надежда Прохоровна не ошиблась. Они пришли на историю.

— Где вы заблудились? — попытался пошутить Анатолий Алексеевич, от растерянности не зная как себя вести.

— В Бермудском треугольнике,— ничуть не смущаясь, отвечали они, словно бегство с двух математик, физики и биологии было делом вполне привычным. Анатолий Алексеевич знал, что Бермудским треугольником именуется у них пространство между Универмагом, Универсамом и «Детским миром» и, поразившись откровенной наглости ответа, сказал с обидой:

— Вы, ребята, уж совсем зарвались!..

А они ему в ответ, по-свойски, с дружеским доверием:

— Приходится рваться. Свободно же не дают.

Оказалось, они стояли в очереди за кроссовками. Пока ждали, успели съездить к родителям, к знакомым за деньгами, наврали, что «Детский мир» приехал в школу на распродажу. И совершенно не испытывали вины. Виноватой они считали промышленность, которая не поспевает за спросом. И учителей, на уроках которых скучно.

К директору они тащились нехотя. В директорском кабинете, падая на стулья, расшвыривали по полу потрепанные портфели и сумки.

— Итак, мы снова все вместе,— сказала Надежда Прохоровна, царственно улыбаясь.

— Команда знатоков против команды любителей,— в тон ей сразу же бросил вызов сутуловатый, сумрачный Слава Кустов. Все потихоньку захихикали. Надежда Прохоровна не захотела этого услышать.

— Вы и на сей раз ни в чем не виноваты?..

— Ну, почему же? — живо откликнулся теперь уже Пирогов, высокий красивый подросток, с умным, чуть надменным лицом.— У вашего вопроса, уважаемая Надежда Прохоровна, есть, как минимум, два аспекта.— Сегодня он захватывал инициативу.— С одной стороны сложности нашей жизни: ну, там, всякие трудности с экономикой, которая должна быть экономной, но не хочет, потом происки империалистов, вынужденные расходы на вооружение, помощь развивающимся странам...— Перечисляя, он загибал пальцы.— Что еще? Мы все это понимаем. И не в обиде. Три часа безропотно стояли в очереди... С другой стороны, нехорошо, конечно, уходить с уроков, тем более надолго. Надолго больше не будем. Кроссовки мы купили. Но...— он нарочно помолчал,— но, если откровенно и доверительно, то нам на уроки являться не хочется.— И он посмотрел на директора таким очень честным взглядом.

Надежда Прохоровна на этот раз держалась абсолютно спокойно. Включаясь в интонацию мальчика, она спросила с иронией:

— Не будешь ли ты, Пирогов, так любезен, объяснить, что вас не устраивает?

— Отчего же,— нисколько не затрудняясь, согласился Пирогов,— научимся, наконец, быть деловыми людьми и скажем кратко: «Все».

На голове у делового человека красовался венок из серовато-блестящих вертушечек с детской игрушки — флюгера. Этот венок, по всей видимости, олицетворял венец из белых роз, и Пирогов не посчитал необходимым снять его перед появлением в кабинете директора.

— Не хочется вводить вас в заблуждение,— продолжал он церемонно,— сегодня с утра я немного задержался. Войдя в класс, я почувствовал, что обстановка накалена до предела, и наша уважаемая Антонина Кузьминична готова впасть в истерику. Допустить такое было бы весьма прискорбно. Я незаметно вышел,— беззастенчиво повествовал он, словно находился в компании сверстников,— завел будильник, который случайно оказался в моем портфеле, и поставил у приоткрытой двери. Он зазвонил. Все закричали: «Ура! Звонок!» И Антонина Кузьминична, хотя как и все, понимала, что звонок ненастоящий, уверяю вас, тоже обрадовалась. Ей еще меньше нас хочется присутствовать на собственных уроках. Ну, а дальше, вы уже знаете. Мы пошли подышать воздухом свободы и... тут совсем некстати выбросили кроссовки... Как было не подобрать такую прекрасную кость?..

Виктория Петровна жадно глотнула воздух. Ее тяжелое, неподвижное лицо сделалось влажным от возбуждения, и она вдруг стала сползать со

стула, на котором сидела всегда так прочно. Анатолий Алексеевич поднялся, чтобы подать ей стакан воды. Ребята смотрели равнодушно. Больное сердце Виктории Петровны не вызвало у них сострадания.

— Можно мне сказать? — подняла руку, будто не видела недомогания завуча, Клубничкина, крупная, румяная девочка, с копной бронзовых кудрей.

— Ну, говори, Клубничкина, что ты хочешь сказать? — неохотно согласилась Надежда Прохоровна, с тревогой поглядывая на завуча.

— Я хочу сказать,— тряхнув бронзовой гривой, встала Клубничкина,— что ваши разговоры — уговоры — сплошная демагогия. Вас причины не интересуют, только следствия. Мы же на математике ничего не понимаем! Говорим Антонине, то есть Антонине Кузьминичне: «Бесполезно слушать то, что не понятно». А она: «Не хотите слушать, не приходите на мои уроки, сдавайте зачеты!» Мы согласились. Перестали ходить на уроки, так Антонина побежала к вам жаловаться. Натуральная демагогия!

— Ты сама демагогию не разводи! — удивительно быстро справилась с недомоганием несгибаемая Виктория Петровна.— Учись как полагается, и будешь все понимать!

— Как учите, так и учимся,— огрызнулась Клубничкина, ожесточаясь.— Прогнали хорошего учителя математики, ко двору не пришлась?!

— Что ты себе позволяешь? — снова, едва дыша, не жалела себя Виктория Петровна.— Ты становишься просто злом школы!

— Зло школы не я,— грубо отразила удар Клубничкина,— и все тут, кроме вас, это понимают. А позволяю я себе не так уж много. Надежда Прохоровна спрашивает, я ей отвечаю. Если вы снова согнали нас сюда каяться, то и не зачем было. Достаточно нас унижали уже на собрании с родителями.— И больше не замечая Викторию Петровну, она обращалась только к Надежде Прохоровне:

— Нужны хорошие учителя. И специализация. Зачем мне математика, если в жизни она не пригодится?

— Тебе могут пригодиться только кавалеры! — никак не могла успокоиться Виктория Петровна.

Клубничкина не удостоила ее вниманием, продолжала:

— А тем, кому без математики не обойтись, нужно преподавать ее всерьез. Не как в трехстах километрах от железной дороги...

— Маша Клубничкина! — подал сигнал длинный, длинноволосый Прибаукин.

— Да! Да! Да! — немедленно подхватил хор.

— Ты что-то хотел добавить к сказанному, Вениамин? Слушаем.

Вениамин Прибаукин не спеша встал, постоял молча и пробасил:

— На физику тоже приходить не будем. Аленке...— Поправился: — Ольге Яковлевне... учить противопоказано.— И сел. Уже сидя, добавил: — Двуличная она.— Но вы,— сказал он, указывая пальцем на Викторию Петровну,— этого не поймете. Вам тоже в школе трудно.

— Хорошо, что понимаете, как с вами трудно,— переосмыслила реплику Прибаукина Виктория Петровна. Он тихо хохотнул и стал смотреть в окно.

— Ну, если уж пошел столь откровенный разговор,— старалась изо всех сил держаться Надежда Прохоровна,— то давайте разберемся, какие трудности с биологией.

— Кожаева! Мария! — скомандовал Прибаукин.— На выход! Твой номер!

Тоненькая, бледнолицая девочка, с глубоко посаженными глазами, скептически взирающими на мир, застенчиво сказала:

— На уроках биологии и географии скучно. Учительница биологии заменяет себя телевизором, а географ на каждом уроке показывает учебные фильмы...

— Что же в этом предосудительного? — с трудом втягивала воздух Виктория Петровна, то и дело вытирая платком вспотевшее лицо: — Все это предусмотрено программой.

— Да, нет, предосудительного, наверное, нет,— вяло отбилась Кожаева,— только телевизор и кино можно смотреть и без учителя. Общения не хватает. Компьютер, и тот способен взаимодействовать, отвечать на вопросы...

— А какие у тебя вопросы? — Надежда Прохоровна решила выяснить все до конца.

— Вопросы? — переспросила девочка.— Всякие. Можно ли, к примеру, биологической энергией лечить людей? Представляете, сколько семей сохранилось бы, если вылечивали алкоголиков?!

— Без вас этих вопросов не решат! — не унималась Виктория Петровна.— Лучше бы в учебник почаще заглядывали, чем развлекаться антинаучными бреднями!..

— Вот так не надо,— девочка волновалась. Щеки ее разрумянились, глаза оживились: — Кибернетику тоже считали лженаукой. На десятилетия задержали развитие биологической науки. Разве можно повторять ошибки прошлого?

— Но сейчас мы говорим об ошибках настоящего. О ваших ошибках!

Тут у Надежды Прохоровны терпение лопнуло. Она строго, осуждающе посмотрела на завуча, хотела что-то сказать, но не успела. Холодова, снова Холодова, вскочила, схватила с пола портфель:

— С меня хватит! У меня нет времени на пустые разговоры. Как там, у Овечкина, в записных книжках: «У меня не так много времени осталось жить. Я не могу уже выносить ни одной глупости. Некогда». Извините, я пошла.— И она направилась к выходу.

— Холодова! Вернись! — Эта девочка как-то особенно действовала на Надежду Прохоровну, да и устала она справляться сразу и с ребятами, и с Викторией Петровной.— Ты что, Холодова, больше всех занята?

— Я не знаю, как все,— без всякого выражения ответила Холодова,— но у меня столько тележек, что их трудно вывезти. Сегодня у меня занятия в школе юных журналистов, репетиция во Дворце пионеров, на ноябрьские праздники наш ансамбль выступает перед ветеранами. Извините, мне еще и за младшей сестренкой надо поспеть в садик. А тут пустое, мы идем в никуда...— И она с силой рванула на себя дверь, чтобы ее не задержали.

Пирогов поправил венец из детских вертушек и тоже наклонился за портфелем. Привстал, перехватил недобрый взгляд завуча и, обращаясь непосредственно к ней, спросил:

— Кстати, вы не знаете, что означает нимб на иконах святых и самого Христа? Может, это свечение? Невидимая глазу биологическая энергия? Может, Христос обладал способностями сенса?..

— До чего договорились? До чего договорились?! — волновалась Виктория Петровна, но ее никто не слушал. Все расходились, без спросу, без разрешения.

— Ребята! — попытался остановить их Анатолий Алексеевич, молчавший во все время разговора, но и его не услышали.

Задержалась только Киссицкая. Жеманясь, она попыталась сгладить впечатление:

— Простите великодушно... Все устали...— Она делала доброе дело, защищала товарищей, успокаивала учителей. Но что-то отталкивало от нее и тех, и других. «Хочет со всеми сохранять добрые отношения,— подумала Надежда Прохоровна.— И вся она такая мягонькая, ласковая, кошечка. Недаром ее Кисей зовут. Но добрых отношений у нее не получается. Хотя так ли это на самом деле?..»

4

Жалил мелкий колючий дождик. Дул порывистый ветер. Анатолий Алексеевич уходил из школы домой с тревогой. Его мучило собственное бессилие, на душе как никогда было мерзко. Он поднял воротник пальто, натянул берет на уши, а подбородок спрятал в теплом, еще мамой связанном шарфе, и пошел вдоль школьного двора.

И вдруг он увидел их. Они сидели на здоровенном деревянном ящике, непонятно как попавшем за школьную ограду, и молча жались спинами друг к другу, словно срослись. Напоминали они стайку потрепанных осенними невзгодами воробьишек. Лица у всех потерянные, каждый замкнулся в себе.

Маша Клубничкина, обхватив полами своей яркой оранжевой курточки, похожей на парашют, голову и плечи рядом сидящей подружки, будто спрятала ее от внешнего мира. Услышав приветствие, эта девочка вздрогнула, высвободила лицо, и Анатолий Алексеевич ужаснулся ему.

Девочку звали Олей Дубининой, Олесей. При первом же знакомстве с классом он заметил ее, подумал: «Самая красивая девочка в школе». У нее были длинные, искрящиеся золотистым светом, волосы, темные грустные глаза и неспешные плавные движения. Хотелось спросить: «Что случилось?», но он не решился. Да и ребята, только он приблизился, вспорхнули и разлетелись. Дубинина, на ходу бросив Клубничкиной: «Пойду умоюсь», ушла в школу. Маша, поколебавшись, задержалась, они остались вдвоем.

— Маша,— спросил Анатолий Алексеевич,— чем я могу помочь?

Клубничкина слабо, но доброжелательно улыбнулась:

— Расцепите нас! Мы устали. Они, наверное, тоже...— Она просительно посмотрела на Анатолия Алексеевича.— Кто-то же должен? — В глазах мелькнула растерянность. Порывисто отодвинулась она в сторону, и ее лицо неожиданно приняло независимое и отчужденное выражение: — Думаете, дурочка? Наивная? Пусть! Но кто-то же должен.— И сама себе ответила: — В том и беда, что никто ничего никому не должен! Я дала себе слово, клятву... Вырасту, не забуду, как была девчонкой, подростком, кто я сейчас?..

— Маша,— отважился Анатолий Алексеевич,— почему у Олеси такое лицо?

Маша пристально посмотрела на классного руководителя, определяя возможную для себя откровенность.

— Сегодня год, как погиб Олесин мальчик, Судаков Сережка. Вы же помните эту трагическую историю?.. Олесе не хотелось идти в школу, в такие дни все особенно напоминает о Сережке. Мы с ней побродили по улицам, а потом испугались, что опять начнется скандал, пошли на уроки и натолкнулись на Викторию. Как только она поспевает повсюду?!. Ну, она на нас за всех и отыгралась: «Безобразие! Ищете любую причину, чтоб прогулять!» Ничего себе, любая причина! Обидно же... Олеся заплакала, я и ляпнула кое-что. Она пообещала, что меня из школы выгонят. Виктория давно на меня зуб точит, но мы еще посмотрим, кто кого...

Тут из школы выбежала Олеся, пролетела мимо Анатолия Алексеевича и Клубничкиной, не помня себя, ничего не различая перед собою. Маша бросилась за ней, догнала, схватила, обняла, задышала в шею, спросила коротко:

— Виктория?

Олеса кивнула.

— Гадина! Гадина! — отчаянно закричала Клубничкина.— Ненавижу! — И горько заплакала.

Анатолий Алексеевич растерялся, потом сказал:

— Поехали ко мне, посидим, поговорим, чаю попьем с вареньем. Мама варила много варенья, ее уже нет, а варенье осталось.

Он думал, они откажутся, а они обрадовались. Им некуда было идти, не к кому прислониться. И он понял, их не как-нибудь надо выслушать, а так, как это делали старые доктора, прикладывая ухо к самой груди.

Дома было тепло. Попыхивал электрический самовар. Мягкий неяркий свет электрических свечек на стене над столиком, где они устроились пить чай, казалось, согревает. Девчонки успокоились, растаяли в мягких креслах.

Клубничкина спросила:

— Это ваша комната?

— Эта комната моей мамы,— ответил Анатолий Алексеевич,— она тоже преподавала историю, и ее ученики любили собираться за этим столом.

— Странно,— сказала Маша, оглядываясь по сторонам.— Слишком уж молодежная комната...— Перехватив недоуменный взгляд учителя, пояснила: — Все живое... Книги раскрытые на письменном столе, даже с закладками. Пластинка на проигрывателе... Значки...

— Я все тут оставил, как было при маме,— пояснил Анатолий Алексеевич.

— Да я не об этом.— Клубничкина не понимала бестактности своего поведения.— Я не видела у взрослых таких живых комнат. Книги большинство покупает для интерьера. Стерео, чтоб не хуже, чем у других... Я спрашивала их, чем отличается джаз от рока, а рок от диско? Не знают. Но заявляют, что современная музыка им не нравится: "Горлопанит!» Мешает, а они хотят, чтоб их не трогали. Это главное. Их ничто уже не волнует!.. Ну, а значки у взрослого?.. Не укладывается...

— Мама собирала их всю жизнь. Особенно те, что имели отношение к детству, к образованию, к пионерской организации. Получилась коллекция...

— Извините,— опомнилась Маша.

— Чем же по-твоему живут взрослые? — задал свой вопрос Анатолий Алексеевич.

— Господи, да они и не живут вовсе,— безразлично пожала плечами Клубничкина.— Делают вид, что живут. Видимость жизни.— Глаза ее сузились, презрительная улыбка искривила рот: — Будто работают. Будто веселятся. Будто стремятся к чему-то. А сами безрадостные... Показуха! Везде одна показуха!.. И, знаете, когда некоторые взрослые слишком уж налетаются перед носом, да еще норовят на нос сесть, приходится отмахиваться.

Она говорила грубо, с вызовом, и у Анатолия Алексеевича испортилось настроение. Дубинина сразу почувствовала это.

— Машка, ты чудовище,— сказала она тихо, мягко, но ее слова отрезвили Клубничкину. Она стушевалась, опустила голову.

Дубинина как бы извинилась за подругу:

— Вы на нее не обижайтесь, Анатолий Алексеевич, она человек-репейник. Прицепится, уколет и торчит. К ней надо привыкнуть. Сережка легкий был человек, и то иногда обижался...— Она сама оборвала себя, и ее глаза стали наполняться слезами...

Анатолий Алексеевич помнил, как оглушила, раздавила гибель Судакова и ребят, и взрослых. Сергей отправился с мальчишками-«фанатами» на стадион, на матч, в котором участвовал «Спартак». «Спартак» играл неудачно, а перед финальным свистком неожиданно забил решающий гол. Все, кто уже устремился с трибун к выходу, задержались, образовалась давка. Ребята пытались пробиться сквозь толпу на поле. Кто-то сильно толкнул Сергея. Он упал под ноги мятущейся толпы...

Тягостная атмосфера, которая к тому времени сложилась в школе, стала и вовсе непереносимой. Родители забирали детей, жаловались в роно и в министерство просвещения. Директора освобо-

дили «за ослабление воспитательного процесса», как было сказано в приказе. Ребята же, со свойственной им прямолинейностью, говорили: «Поперли директрису, потому что турнули на пенсию ее министра. А пока он покровительствовал «госпоже министерше», школа считалась образцовой». До конца года исполняла обязанности директора Виктория Петровна. Трудное пережили время...

— Сережка был умный, веселый, с чувством юмора,— сказала Маша и посмотрела на подругу.— Забежит на перемене к нам в класс, пошутит: «Ну, гномы, как тут моя Белоснежка? Не забывайте, гномы, что я старший и самый неотразимый!» Он же старше нас на год. До сих пор не верится, что больше не придет, не споет: «Главное, ребята, что? Сердцем не стареть!..»

Анатолий Алексеевич с тревогой посмотрел на Олесю. Она сидела с отсутствующим видом, и все, что происходило внутри нее, казалось, скрыто от посторонних глаз.

— Вы говорите, Сергей умный, с чувством юмора, зачем же этот нелепый фанатизм? Он увлекался спортом?

Маша не сразу отозвалась:

— Это сложно. Хотя, что сложного? Понимаете, Пирогов интересуется экономикой, историей, искусством, его друг, Кустов,— информатикой, языками. У Кожаевой — биология, у Холодовой — школа юных журналистов, балалайка... Но есть же и такие, кто не определил еще пока своего интереса... А выделиться чем-то среди других всем хочется...

— Ну, а Сережка?

— Сережка? — Дубинина будто пробудилась, на ее лице появилось заинтересованное выражение: — Сережку замучили родители. Отец заявил, что гуманитарные науки бесправны, и хватит на это его жизни. Настраивал Сережку на естествознание, для которого вроде теперь дорога открыта, а у Сергея с математикой нелады. Какая ж химия или биология без математики? Стали родители завлекать Сергея археологией, посылали в экспедицию с приятелем. Вернулся он оттуда злой. Распевал: «Главное, сердцем не стареть!», но я чувствовала, что человек потерялся. И родительские подсказки не по нему, и самостоятельно думать мешают... «Фанской» жизнью он себя обманывал. Вроде дело есть и друзья рядом. В куче легче. Самому с собой страшнее...

— Может, я не понимаю чего-то,— спросил Анатолий Алексеевич,— но разве так уж интересно взрослым ребятам из года в год заниматься одним и тем же, собирать фотографии спортсменов, вырезки из газет и журналов с сообщениями о матчах? Орать: «В Союзе нет еще пока...» Чушь какая-то...

— Но зато всем доступно. И всегда можешь рассчитывать на поддержку своих,— убежденно сказала Маша.— А это важно. Комсомольцам, случись что, на тебя наплевать. Киссицкой какой-нибудь разве до других есть дело? А тут, хоть ночью тебе позвонят, ты побежишь, и если надо, будешь своих отбивать от «фанатов» другой команды. Но к тебе, стоит позвать, прибегут свои. И ты живешь уверенно, знаешь, что тебя защитят и поймут. Это многих устраивает.

— Ну, а на уроке, зачем вы кричите: «В Союзе нет еще пока», красно-белыми шарфами обматываетесь, вы что, тоже «фанаты»?

— Да это так, игра,— смутилась Дубинина.— От учителей отбиваемся...

В тот вечер ни о чем серьезном больше не говорили. Пили чай с вареньем и слушали музыку.

А когда девчонки совсем собрались уходить, уже в прихожей, Маша Клубничкина вдруг сказала:

— Вам не нравятся наши игры? А ваши игры вам нравятся? Правила, по-моему, одни и те же.

— Какие правила? — Анатолию Алексеевичу стало не по себе.

— Будто не знаете? — недоверчиво покосилась Клубничкина и снисходительно улыбнулась.— Заслоняться, чтоб не осалили...

Ночью Анатолий Алексеевич не мог заснуть. Впервые он увидел своих учеников, вернее учениц, в момент душевного смятения, когда они не кривлялись, не жеманничали, не иронизировали — не защищались. И был потрясен: как же тошно им в их счетах с собственными я и с окружающим миром!..

В бунте они бежали от самих себя. Ненависть ко всему, что мешало им жить, желание избавиться от оков объединили их, но как же далеки они были друг от друга на самом деле.

Кто-то был виноват в этом. Родители, которые внушили им, что они самые любимые, но не научили любить. Классные руководители, которые часто менялись. Виктория Петровна, так настойчиво стремившаяся к порядку, совершенно не нужному им для счастья и покоя. Бывшая директриса, прозванная «госпожой министершей», «ослабившая воспитательный процесс». Но и у вины всех виноватых были свои причины. И если вдуматься, они образовывали целую цепь больших и маленьких виновностей.

Анатолий Алексеевич, историк и учитель истории, понимал, что, не исследовав все звенья этой цепи, не поймешь поведения ребят. И не объяснишь их т е п е р е ш н е й ж и з н и, если не попытаешься увидеть каждого из них не только в сегодняшнем дне, но и в дне вчерашнем, и даже в том далеком прошлом, где их и не было вовсе, но уже рождалось их Начало. А это непростая задача...

5

Оля Киссицкая этой осенью отправлялась учиться со смешанным чувством радости, беспокойства и ожидания.

Лучшая ее подруга Ника Мухина ушла в школу с математическим уклоном. Боязно было оставаться без Ники, без ее твердого слова, ее поддержки, но зато теперь она сможет играть главную роль и ее мнение станет ориентиром для класса.

Оля и Ника всегда были в центре внимания. Но прежде Ника, после Оля, а Оле все настойчивее хотелось главенствовать. И от того, что ее нетерпеливое желание расходилось с действительностью, она раздражалась, нервничала. Но досадовала не на себя, недолюбливала класс.

Многие одноклассники не испытывали к ней симпатии. Пусть. Но без Ники никто больше не помешает ее отношениям с Игорем Пироговым, не скажет: «Твой Пирожок ни с чем!», а Игорь все больше нравился ей.

Чем хуже она Дубининой? Подумаешь, какая красавица, золотые волосы! Кроме тряпок, и говорить с ней не о чем. Счастье, что она Пирогова с его пошлыми вздохами не замечает. Такой, как Игорек, ей не по зубам. Присохла к своему дурачку — шутничку Сережке Судакову, нравилось, что он классом старше. Но теперь, когда Судакова не стало, не заинтересовалась бы она Пироговым!

Оля понимала, что так думать скверно, совестно по отношению к трагически погибшему товарищу,

да и к Дубининой, которая мается своим страшным несчастьем. Но злой бес, словно нарочно, вселялся в нее, когда на пути ее желаний возникали препятствия.

Так случилось, что никогда не удавалось Оле увидеть себя прежде, чем взрослые сообщали ей, как она выглядит. Не успевала она оценивать свои поступки и слова раньше любящих ее старших, и постепенно свое отражение в восторженных глазах стала воспринимать за самое себя, а восторги на устах близких — за истинные свои заслуги. И всякий раз чувствовала себя ущемленной, когда обнаруживала несовпадения.

Родители Оли поженились студентами, и с первых же шагов семейной жизни попали в полную зависимость от «стариков». А «старики» оказались несовместимыми: опыт жизни, взгляды, привычки, ценности — все не совпадало. С тех пор, как Оля помнила себя, ей всегда казалось, что мосток, объединяющий тот и другой берег, держится кое-как и вот-вот провалится.

Оля научилась ловко передвигаться по ветхому мостику. Повзрослев, она сообразила, что разногласия между «стариками» куда более серьезные, чем простое выяснение отношений.

Прислушиваясь к взрослым разговорам, Оля узнала, что мамин папа — ученый — обвиняет папиного и других, «таких, как он», во всех недостатках нашей теперешней жизни, которых подмечает немало. А папин отец, партийный работник, волнуясь, доказывает, и отстаивает, и наступает на маминого с претензиями к «хлипким» интеллигентам. И чаще всего они не могут понять друг друга, когда вспоминают трудные времена — коллективизацию, тридцатые годы или послевоенные — и говорят о культе личности и о «исторической неизбежности».

— Вы хотели создать монолит, вы заботились о равных правах для всех в коллективе,— горячился дед-ученый,— честь вам и хвала. Но личность... Вы забыли о личности. Вы ее уничтожали годами, десятилетиями.

— Вы слепой человек,— возмущается дед — партийный работник,— разве когда-нибудь прежде были созданы такие условия для расцвета личности? Мы голодали, мы мерзли в голых степях, в тайге и болотах, возводя гиганты индустрии, дороги и электростанции. Разве мы не добились успеха? Разве не выстоял наш монолит в годы войны? А о своих ошибках мы сказали честно и прямо...

— Сказали?! — с досадой отвечает дед-ученый.— Но скольких мы недосчитались?! Разве они помешали бы успеху? С ними мы двигались бы вперед куда быстрее и разумнее... И войну выиграли бы скорее, с меньшими потерями... Но войны не станем касаться. Это особое время: там ясно, где враг, где свой и против чего бороться, что защищать.

Оля всегда внимательно слушает взрослые разговоры, но не умеет определить для себя, кто из дедов прав? Выходит, в одно и то же отпущенное для жизни время ее «старики» жили по-разному. И теперь мамин «старик» почему-то попрекает папиного, будто именно он управлял событиями. А сам-то он где был? Почему не сопротивлялся, если ему так все не нравилось? И что значат эти слова, такие страшные своей непонятностью: «роковое время», «историческая неизбежность», «история не рассчитана на одну человеческую жизнь»?

Когда Оля думает об этом, ей кажется, что в голове перемещаются и никак не встают на место тяжелые и острые камни, и голова начинает тяжелеть и кружиться. И хочется вышвырнуть непосильную ношу из головы и поскорее избавиться от всего тягостного и необъяснимого...

Но в школе, в разговорах с одноклассниками она никогда не позволяет себе показать своей растерянности, никогда. Напротив, свысока дает она всем понять, что знает нечто *такое из первоисточников*, о чем все остальные не слышали. И, в зависимости от обстоятельств, призывает из памяти суждения то одного, то другого деда.

Домашняя атмосфера вечного раздражения и недовольства всех всеми лишила Олю способности любить и уважать. По-настоящему преданно и безраздельно полюбила она только себя, единственную. Жадно надеясь на лидерство, Оля мучилась в догадках, отчего же ее победа, едва померещилась, ускользала от нее? Почему снова все не устраивается, как она задумала? И теперь вперед вырвалась Холодова? И даже *эти*, Клубничкина с Дубининой, значат для ребят больше, чем она?!

Человек совсем неглупый, Оля путалась в простом, житейском, не догадываясь, что секрет всего, что с ней происходит, в ней самой. Терзаясь и ревнуя, все чаще в мыслях натыкалась она на новенького Прибаукина. Ей казалось, что именно с появлением этого «преподобного Вениамина» начались для нее все сложности. И она все больше настраивала себя против него.

6

Поначалу и всем остальным в классе Вениамин Прибаукин не приглянулся. Определили: «темный парень». Умные книжки его не интересуют,

в искусстве не сечет, на французском, как только рот откроет, все покатываются со смеху. Говорить с ним о высших материях, а в классе поговорить любили, было бы просто смешно.

Но среди них, привыкших, что никому ни до кого нет дела, Венька казался добродушным и непривычно компанейским.

Веньке ничего не стоило сесть рядом с девчонкой и, обняв на глазах у всех, шептать ей на ухо что-то таинственное. Поначалу девчонки смотрели на него с недоверием, некоторые, как Киссицкая, презрительно, но Прибаукина это не смущало. Он невозмутимо и щедро разбрасывал комплименты, которые самыми неведомыми путями попадали все же на благодатную почву и давали недурные всходы. И даже Холодова удостоила Вениамина рассеянной улыбки, когда он, вроде бы ни к кому, кроме нее, не обращаясь, громко сказал: «Ну, дева, ты у нас просто Сократ!»

Прозвища, не обидные, но очень точно бьющие в цель, с легкой руки балагура Веньки стали плодиться одно за другим, как грибы после теплого осеннего дождя. Он придумал называть классную, Ольгу Яковлевну, Аленкой, Олю Дубинину Олеськой, Олю Холодову Сократом, а Олю Киссицкую не Кисей, как ее именовали прежде, а Цицей в честь древнеримского философа Цицерона. Хитрый Венька чувствовал враждебность Киссицкой, но и ее он старался смягчить, расположить к себе, угадывая, что ей, этакой философствующей гусыне, приятно получить имя философа и, не дай-то бог, ни в чем не отстать от Холодовой.

Прибаукин точно чувствовал людей. Правдоискательницу Машу Клубничкину умиротворял, называя Малинкой. Игоря Пирогова, почитаемого в классе больше остальных мальчишек, возвеличивал князем Игорем или просто Князем, и Пирогову это льстило. В предшествующие годы он был всего-навсего Пирогом или Пирожком.

Не наградив Прибаукина иными дарованиями, природа полной мерой воздала ему в умении покорять и привлекать к себе, и Венька ловко пользовался этим даром.

Сразу сообразив, что тягаться интеллектом с Игорем Пироговым или с его ближайшим другом Славиком Кустовым, да и с девчонками, такими, как Сократ и Цицерон, он не сможет, Прибаукин безмятежно заявил:

— Дружбаны, скучно вы тут живете! Зануды! Песок из вас еще не сыплется? Жить надо современно!

— Современно, это как? — ехидно кольнула Холодова.— Пить, курить и орать: «В Союзе нет еще пока...»?

Прибаукин не опешил, не отступил, как нередко случалось это с другими в разговорах с их классным Сократом, сказал простодушно:

— Ну, детка, ты меня удивляешь! Вроде ты и Сократ, а в банановых рощах путаешься! Современные девочки, детка, вместе с аттестатом зрелости волокут предкам тяжелый животик. Ты как насчет этого?

С Холодовой так развязно никто никогда не общался, и все замерли, не понимая, что последует за этим. Холодова будто потерялась, но если и так, то всего на мгновение, а в следующее прищурила холодноватые, острые глаза и бросила язвительно, как только она умела:

— Ну, Веник,— она тоже не промахивалась с прозвищами,— с тобой все ясно. Ты работаешь в облегченном весе.— И сразу ушла с выражением победоносной иронии на невозмутимом лице.

Больше Прибаукин никогда к ней не цеплялся, и она его не трогала, сохраняли устраивавший обоих нейтралитет.

Прибаукин не был похож ни на кого из всех, кто учился в их классе. Он казался другим и всякий раз неожиданным.

Огромные часы, почти компас, надетые поверх рукава Венькиного школьного пиджака, сразу обратили на себя внимание. Даже те, у кого были свои, невольно обращались к Вениамину: «Сколько времени?» Он с невозмутимым видом отвечал:

— Десять копеек.

— Такие шутки? — взбесился Пирогов, первым попавшийся на удочку.

— Хочешь знать, сколько времени, гони десять копеек.

— Ты что, озверел? Такого я еще не слышал.

— Ну вот, детка, теперь услышал. В жизни, детка, за все надо платить. И скажи мне спасибо за науку.

— Ну и скотина же вы, месье,— разозлился Пирогов.

— Не шурши! — прикрикнул на него Вениамин.— Для вас же стараюсь, понимать надо. Соберутся монеты, пойдем в кафешку. У вас тут шикарный гриль-бар рядом. Побалдеем?!

А потом, как-то само собою, Венькина затея превратилась в занятную игру:

— Веник, который час? Давай лапу, хватай свои десять! Как поживает твой бармен?..

Когда Валерик Попов, комсорг класса, спросил у Вениамина, не собирается ли он вступить в комсомол, Венька изобразил такое искреннее изумление, будто интересовались, не полетит ли он в космос.

— Я? — переспросил он.— Ну что ты, детка, зачем мне это? В институт поступать мне ни к чему, карьера меня не колышет, а в работяги меня и так допустят. Пахать и вкалывать у станка кто-то должен. Это буду делать я. Приумножать силу и могущество нашей великой страны. Смекнул, Попик? — И он снисходительно улыбнулся Попову, а заодно и Пирогову с Кустовым.

Попова, отличника и тихоню, самого примерного в классе ученика, Попиком никто не называл. Он был просто Валериком. Ну, а последнее время к нему вообще редко обращались. Выбрали комсоргом за прилежание, ну и вкалывай, и помалкивай! Тут же все вдруг будто заново взглянули на Попова и увидели, что он и вправду похож на попика, такой голубоглазый, чистенький, смиренный.

Почувствовав всеобщее напряженное внимание, Валерик глотнул и болезненно улыбнулся, а Пирогов с Кустовым многозначительно переглянулись. Они поняли, что прежнее равновесие в классе нарушается, и их лидерство может пошатнуться. Не сговариваясь, они отошли в сторону, а вслед за ними и Киссицкая. И уже в кругу близких ребят Пирогов, картинно покашляв в кулак, уронил фразу, которая не должна была оставаться тайной для Прибаукина:

— Господа, этот человек не нашего круга.

Все услышали, и Венька услышал. Но не подал виду. Обнял Дубинину и потянул за собой. Это и было его ответным ударом. Все в классе знали, а Прибаукин сразу разобрался, что Пирогов давно и безнадежно влюблен в Олеську. Притворяется, что его девчонка Киссицкая, пользуется, что она от него без памяти, но кого-кого, а Веньку Прибаукина не проведешь.

Венька, как самая чувствительная мембрана, способен улавливать настроение окружающих людей. И он давно сообразил, что «фанская» трепотня в этом классе не проходит. Захватывать передовые позиции тут придется иными путями. И он искал единственно возможный для себя путь.

Он нисколько не сомневался, что красив и строен и девчонкам нравится. Его манера сидеть развалившись, далеко протягивая длинные, сильные ноги, неторопливо подниматься и передвигаться лениво привлекала внимание. И шептание на ухо всякой чепухи явно производило впечатление. Тут Прибаукин не имел соперников и всегда оставался в простодушном недоумении: отчего это многие его одноклассники теряются рядом с девчонками? Ему смущение было неведомо. И он все настойчивее утверждался в мысли преуспеть на дамском фланге уже развернувшегося сражения за лидерство с Пироговым, Кустовым и другими «умниками».

Он знал, что в таком непростом деле без своей команды, без «своих», которые за тобой и в огонь, и в воду, не обойтись. И действовал не спеша, приглядываясь к людям, трезво оценивая все хитросплетения в их отношениях.

Дубинина и Клубничкина, без всякого сомнения, свои. Олеську он знал и раньше, видел как-то с Судаковым в одной «фанской» компании и запомнил. Ее нельзя было не заметить и не запомнить, шикарная девчонка! Только она и теперь, после гибели Сережки, остается все же его девчонкой, а он не хотел выглядеть свиньей.

В выборе девчонки для себя он остановился на Юстине Тесли. Все Оли да Маши — жертвы моды, а она Юстина. Можно Ю, в этом что-то есть. И молчаливая, застенчивая, спокойная, для всех желанная. Ее и Сократ с Цицероном в свою компанию принимают, и Олеська с Малинкой не против нее, а она держится все же отдельно от всех, сама по себе. За внешней кротостью и даже покор-

ностью Венька, знаток человеческих душ, почувствовал душевную силу и обаяние. Симпатичная и вниманием поклонников не избалована. Тем лучше, она станет **его открытием**! В том, что Юстина не отвергнет его притязаний, Венька не сомневался. Она прямо трепетала, когда он подсаживался к ней или во всеуслышание заявлял: «Эта Ю для моего Я!»

Попик смотрит на него во все глаза, рот забывает закрыть, улыбается ему, все улыбается и улыбается, будто на всякий случай. Позвать — побежит, пожалуй. Если не за ним, так за Клубничкиной. Малинка ему, бедненькому святоше, ой как нравится, но он ее боится, он и себя, наверное, боится, мамин мальчик. Еще один любимый сынок к нему липнет, Алешка Столбов. Этого «умники-господа» почему-то не жалуют. Вот и компания, и о'кей.

7

Возникало только одно затруднение: где собираться? У Веньки нельзя было. Раньше отец сильно пил и пьяный кидался на мать и на Веньку, кричал так, что слышали все соседи: «Сотру в порошок!» Маленький Венька ужасно трусил, что отец и вправду превратит их с матерью в порошок. А когда подрос, то жил в вечном страхе, что кто-нибудь из ребят увидит отца шатающимся и орущим. Мать же, как назло, настояла отдать Веньку в школу, где большое внимание уделяли французскому языку, чтоб «рос среди хороших, интеллигентных ребят» и не пристрастился к «дурным привычкам». У матери была своя программа воспитания. Сразу же, как только от цирроза печени отец умер, мать вышла замуж. За морского офицера, будто бы родственника какой-то приятельницы, которая позаботилась о ее судьбе. Офицер

редко бывал дома, больше плавал на своем судне, а когда возвращался, то не привозил с собой свежего ветра путешествий и почти ничем не изменял размеренного хода их скучной жизни. Разве только тем, что появилась у Веньки сестренка, глазастая и горластая.

Сестренку Венька полюбил, хотя и прибавилось хлопот с ее появлением. Куда звать друзей, когда в доме грудной ребенок?! Напрашиваться же к кому-то Веньке не хотелось. Он же для всех устраивает праздник. И он ломал себе голову, как быть, пока не вспомнил о Столбовых, о том, как они явились в школу всей семейкой.

Не сумели вовремя прийти на родительское собрание, где всех ребят перед родителями отчитывали, и, убоявшись нового директора, Надежды Прохоровны, приползли на другой день. Венька упал прямо от потехи, когда мамочка Столбова, прихватив Надежду Прохоровну в коридоре, безо всякого стеснения, что их слушают Алешкины одноклассники и знакомые, стала объяснять, кто они есть:

— Мы Столбовы, мы еще не успели вам представиться. Вы, конечно, видели фильмы моего мужа?..

Надежда Прохоровна загадочно улыбалась, и Венька подумал: «Небось никаких фильмов этого Столбова не видела, но ни за что не признается». Кивает головой и улыбается, а мать Алешкина все верещит и наступает на директрису, умора, да и только!

— А я — Пыжова! Пыжова! Надеюсь, вам мое имя знакомо? Я актриса, театра и кино... Наш Алешенька... Он переживает переходный возраст. Это пройдет, а так, поверьте, он очень способный мальчик... Он имеет склонность стать режиссером, как папа...

Венька знал уже, что Алеша с трудом переползает из класса в класс, и ему противно было слушать всю эту трепотню и видеть, как эта актриса, дурочка какая-то, унижается перед директрисой.

«Такие родители,— мелькнула тогда догадка,— для своего раскормленного тюфячка в лепешку расшибутся». Теперь эта мысль вернулась и стала обрастать всякими существенными для данного момента подробностями. Нельзя ли у этих Столбовых собраться?

Алешка постоянно увязывался за Венькой на стадион, не против был поорать в вагоне метро: «Динамо»? Не-е-т! «Ливерпуль»? Н-е-ет! «Спартак»? Да, да, да! В Союзе нет еще пока команды лучше «Спартака»! Как-то после одной из «фанских» встреч Венька напросился к Столбовым в гости, хотел своими глазами оценить великие возможности, которые мог подарить этот дом. И старался, обольщал маму-актрису.

— О, этот ваш фильм «Оазис в пустыне»! Это шедевр! Какое воссоздание среды, человеческих характеров, взаимоотношений, атмосферы времени!

Пыжова посмотрела на него с изумлением, а когда он принялся беззастенчиво восхвалять ее исполнение главной роли, то со слезами на глазах:

— Ах, мальчик, как тонко ты чувствуешь искусство!

— Вы были просто божественны! Вы превзошли себя! Какая яркая напряженность! Какая трансформация характера от комического гротеска до высот трагедийного звучания! — Чудодей Венька немало потратил времени, чтобы заучить фразы из газеты, как стихи по школьной программе, и теперь уверенно заслуживал симпатии и доверие.

— А в театре, в театре ты меня видел, дорогой мой? — переполнялась восторгом и благодарностью актриса.

И юный обольститель, не задумываясь и не теряясь, сообщал, в какой «неописуемый экстаз» привел его спектакль, который он никогда не видел и о котором впервые услышал от самой Пыжовой в школьном коридоре.

— Алешенька, я давно мечтала, сынок, о таком друге для тебя! — красивым грудным голосом пела мама-актриса.— Ах, Вениамин, Вениамин, я буду рада всегда видеть вас в нашем доме...

Прибаукин улыбался и, хотя вполне добился успеха, все же не останавливался, ему понравилось завоевывать:

— Ну, что я такое? Вот ваш Алешка... Я дилетант, невежда, а он... почти профессионал... И какой умница! — Прибаукин понимал, что никакая мать, а эта тем более не устоит перед похвалами сыну. Трудно предположить, насколько затянулась бы эта беседа, если бы Алешка, такой добродушный, вдруг не взбесился.

— Кончай травить! — заорал он неожиданно.— И ты, ты тоже мотай достигать высот трагедийного звучания!

— Боже! — воздев руки к высокому лепному потолку, воскликнула Пыжова.— Когда же наконец канет в небытие этот подростковый возраст?!

Вениамин задушил в себе улыбку и стал поспешно прощаться, церемонно раскланиваясь и вместе с собою оттирая к двери взбесившегося Алешку.

Вскоре компания собралась у Столбовых. Венька приказал всем не возникать, то есть вести себя благовоспитанно. Это входило в его планы дальнейшего завоевания. Смотрели фильмы, отснятые семейством Столбовых в поездках по стране и за рубежом. Слушали музыку, пользуясь отличной японской аппаратурой, танцевали.

Венька поражал всех нехитрыми яствами. Строгал яблоки, парил их в эмалированной кастрюлечке, добавлял варенье, мороженое, которое заботливо прихватил по дороге, и получалось нечто воздушное, великолепное. Коктейли из фруктовой воды искрились в хрустальных бокалах и странно возбуждали, даже пьянили. Хотелось сидеть близко друг к другу, смотреть в глаза, шептаться, молчать, танцевать при свечах. Так Венька и задумывал, невидимыми, но вполне реальными нитями соединяя своих.

Для хозяина дома позвали на вечеринку Машу Кожаеву. Она Алешке нравилась, Венька и это успел заметить. Маша пришла с радостью, Венька знал, ей хотелось восстановить прежние дружеские отношения с Клубничкиной. Пока Маша Кожаева не уехала в Париж, они жили в одном дворе, ходили в один детский сад и в первых классах сидели за одной партой. Но теперь Дубинина не подпускала ее к Клубничкиной, словно Маша за эти годы превратилась в личную собственность Олеськи. Хитрый Венька все учитывал. Была и козырная карта в его игре. Венька надеялся, что Кожаева расскажет «умникам», как провела время с Прибаукиным и его друзьями. Этого больше всего хотелось Веньке, он знал, что делает.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

Поэзия — это Тайна.

Стихи и Поэзия совсем не одно и то же. Бывают стихи, которые и написаны гладко-складно, и внешне всё правильно, а читаешь — и не трогает. А есть стихи, в которых все как-то не так: и непохоже, и непонятно, и знаков препинания почему-то нет, но читаешь — и оторваться не можешь. И запоминаешь сразу, на всю жизнь. Они будто околдовывают тебя. Это, наверно, и есть Поэзия.

В стихах Всеволода НЕКРАСОВА тебе многое может показаться неожиданным, непривычным. Таких стихов ты, наверное, еще не встречал.

В них нет ничего, что преподносится читателю «на блюдечке», в «готовом виде».

Они — полны доверия к тебе, к твоему уму, чувству, воображению.

Они — набросок картины, контур, который ты можешь раскрасить с помощью собственной фантазии.

И тогда случится чудо: случится ПОЭЗИЯ...

И ты увидишь и потемневший весенний снег, и южное море, и долгий августовский вечер...

И сам станешь немножко поэтом...

Между летом и зимой

Всеволод НЕКРАСОВ

* * *

Выпускают огоньки
Тонкие
Коготки,

Ободки
С коготками...

Сонное все,
Черное,

А небо —
Освещенное,

Как бывает
Над катками
Небо
Освещенное.

* * *

Лыжи — лыжи,
Лыжи — лыжи.
Живы? Живы.
Живы? Живы.

Хоть куда
Глаза глядят,

Тут туда
Следы следят:

След
В след.

Снег
На снег.

Тихо-тихо.
Бух-бух-бух...

Хорош — хорош,
Шурух — шурух.

* * *

Опять, опять,
Метель, метель...

Теперь опять,
Теперь опять

Метель —

Теперь оттепель —

Теперь опять метель.

* * *

На том месте, где февраль,
Делается дыра
Черная
Вроде нашего двора.

* * *

Это что это гудит?
И
Гудит-
Гудит
Через форточку.

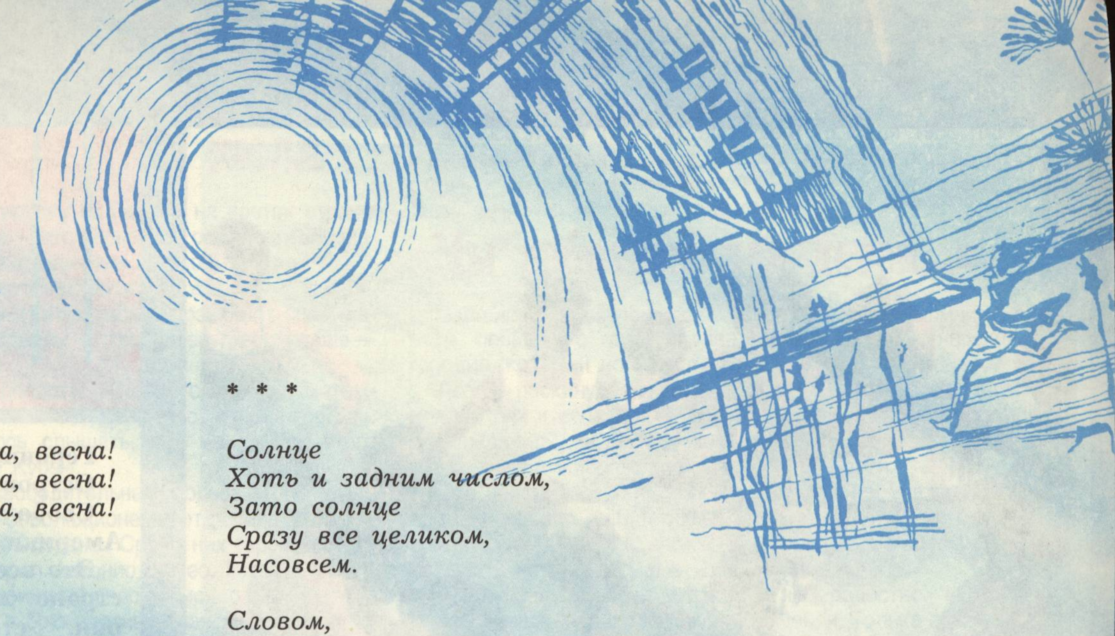
Гудит
Такое
Всю весну...

Это где-то во дворе,
Там,
Внизу —
Внизу
Снеготаялка работает —
Правда —

Снеготаялка
Такая,
Которая
Снега тает.

На таком,
На голубом-на голубом —
Голубом
Газу!

* * *

Весна, весна, весна, весна!
Весна, весна, весна, весна!
Весна, весна, весна, весна!

И правда весна.

* * *

Ночь
Не выдохлась еще.

Дождь
Не высох весь еще.

И подавно
Москва
Не выспалась ведь еще.

А я сижу и смотрю,
Дышу,
Сторожу.

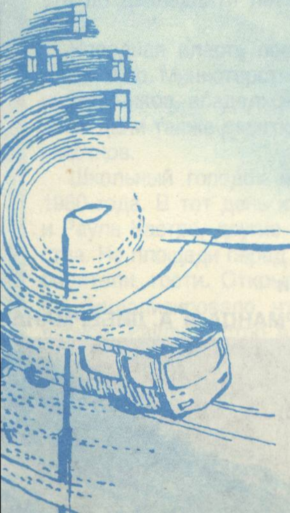
И обязательно
Скажу и напишу,
Если что.
Или еще, если что.

* * *

Утром у нас
Чай с солнцем,

На ночь —
Молоко с луной.

А в Москве электричество
С газированной водой.

* * *

Солнце
Хоть и задним числом,
Зато солнце
Сразу все целиком,
Насовсем.

Словом,
Утром,
А потом там

Лес
Летом,

Чай
С солнцем

И мама с отцом.

* * *

Какое утро
Какое утро

Земля и небо
Вода и море

* * *

И сентябрь
На брь,
И октябрь
На брь,
И ноябрь —
Брь,
И декабрь —
Брь,
А январь —
На арь,
А февраль —
На аль,

Март —
На арт,
Апрель —
На эль,
Май —
На ай,
Июнь —
На юнь,
Июль на август,
Август на сентябрь.

* * *

Относительно небес —
Свод небес
Совсем белес.

Что касается берез —
Ствол березы
Весь
Белёс.

А вообще-то
Осень —

Это
Время сосен.

* * *

Темнота.
В темноту
Опускается пыльца.
Где-то там,
Где-то тут,
Где-то около лица,
Над покрытой головой
И в канавах у шоссе
Дождевой,
Деловой
И касающийся всех
Происходит разговор.

Между небом и землей.
Между летом и зимой.

Рисунки К. БАТАШЕВОЙ.

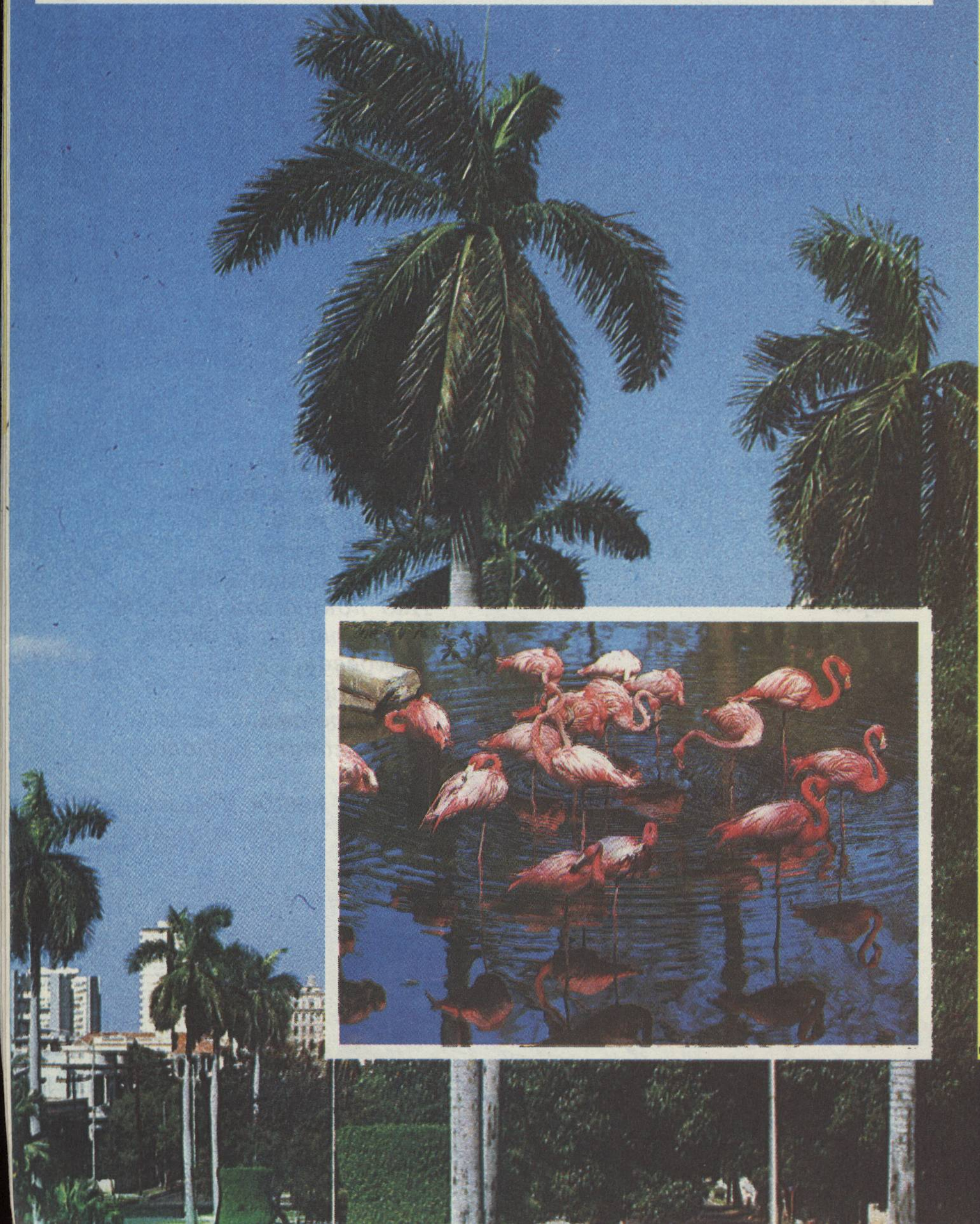
ШКОЛЫ ВМЕСТО КАЗАРМ

Героический остров.
Остров Свободы.
Свободная территория Америки.

Это все — о Кубе, первой стране западного полушария, ставшей на путь строительства социализма.

Христофор Колумб, открывший Кубу в 1492 году, назвал ее «самой прекрасной землей, которую видели глаза человеческие». Но этой прекрасной земле суждено было на целых четыре столетия превратиться в испанскую колонию. А когда в конце прошлого века кубинский народ поднялся на вооруженную борьбу за освобождение родины, США оккупировали остров. И хотя в 1902 году Куба была формально провозглашена независимой республикой, долгие годы она оставалась полуколонией.

Настоящая свобода пришла на Кубу 1 января 1959 года. Революция принесла трудящимся надежду на светлое будущее. А перед детьми Кубы открылись дороги к знаниям и счастливой жизни.

Фотографии
Д. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ЛИБЕРМАНА.

Городок имени 26 июля

Мы летим в командировку из Гаваны на восток страны в Сантьяго-де-Куба. Мы — это несколько советских специалистов, работающих на столичном газовом заводе.

Кубинцы говорят: если встретятся гаванец и житель Сантьяго, то между ними обязательно возникнет спор, напоминающий наши разговоры о том, какой город краше — Ленинград или Москва.

Огромный щит в аэропорту: «Сантьяго-де-Куба: мятежный вчера, гостеприимный сегодня, героический всегда». Мне не раз доводилось слышать, что на улицах этого города «бьется сердце Кубы».

Здесь началась освободительная борьба 1868 года. Здесь родились многие революционеры, отдавшие жизнь за свободу и независимость страны. Среди них герой освободительной борьбы генерал Антонио Масео. В этом городе похоронен и великий кубинский революционер и мыслитель Хосе Марти, погибший в бою против испанских завоевателей в 1895 году.

И в нашем веке именно в Сантьяго-де-Куба начался новый этап борьбы кубинского народа за свое освобождение...

Небольшой домик в местечке Сибоней, километрах в двадцати от города, святое место для всех кубинцев. Пробегающие по шоссе машины салютуют протяжными гудками. Пешеходы, идущие мимо, снимают головные уборы.

В этом доме группа молодых кубинцев во главе с Фиделем Кастро готовилась к вооруженной борьбе против диктатора Батисты, который захватил власть в результате государственного переворота. Отсюда ранним утром 26 июля 1953 года отправились повстанцы на штурм казармы Монкада.

Несколько часов шел бой. Штурмовавшие сражались отважно, но схватка была неравной. Многие повстанцы пали смертью героев, оставшихся в живых ждал суд. Фидель Кастро произнес на суде слова, ставшие пророческими: «Приговорите меня. Это не имеет значения. История меня оправдает!»

Выйдя на свободу после амнистии, Фидель уезжает в Мексику, там вокруг него собираются единомышленники, чтобы продолжить борьбу. Декабрьской ночью 1956 года небольшая яхта «Гранма» с повстанцами вошла в одну из бухточек близ Сантьяго. Но смельчаки попали в засаду. Только двенадцати из восьмидесяти двух удалось пробиться в горы. Они-то и создали повстанческую армию. Ее участники дали обет не стричь волосы до победы. Поэтому в народе их прозвали «барбудос» — бородачами.

1 января 1959 года Сантьяго с ликованием встречал своих освободителей...

Что же стало с Монкадой теперь?

— Над входом в бывшую казарму надпись: «Школьный городок имени 26 июля». Да, сейчас здесь расположен целый школьный комплекс. В его классах занимается две с половиной тысячи ребят.

В канун революции на Кубе миллион взрослых не умели ни читать, ни писать. А более полмиллиона детей в возрасте до двенадцати лет никогда не держали в руках букваря.

Народная власть повела решительную борьбу с неграмотностью. Министерству просвещения были переданы сотни особняков, владельцы которых покинули Кубу. Под школы отдали также десятки крепостей, казарм и полицейских участков.

Школьный городок имени 26 июля открыт 28 января 1960 года. В тот день к ребятам приехали Фидель Кастро и Рауль Кастро, другие члены революционного правительства. На площади перед казармой собрались школьники, их родители, гости. Открытие школы в бывшей казарме как бы символизировало, что борьба повстанцев была ненапрасной. Рауль Кастро взял на руки семилетнюю девочку, дочь Хосе Луиса Тасенде, погибшего 26 июля 1953 года, и сказал: «Смотри, Темита, это то, за что боролся твой отец».

«Мы работаем для детей...»

Эти слова произнес когда-то Хосе Марти. Я вспомнил об этом, побывав с группой советских ребят в пионерском городке, который носит его имя.

Лагерь раскинулся на морском берегу в двадцати пяти километрах к востоку от Гаваны. В старые времена здесь наслаждались жизнью несколько сот богатых семей. Теперь хозяева живописного побережья — дети.

Это необычный лагерь. В нем отдыхают и учатся одновременно около двадцати тысяч ребят. Школьники приезжают сюда на неделю, зимой — на две. За год здесь могут побывать почти все юные жители столицы.

Кубинские пионеры встретили нас радостно. «Отсутствие» языка не было помехой в общении. Только в первые минуты мне как переводчику пришлось изрядно «попотеть»: очень уж много хотели узнать друг у друга ребята. Но вскоре они научились обходиться без меня.

«В этом доме жил Че в первые месяцы 1959 года. Здесь, по настоянию врачей, он восстанавливал здоровье после сильного приступа астмы. Но Че не по вкусу были роскошные апартаменты, и, как только он почувствовал себя лучше, он оставил этот дом». Так написано на табличке в вестибюле дома-музея Эрнесто Че Гевары — одного из руководителей кубинской революции, чье имя окружено легендами.

Но в доме нет привычной музейной тишины. Каждую неделю здесь поселяются двадцать пионеров, которые удостоились этой чести за успехи в учебе и труде. У входа постоянно почетный караул. Ребята встречают гостей, подробно рассказывают о любимом герое кубинской детворы.

У лагеря есть своя пионерская флотилия — более ста небольших катеров. На одном из них мы совершили морскую прогулку. Когда мы отплыли подальше от берега, перед нами открылась панорама этого чудесного городка. Школы, поликлиника, спальные корпуса, бассейн, огромный летний театр, спортивные площадки — и все это в окружении вечнозеленых пальм.

Парк Ленина

В один прекрасный день в кубинской столице открылся новый парк, который совсем не походил на традиционные гаванские парки и скверы. Среди зеленых лужаек, пальмовых рощ и серебристых прудов раскинулся детский парк имени Ленина.

Неторопливо движется маленький поезд с черно-красными вагончиками, заполненными детворой. В театре юные зрители от души смеются над забавными приключениями озорных кукол. В здании-раковине посетители парка любуются тропическими рыбами и крокодилом.

Есть павильон, где ребята читают, играют в разные игры. А в керамической мастерской за несколькими столами взрослые и дети с увлечением лепят фигурки из глины. Но самое любимое место мальчишек и девчонок — уголок аттракционов. Пока не прокатятся на каждом из них по нескольку раз — не успокоятся.

А неподалеку от парка Ленина построен большой учебный комплекс — школа-интернат имени В. И. Ленина. Называется она «эскуэла вокасиональ» — школа для одаренных детей. И обучаются в ней более двух тысяч ребят. Каждый пионер Кубы, получивший начальное образование, мечтает продолжить занятия в школе имени В. И. Ленина.

Александр КИСЕЛЕВ.

ОБ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЕРЕВОДЧИКАХ И ЛУЧШИХ ПОРТНЫХ КЛИВЛЕНДА

Сколько бы теперь ни набирал Сережа на калькуляторе: 1234 + 5678, Чип больше не появлялся. Далеко был Сережин дружок, в Америке, в городе Сан-Диего. Он улетел в США работать над советско-американским космическим проектом «Фобос». Сережа уж весь атлас исползал, а нашел Сан-Диего. Оказывается, он в штате Калифорния, почти на самой границе с Мексикой и в то же время на берегу Тихого океана.

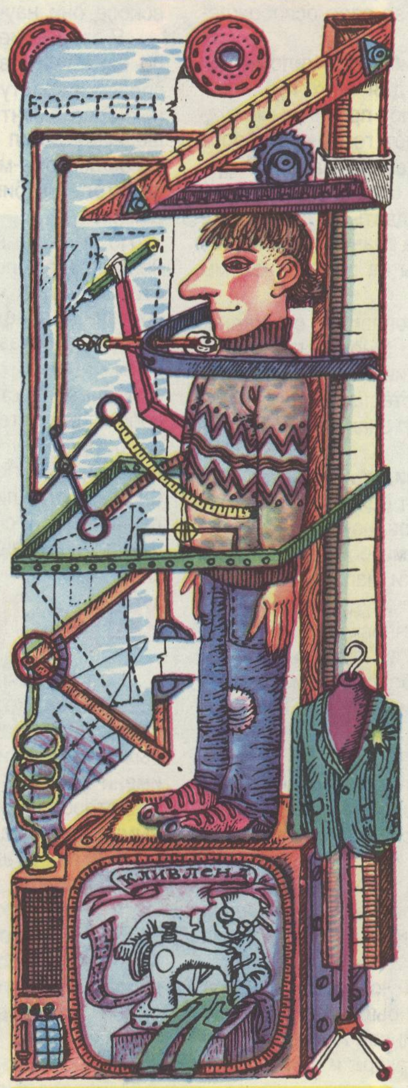
«Ах, Чип, Чип. Что же ты не пишешь? А ведь обещал. Я так привык к тебе»,— думал Сережа.

Забросив атлас, Сережа пошел в папин кабинет посмотреть, нет ли чего почитать про Чипову жизнь и жизнь его братии. Вообще-то шарить на папином столе Сереже не разрешалось. Но сегодня он нарушил запрет и, аккуратно приподняв бумаги, исписанные быстрым папиным почерком, вытянул несколько номеров журнала «В мире персональных компьютеров».

Усевшись в кресло, Сережа погрузился в чтение. Текст был научный, сложный, но кое-что интересное Сережа все-таки вычитал.

Оказывается, в Англии разрабатывается устройство автоматического перевода речи с одного языка на другой. Установлено оно будет на телефонных линиях. Англичанин сможет понять японца, хотя каждый из них будет говорить на родном языке. Как работает устройство? К телефону подключается персональная ЭВМ, на экране дисплея появляется текст произносимой фразы. «Переводчик» знает 1000 слов на английском, французском, испанском, японском языках.

Две японские фирмы изобрели щетки, которые моют самолет всего лишь за час. Управляют щетками компьютеры, а обслуживают эту установку, размещенную в одном из аэропортов Токио, всего пять человек.

Вычислительные машины умеют не только решать научные задачи, но и могут сочинять стихи. Вот какие стихи написала машина по программе двух английских студентов:

Камень стоит шелковый, как сильный шелк остается ярким в шелково-зеленой солнечной ночи.

Огонь становится шелковым, в то время как надежда ласкает как неясное неясный снег.

А в Советском Союзе создана программа, сочиняющая волшебные сказки.

Одна французская фирма разработала вычислительную машину, которая откликается на человеческую речь. Машина понимает 44 команды и может открыть дверной замок, набрать телефонный номер, который вы ей продиктуете, включить в комнате свет...

В универсальном магазине бостонской фирмы «Альберт Эндрюс» с помощью компьютеров шьют на заказ мужские костюмы. Покупатель выбирает фасон и ткань, после чего специальное устройство с большой точностью снимает с него мерки. Персональный компьютер передает эти мерки в Кливленд, где находится пошивочная мастерская. Здесь ЭВМ составляет рисунок раскроя, затем другое устройство кроит ткань. Правда, шьют костюм люди — профессиональные портные и швеи. При такой работе стоимость костюма снижается в два раза.

Сережа посмотрел по карте США, где Бостон, а где Кливленд. Ничего себе расстояние! Наверное, в Кливленде живут самые лучшие портные, раз бостонцы хотят шить костюмы только у них. Но как костюмы из Кливленда пересылаются обратно в Бостон?

Додумать этот вопрос Сережа не успел, потому что в прихожей хлопнула дверь и зажегся свет. Это бабушка вернулась. Пришлось быстро засунуть журналы под папины бумаги и сесть за уроки.

ЗЕЛ
СВЯЗИ

«ДУМАЙТЕ СВОИМ УМОМ!»

«ВЫ знаете, что мне охота? Я хочу сходить в церковь. Не в музей, НЕТ! А в настоящую действующую церковь. О церкви почти вообще не говорят. Заладили все: «Ты же знаешь, что бога нет. Религия дурит людей». А вы сами, товарищи взрослые, в церковь ходили? Нет? Я туда тоже не ходила. Но хочу (очень хочу) понять, за что церковь так ругают. Не бойтесь, в бога я не поверю. Я просто понять хочу таких же, как мы (!), людей. Только, пожалуйста, не надо забитых фраз. Думайте своим умом!

г.Первоуральск, О. В. Мне 14 лет.»

Мне нравится это письмо. Особенно фраза: «ДУМАЙТЕ СВОИМ УМОМ».

Когда-то я и А. Хайт написали рассказ на тему, затронутую в письме. Привожу его без всяких разъяснений и «забитых фраз». Надеюсь на ваш ум.

А. Курляндский.

У ПОПА БЫЛА СОБАКА

Электричка шла на Загорск. На одной из лавочек сидел человек лет пятидесяти, в длинной поповской рясе. Он что-то читал, не замечая насмешливых взглядов своего соседа, паренька в адидасовских кедах и синей спортивной ветровке.

— Батюшка,— не выдержал паренек.— Скажите мне по совести. Зачем вы людей обманываете?

— Каких это людей? — удивился священник.

— Верующих. Они в церковь ходят, дары вам носят, в бога верят, а бога-то нет!

Священник отложил книгу:

— А почему вы думаете, что бога нет?

— Потому что его нет, и все!

— Это не доказательство. Я тоже могу сказать, что он есть, и все.

— Как? Как же он есть, когда его никто никогда не видел?

— Это уже довод. Только богу не обязательно, чтобы его видели. Достаточно, что он всех нас видит.

— Интересное дело,— ухмыльнулся паренек.— Мы его не видим, а он нас видит. Прямо научная фантастика.

— А что тут удивительного? Вот вы, молодой человек, кошку в темноте видите? Нет? А она вас видит. Выходит, кошка существует независимо от вашего восприятия.

— Сравнили. Кошка, она молоко пьет, мышей ловит, а ваш бог, что он делает?

— Многое. Бог заботится, чтобы все люди жили в согласии и справедливости.

— Сказали: в справедливости. Я на уроке задачку списал, а мне пятерку поставили. Выходит, нет вашего бога.

— А пионерская организация у вас есть? Должна она этим вопросом заниматься? Так зачем же богу вмешиваться в дела вашей пионерской организации?

— Все равно вашего бога нет. Его попы придумали, чтобы народ обманывать!

— Это кто вам сказал?

— Никто. Это я в журнале одном прочитал.

— А почему вы думаете, что это правда?

— Раз напечатано — значит, правда.

Священник достал из портфеля книгу в красивом кожаном переплете:

— Послушайте. Здесь тоже что-то напечатано... «...И сказал Бог: сотворим человека по образу нашему и подобию нашему...»

— Это что за книга такая?

— Библия.

— Ну мало что там напечатают.

— Выходит, не всему напечатанному можно верить?

— Выходит... И люди не от бога, а от обезьяны. Это нам в третьем классе еще говорили.

— И от какой, вам тоже говорили? От шимпанзе, гориллы, орангутана...

— Ну, да, вроде...

— Тогда почему же, молодой человек, те обезьяны, что в зоопарке, людьми не становятся?

— Не знаю,— неуверенно сказал паренек.— Наверное, условия не те. Когда та обезьяна с дерева слезла, у нее передние конечности сильно развились. Она и стала человеком.

— А знаете, юноша, как у слона хобот развит? Что же он человеком не становится?

Юноша задумался:

— Нет. Слон не может стать человеком!

— Правильно,— согласился священник.— Ни слон, ни бегемот, ни обезьяна. Потому что человека создал бог по образу и подобию своему.

— Станция Загорск! — Хриплым голосом объявил репродуктор. Священник снял с полки дорожную сумку.

— Послушайте,— робко спросил парень.— вы мне правду скажите. Что же получается? Что на самом деле есть бог?

Священник одернул рясу и внимательно посмотрел на юношу:

— Нет,— тихо сказал он.— К сожалению, нет. Но чтоб это понять, надо сначала в него поверить.

И, взвалив тяжелую сумку, направился к выходу.

А. КУРЛЯНДСКИЙ, А. ХАЙТ

ОСТРОВ сокровищ

Кто на острове живет?
Художники и писатели,
актеры и музыканты —
выдумщики и мечтатели. Они
жили до нас, но оставили нам
в наследство настоящие
сокровища...

Николай ГОЛЬ

КАРАВАН СКАЗОК

Ярко пылал камин в доме барона фон дер Хюгеля, председателя военного суда герцогства Вюртемберг. Вечер был отдан чудесам. Впрочем, чудеса царили здесь ежевечерне с тех пор, как осенью 1822 года начал служить в доме гувернером двадцатилетний Вильгельм Гауф, недавний выпускник университета. Гостиная превратилась в таинственную пещеру, в детской поселялись волшебники и феи, на кухне колдовал Карлик Нос — кто другой мог бы так вкусно сготовить ужин?

Вильгельм Гауф рассказывал сказки.

По горячей пустыне идет караван. Жар течет отовсюду... За барханом в пути вырастает бархан. Громко дышат верблюды. По горячей пустыне идет караван с драгоценной поклажей. Амбру, золото, шелк из полуденных стран он везет на продажу. По горячей пустыне идет караван. Копья вскинула стража: что там — странный дворец иль туманный обман задрожавших миражей?

По горячей пустыне идет караван. Кто там в отблесках знойных скачет наперерез — может, сам Орбозан, благородный разбойник? Засверкает кинжал, зазвенит ятаган... Кто спасется в пустыне?

Солнце. Шорох песка. Вдаль бредет караван. Пляшет пламя в камине.

Сначала сказки слушали только дети, потом стали присоединяться взрослые, а потом на эти вечера начали приглашать гостей.

Чудеса не иссякали. Превратившийся в аиста калиф разевал клюв и бил крыльями, но, забыв волшебное слово, никак не мог снова стать человеком. Только Гауф мог ему помочь.

«Кто понюхает порошок из этой коробки и произнесет при этом «мутабор», тот сможет превратиться в любого зверя, а также будет понимать язык зверей. Когда же он захочет принять человеческий облик, пусть произнесет то же слово».

Запомните: мутабор!

Мутабор! Открой глаза, нынче — сказки срок. Вот бы были чудеса, кабы каждый мог знать язык зверей и трав, птичий знать язык, понимать «ква-ква», «гав-гав», «мяу», «чик-чирик»! Сколько нового смогли б мы узнать про них: про синиц, медведей, рыб, и про нас самих, и про глубь морей и рек, и про выси гор, и еще — про Вюртемберг... Тише!

Мутабор!

Про Вюртемберг могли бы рассказать водившиеся здесь зайцы и лисы, да еще тетерева на поросших буковыми и хвойными лесами склонах гор. Тогдашний Вюртемберг — маленькое государство на юго-западе Германии, которая вся состояла из герцогств, княжеств, графств — какое побольше, какое поменьше. В герцогстве Вюртемберг и двух тысяч жителей не набралось бы.

В почтенной его столице, в тихом Штутгарте, 29 ноября 1802 года появился на свет будущий сказоч-

ник — Вильгельм Гауф. Никуда он из Вюртемберга до поры до времени не уезжал, да и из самого Штутгарта только однажды, в Тюбинген, в университет, километров за двадцать. Ничего сказочного не было ни в маленькой стране, ни в жизни Гауфа.

Городок как городок, жители как жители.

Дивных сказочных дорог здесь вовек не видели. Где разбойник Орбозан? Нету башен радужных: вот колодец, вот базар, городская ратуша. Никаких секретов нет, всем яснее ясного, что сегодня на обед подавали пастору. Герр кондитер кофе пьет, герр аптекарь — капли...

Тук-тук-тук! Кто к нам идет? Или дождик каплет? «Герр советник, как дела?» Это, ноги вытерши, на минутку в дом вошла фрау бургомистерша.— «Что ваш юный гувернер? Чем он занимается?..»

Но окончен разговор. Вы слыхали: мутабор! Сказка продолжается!

Гауф рассказывал сказки.

Шел караван по почтовым дорогам и проселкам Вюртемберга. И в Европу прокладывал он путь, и даже до России добирался неспешным шагом. Шел караван, и жизнь не стояла на месте. К Вильгельму Гауфу — сказочнику, поэту, романисту — пришла известность.

Мутабор!

По дорогам идет караван. Путь далекий не кончен. Сказки двинулись вдаль. Поправляет тюрбан правоверный погонщик. Старый шейх раскурил в паланкине кальян, прячут пленницы лица. Сказки — вечно в пути. Все идет караван...

Кто там в двери стучится?

Тук-тук-тук! Кто это бьет в дверь тяжелым штутгартским молоточком? Может быть, герои сказок Гауфа: Стеклянный Человечек, исполняющий желания, Голландец Михель, который любого одарит богатством, но взамен возьмет бессмертную душу, или главный королевский скороход по прозванию Маленький Мук?

На этот раз — нет. На этот раз сам Гауф возвратился из путешествия. Он ездил в Бельгию и Голландию, побывал в Берлине. Теперь он уже не гувернер. Печатаются его стихи, сказки, романы. Вильгельм Гауф не просто известен — у него литературная слава.

И вот в 1827 году он снова дома. Он молод, красив, богат, он счастливый жених. Все, словно в сказке: «Они поженились и были счастливы много лет...» В штутгартских тавернах студенты и ремесленники распевали песни, не подозревая даже, что слова написаны Вильгельмом Гауфом. Например, вот эту «Утреннюю песню всадника», которая стала народной:

Мне рассвет
тьмой грозит во цвете лет.
Скоро трубы грянут к бою,
я навек глаза закрою,
я и вы, мои друзья.

Ждал ли ты,
что угаснут все мечты?
Гарцевал вчера в долине,
упадешь на землю ныне,
завтра будешь под землей.

Человек, до чего ж твой краток век!
Щеки розами пылали —
розы осенью увяли,
эти тоже отцветут!

Не ропщи, легкой доли не ищи,
но скачи еще смелее,
встретишь смерть — сразишься с нею
и погибнешь, как солдат!

Стояла осень. Розы отцветали. Вильгельму Гауфу было 24 года. Он тяжело заболел. Беспамятство длилось уже несколько дней.

Мутабор!

Средь пустыни застыл караван, как в смертельной болезни. Дышит жаждой сухого песка океан, слепит солнце до рези. Шейх как будто уснул, и погонщик поник, и не выкрикнет: «Трогай!» И колышется смерч, и исчез проводник, оборвалась дорога...

Одиннадцати дней не дожил Вильгельм Гауф до своего двадцатипятилетия.

На его похоронах знаменитый поэт Людвиг Уланд прочитал стихи:

С весной цветущей, свежей, ярколицей,
которая уже не превратится
в осенний сумрак — только с ней сравню я
ветвь сломанную, но всегда живую...

Мутабор!
Вильгельм Гауф рассказывает сказки!

И опять по дорогам идет караван под огнем небосвода мимо странных дворцов, мимо сказочных стран через дни, через годы. И, пока по пустыне идет караван, время есть оглядеться. Питер Мунк на жаре расстегнул свой кафтан, чтоб согреть себе сердце. И, пока через годы идет караван, нету места разлукам. Карлик Нос на привале заходит в духан вместе с Маленьким Муком.

Пусть всегда по дорогам идет караван, хоть и пройдено много... Заплутает глупец. Не спасется профан.

Мудрый — знает дорогу.

Рисунок А. МЕЛИК-САРКИСЯНА.

Выстрел с монитора

Владислав
КРАПИВИН

ПОВЕСТЬ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЛЕГЕНДА О КОМАНДОРЕ

Первая и вторая части повести напечатаны в «Пионере» №№ 10—12 за 1988 год.

На старельком пароходе, идущем по северной реке, знакомятся два человека — пожилой Пассажир и мальчик. Пассажир рассказывает мальчику историю о Галиене Тукке — Гальке — мальчишке из города Реттерхальма, который стоял когда-то возле этой реки. Из-за несчастного случая, в котором Галька скорее всего был неповинен, мальчишку изгоняют из города. Галиен попадает на вражеский монитор береговой обороны, который пробирается к городу, чтобы захватить его. Капитану Элиоту Крассу нужен лоцман. Галиен предлагает свои услуги. У тяжелой мортиры монитора остался всего лишь один снаряд. Им капитан рассчитывает уничтожить городской форт. Галиен подмачивает порох в мортире, чтобы снаряд не долетел. Но порохового заряда должно хватить для того, чтобы при отдаче орудия корабль, осев в воду ниже ватерлинии, пропорол днище о чугунные сваи старой мельницы.

Капитан узнает, что порох подмочен. Пороховой заряд заменен. Выстрел... И тут Галька каким-то чудом заставляет снаряд не долететь до города и плюхнуться в воду. Может быть, Галиену помогла странная монетка, которую он теперь всегда носит с собой?

Как Галька и предполагал, монитор пропарывает днище. Сломан двигатель.

Галиена должны расстрелять, на него уже навели винтовки. Но вот из-за острова показывается катер реттерхальмского гарнизона. Понимая, что сопротивляться бессмысленно, на мониторе поднимают белый флаг.

Памятник

1

Капитан-командор сдержал обещание. Он рассказал офицерам форта, какую роль в поражении монитора сыграл бывший житель Реттерхальма Галиен Тукк. И жизнерадостный, румяный форт-майор Дрейк облапил и расцеловал Гальку, исколов ему щеки могучими усами. Он велел немедля седлать лошадей — для себя, для Гальки, и эскорта, чтобы с триумфом доставить героя в город.

— Ты умеешь ездить верхом?

— Можно, я останусь у вас? — тихо попросил Галька. Он был задумчив.

— А... почему так?

— Ну, я же... меня ведь прогнали. Я даже права не имею...

— Тысяча каленых ядер в глотку этой обезьяне Биркенштакку! — взревел форт-майор.— Он будет бросать цветочки под копыта твоей лошади!

— Нет, не надо,— вздохнул Галька.— Можно остаться?.. Только пусть кто-нибудь скажет у меня дома, что я здесь...

Пленных матросов отправили под конвоем в город, на попечение магистрата. Офицеров монитора форт-майор Дрейк оставил в форте и обошелся с ними по всем правилам военного этикета:

— Господа, надеюсь, вы дадите слово не покидать форт и не предпринимать враждебных действий, пока не будут закончены переговоры об обмене и прочие формальности?.. Благодарю... Нет-нет, кортики оставьте при себе, трофейное оружие мы привыкли брать лишь в бою...

Дать слово отказался лишь лейтенант Хариус, и его, без кортика, с извинениями заперли в камере гауптвахты. Остальных тоже разместили в камерах, но не запертых и обставленных с некоторым комфортом. Лейтенант Клотт держался с прежней невозмутимостью, хотя Красс, Бенецкий и фан Кауф разговаривали с ним сквозь зубы. Вскоре в столовой на квартире командира форта за вполне приятельским столом собрались офицеры - артиллеристы и их пленники. Хлопнули пробки... Хариусу отправили бутылку в камеру... Да, это были времена, когда в воюющих армиях сохранялись остатки рыцарских понятий и правил.

Галька тоже был за столом. Неловко прятал под стул босые ноги и жадно грыз говяжий мосол из жаркого. Форт-майор Дрейк провозгласил тост в честь отважного и находчивого юноши («Вы ведь не станете отрицать этих качеств, господа моряки?»). Офицеры, звеня шпорами, поднялись. «Юноша» тоже встал — немного испуганный, неловкий. Встретился глазами с прямым взглядом Красса и опустил голову. Вытер пальцы о мятые штаны. И вдруг понял, что хочет спать — неодолимо, смертельно.

...Проснулся он в казарме, на солдатской койке, от которой пахло сеном. Барабанщик форта, парнишка лет пятнадцати, тряс Гальку за плечо:

— К тебе пришли.

Оказалось, мама и Вьюшка... Ну, тут, конечно, все было: и объятия, и слезы. Впрочем, недолго. По правде говоря, Галька не был в семье любимцем. Нельзя упрекнуть родителей, что они относились к нему хуже, чем к другим детям, но... старших женить пора, масса забот, а младшая, она и есть младшая, над ней больше всех дрожишь. Средний же — ни то ни се... Вот и привык Галька жить без особых нежностей.

— Ты чего домой не идешь? Пошли! — требовала Вьюшка.

Галька упрямо качал головой. Мать вздохнула:

— Ободранный-то какой, мятый. Мы тебе выходной костюм принесем.

Галька вздрогнул — вспомнил, как стоял в этом костюме перед советниками магистрата.

— Не надо, господин Дрейк мне форму обещал.

К вечеру, и правда, готово было обмундирование. Солдат-портной взял одежду барабанщика, слегка укоротил брюки, немного ушил куртку — вот и все. Форт-майор сам вручил Гальке эполеты вольноопределяющегося. Он считал, что после всего случившегося юный Галиен Тукк имеет полное право на мундир артиллериста.

Галька улыбнулся и откозырял. Но за улыбкой осталась прежняя задумчивость и печаль.

— А где же я тебя устрою? — вдруг озадачился форт-майор.— В казарме теснота... Вот что, живи у меня!

— Если позволите, я хотел бы поселиться с капитан-командором Крассом,— тихо сказал Галька.

Майор изумился:

— С пленным? В камере?

— Ну и что?.. Я ведь и сам вроде как... преступник. Изгнанник,— опять улыбнулся Галька.

— Снова ты об этом! Да знаешь ли, что из столицы приезжал королевский комиссар? Разбирать твое дело!

— Специально из-за меня?!

— Представь себе! Подробностей не знаю, но скоро этот господин сам будет здесь...

— Ну, будет так будет...— Прежнее невеселое настроение не оставляло Гальку.— Значит, можно мне с капитаном?

— А он согласится?

— Я надеюсь.

Несколько раз на дню Галька встречался с Крассом взглядом и чувствовал: между ними какая-то ниточка.

Появился в форте Лотик. И с ним опять Вьюшка. Оба воззрились на Галькину темно-красную куртку с золотыми шнурами. Галька взъерошил у Лотика косматую голову.

— А монетка твоя у меня. Больше не терял. Помогла...

Лотик счастливо вздыхал.

— А что за столичный господин приехал? Знаешь?

Лотик знал, конечно! И Вьюшка знала. Человек этот приехал потому, что в столице стало известно о бессовестном решении магистрата насчет Гальки...

— Это мадам Валентина в столицу сообщила,— торжествующе сказал Лотик.— Мо-мен-тально!

— Как моментально? У нас же нет телеграфа!

Лотик серьезно, с важностью разъяснил:

— Мадам Валентина и не такое может. Я с тех пор, как у нее живу, всего насмотрелся.

— У нее живешь? Почему?

— Он ушел от теток! — ввернула Вьюшка.— Потому что они против тебя тогда бумагу подписали!

Галька вопросительно посмотрел на головастика. Тот глядел исподлобья — и смущенно, и упрямо. Галька опять взлохматил его волосы.

— Мы завтра еще придем,— сказал на прощание Лотик.

Едва они убежали, прибыл верхом из города королевский комиссар. Это был сухой человек в черном мундире военного чиновника министерства юстиции. С длинным и гладким лицом, со светлыми и совершенно бесстрастными глазами. Офицеры, став шеренгой, откозыряли. Посланец из столицы попросил дать ему возможность побеседовать с Галиеном Тукком наедине. Форт-майор Дрейк провел их к себе.

И тут же все разъяснилось.

Сухо и очень понятно чрезвычайный представитель правительства сообщил, что решение реттерхальмского магистрата незаконно по ряду причин. Главная — та, что в военное время, находясь под королевским протекторатом, город вообще не вправе принимать решений по вопросам гражданства. Всякое самоуправство чревато большими бедами, любое нарушение законов подобно ржавчине разъедает государственный механизм. Это во-первых.

А во-вторых, вагоновожатый Брукман признался представителям магистрата и пастору Брюкку, что появление мальчика на рельсах не было причиной аварии. Трамвай затормозил раньше, сам собой. Что произошло с тормозами, Брукман и теперь не может объяснить. Но вины господина Тукка здесь нет.

И далее. Полагая, что пора укреплять уважение к законодательству, соблюдение которого особенно необходимо при военном положении, королевская прокуратура сочла необходимым отнестись к неправомерным действиям магистрата и граждан Реттерхальма со всей суровостью — с применением статьи одиннадцатой закона 1655 года о так называемом «праве на ответное действие». По этому закону человек, пострадавший несправедливо, может требовать, чтобы виновные были наказаны теми несчастьями, которые испытал он сам.

— Я хочу знать ваше мнение по этому поводу,— сказал военный советник юстиции первого класса фан Риген.

Галька смотрел на ровное полукруглое пламя керосиновой лампы. Опустишь веки — и в глазах от пламени зеленые язычки...

— Вы меня поняли, господин Тукк? — спросил фан Риген.

— Я вас понял. Я думаю,— тихо сказал Галька.

— Думайте.

Галька молчал минут десять. Фан Риген больше не торопил его. Сидел прямой, бесстрастный. Исполнитель закона.

— Хорошо...— прошептал Галька.— Пусть они уходят...

— Что?

— Я сказал,— громче повторил Галька и сощурился на пламя.— Пусть они уходят из города.

— Кто?

— Все, кто подписал приговор.

— Но...— Впервые в лице фан Ригена мелькнуло что-то живое.— Это почти все жители.

— Пусть! — сказал Галька.

Советник юстиции встал.

— Хорошо, это ваше право. Мне нужно подготовить бумаги. Я приеду завтра после полудня, и мы утвердим решение.

2

Галька спал в одной камере с капитаном-командором Крассом. В каменной сводчатой комнате с зарешеченным окном, но на роскошной кровати, которую поставили по приказу форт-майора.

Красс не стал возражать против соседства. Серьезно кивнул и не удивился.

Говорили они с Галькой о чем-то перед сном или нет — неизвестно.

Неизвестно также, снилось ли что-нибудь Гальке. Можно лишь предположить, что ему приснился город, покинутый жителями. Хорошо бродить по знакомым улицам, не встречая никого. Обидчики ушли, город остался. Поскрипывают на узорчатых кронштейнах вывески, падают первые желтые листья. Подбежала чья-то собачонка, ластится. Галька идет по заросшему трамвайному пути и держит за руку Вьюшку. Спрашивает:

— Ну что, разве нам плохо?

Вьюшка молчит.

Утром опять пришли Лотик и Вьюшка. Галька сидел между каменными зубцами на верхнем ограждении бастиона. Отсюда видны были река, Китовый остров, а за ним — труба и мачты севшего на сваи монитора. К мачтам все еще были привязаны березки.

Вьюшка была молчаливая и какая-то испуганная. Галька притянул ее к себе. Лотик тихо сказал:

— Галик... а можно, мои тетки останутся в городе? — Он смотрел под ноги, вертел босой пяткой на каменной плите. Словно хотел высверлить лунку.

— А зачем тебе тетки? Ты же ушел от них.

— Ну, все равно... Они старые, куда они денутся? А ту бумагу... они ведь ее просто по глупости подписали...— Головастик нерешительно поднял глаза.

— Пусть остаются,— глядя на заречные луга, сказал Галька.

— Ладно... А школы не будет?

— Ребята не подписывали приговор,— сумрачно отозвался Галька.— Пусть остаются... и ходят в школу, если охота.

— А учить кто будет? — вздохнула Вьюшка.

Галька хмыкнул:

— Можно подумать, главная радость в школе — учителя...

Лотик сказал:

— А учитель Ламм не подписывал ту бумагу. Отказался.

— Ну?! — изумился Галька.

— Ага... Говорят, он ответил: город, который выгоняет своих детей, достоин всякого наказания. Это он по-латински сказал, я не помню точно...

— Правильно сказал,— буркнул Галька.— Видишь, значит, он тоже останется.

Лотик медленно покачал кудлатой большой головой.

— Нет. Ему некого будет учить. Ребята не захотят жить без родителей. Без них плохо, это я уж по себе знаю.

Они помолчали. Припекало солнце, и по зубцам прыгали воробьи. Заиграл горнист, у солдат начинались занятия.

— Им теперь и защищать-то некого будет,— как-то не по-настоящему хихикнул Лотик.

Галька неуверенно проговорил:

— Я думаю, ребята из нашего класса и из твоего, Лотик... пусть остаются с родителями.

Вьюшка подпрыгнула:

— И еще пекарь Клаус, ладно? А то как мы без хлеба!

Пекарь Клаус был большой, толстый, добродушный. Зачем он подписал Галькино изгнание? Тоже не подумал? Без хлеба человеку нельзя. А без своего города, без родного дома можно?

Лотик осторожно проговорил:

— К тебе пастор Брюкк хотел прийти... Он тоже не подписывал...

— Ну и пусть останется в городе. Зачем приходить-то?

— Он не останется, он вчера ночью в церкви говорил, что всегда будет вместе со своими прихожанами...

«Ночью»...— подумал Галька. И представил, что вчера вечером творилось в городе, когда фан Риген сообщил о решении Галиена Тукка!

Но лицо у Гальки не изменилось.

Вьюшка крутнулась:

— Ой, вон они идут! Пастор Брюкк и еще!..

По дороге, что соединяла город с «Забралом», шла толпа мужчин и женщин. Человек двадцать. И ребятишки. Седой пастор в своем черном одеянии медленно шагал впереди.

Галька вскочил.

— Вьюшка, Лотик! Идите навстречу! Скажите... что я не могу, я болею, пусть потом... Ну, идите же!

Сам он бросился в свою камеру, упал на кровать, лицом зарылся в подушку. Капитан-командор Красс поднялся из кресла и долго смотрел на Галькину вздрагивающую спину.

— Вот теперь я спрошу о главном,— наконец сказал он.— Стоило ли спасать город, чтобы потом он обезлюдел?

— А вам-то что? — глухо сказал Галька.

— Мне-то? Да ясности хочется,— как-то постариковски вздохнул Красс.— Или ты спасал не город, а лишь свою честь?

— А что? Этого мало?

— Отнюдь... Я ведь только спросил.

...Днем Галька встретил советника юстиции фан Ригена во дворе форта. И еще издалека громко сказал:

— Пусть все остаются! Все! — Он стиснул кулаки, и в правом была монетка.— Кроме Биркенштакка...

На закате, когда горнист сыграл вечернюю зорю и был опущен крепостной флаг, пришел Биркенштакк. Послали за Галькой. Он встретился с главным советником магистрата у левой башни, под зажженным фонарем командирского поста.

Биркенштакк был в дорожном сюртуке и плаще, мягкой и мятой шляпе (тоже цвета дорожной пыли). Он показался Гальке совсем усохшим. Только покрытый жилками клюв был прежним.

Биркенштакк сказал:

— Господин Тукк. У меня есть полтора часа до окончания срока, в который я должен покинуть город. И мне хотелось бы...

— Меня зовут Галиен. Галь... Галька, если нравится... Что вам хотелось бы, господин Биркенштакк?

— Поговорить. Пять минут...

— Пойдемте.

Красса в камере не было. Солдат внес горящую лампу. Дверь осталась открытой. Было тихо, с реки сладко пахло осокой. Где-то кричали лягушки.

— Садитесь, господин главный советник,— не то сказал, не то вздохнул Галька. И сел на край кровати. А Биркенштакк опустился в кресло. Шляпу положил на колени, как в церкви.

— Я недолго задержу вас, гос... Галиен.— Жилки на носу Биркенштакка вспухли.— Ваше решение справедливое. И хотя я родился и вырос в Реттерхальме и немало сделал для города, я не прошу о снисхождении. Сейчас я уеду в деревню и...

— Может, хоть перед отъездом вы скажете мне правду? — перебил Галька.

— Я за этим и пришел...

Галька перебил опять:

— Я думал все эти дни. Трамвай стал тормозить раньше, чем я бросился к рельсам. Брукман сам признался, и вы все знали... Зачем вы меня выгнали, если я не виноват?! — Галька закашлялся, в горле заскребло.

— Я скажу... Вы виноваты, хотя и невольно. В том-то и дело. Вы не хотели, чтобы трамвай ехал дальше, и он стал...

Галька непонимающе моргал.

— Да, гос... Галь. Это так... Мало того. Несколько человек видели, как один из вагонов навис над обрывом, но вдруг опрокинулся назад, хотя по всем законам тяготения должен был покатиться вниз... Его тоже задержали вы... Галь.

— Как?!

— Видимо, силой взгляда и воли... Или еще как-то. Откуда мне знать природу этих явлений? Я не мадам Валентина... Но я знаю другое: жизнь в городе сбалансирована, отношения в нем ясны и просты, люди счастливы, насколько это можно в наше время. Такое благополучие достигнуто немалыми трудами. Легко ли было добиться, чтобы все притерлись друг к другу, чтобы все было налажено, чтобы даже мадам Валентина вписалась в этот уравновешенный быт... И вдруг появляется еще один койво!

— Кто?

— Койво... Вы не знаете? Так называли в старину людей, обладающих необъяснимыми свойствами.

— Какими?

— Разными... Одни умеют читать чужие мысли, другие видят, что напечатано в закрытой книге, третьи могут взглянуть на человека и сказать, чем он болен... При некоторых светятся или загораются предметы... А бывают такие, как вы... Койво не всегда знают о своих свойствах и не всегда умеют ими распоряжаться. Не все мудры, как мадам Валентина. Но все — опасны. Случается, что из-за них на город сыплются молнии, а над реками рушатся мосты...

— И вы решили от меня избавиться!

— Я отвечал за город... Галь. А сказать правду я не мог ни вам, ни другим. Кто знает, к чему бы это привело?

— А по-моему, вы просто трус!

— Возможно...— вздохнул Биркенштакк.— Но трусость тоже бывает доблестью. Особенно, когда один отвечаешь за многих. Когда вы станете старше... Галиен... вы поймете, что быть трусом порой гораздо труднее, чем смелым.

— Да ну? — насмешливо сказал Галька.

— Да, мой друг... впрочем, сейчас я понимаю, что в случае с вами моя трусость была неоправданна. Думал, что имею дело с обычным мальчишкой, а вы проявили взрослую смелость, находчивость и гражданское мужество. Вы настоящий мужчина.

Галька медленно покачал головой.

— Я мальчик, господин Биркенштакк... На мужчин я насмотрелся в эти дни, ну их к черту. Они и предать могут, и убить... беззащитного... Слава Хранителям, я еще ни в чем таком не замешан. И нечего меня сравнивать с мужчинами. Тоже мне похвала...

— Возможно, вы правы... Но вот что хочу сказать перед уходом. Может быть, на решение о вашем изгнании меня толкнула сама судьба. Не будь этого, вы не спасли бы город...

— Так можно что угодно свалить на судьбу.

— Я не оправдываю себя. Я благодарю судьбу и Хранителей... Галь, я вчера в городе говорил с форт-лейтенантом Зубом. Он передал мне, что рассказывали пленные моряки. Подмоченный порох они заменили, а бомба все-таки не долетела... Галь, вы смотрели на летящий снаряд?

«Да! — эхом отдалась в нем разгадка.— Да! Я смотрел! Я старался удержать снаряд!.. Неужели *такое* возможно?» — Галька взглядом уперся в лампу. Есть у него такая сила? Что же лампа не шевельнется?

Биркенштакк проследил за его взглядом. Осторожно сказал:

— Видимо, это случается лишь в отчаянные минуты, при большом напряжении души.

Галька прикрыл глаза. В них мелькали темные бабочки. Он услышал:

— Я сказал вам все. Прощайте... господин Галиен Тукк.

— Стойте! — Галька вскинул веки. Биркенштакк был уже на ногах. Его тень на стене напоминала громадную птицу тукана из учебника зоологии. Тень замерла.

Галька, давя в себе неловкость, сказал:

— Не все ли мне равно теперь... Оставайтесь в городе, если хотите.

Биркенштакк не скрыл радости. Стрельнул птичьими глазами:

— В самом деле? Вы... благородный человек!.. Но ведь фан Ригену нужен документ...

— У вас есть бумага?

Биркенштакк суетливо достал из кармана сюртука блокнот и вечную ручку с золотым пером — толстую, как палец пекаря Клауса. Вырвал листок.

Галька написал:

«Пусть советник Биркенштакк остается. Галиен Тукк».

— Вы благородный человек,— опять сказал Биркенштакк. Он протянул руку за документом. Галька придержал бумагу.

— Одна только просьба,— хмуро проговорил он.— Никогда больше не выгоняйте ребят из дому... Пусть они хоть какие будут — не выгоняйте...

Тень закивала клювом. Потом Биркенштакк виновато сообщил:

— Но от меня уже ничего не будет зависеть. На днях меня переизберут...

Галька отдал бумагу и встал:

— Прощайте.

— До свидания... Галь.

— Прощайте.

В город Галька так и не вернулся. Еще три дня он прожил в форте. Прибегали Вьюшка и Лотик, приносили от мадам Валентины разноцветные леденцы. Галька спросил у Лотика:

— Так и живешь у мадам Валентины?

— Ага... Тетки зовут назад, но я пока не иду... хотя она меня вчера нашлепала.— Он забавно сморщил нос.

— За что? — засмеялся Галька.

— А я из желтой бумаги окошко сделал, нарисованное. И на кристалл налепил. Ну, помнишь, тот, что в горшке растет... Она же сама говорила: это Вселенная, дом всего человечества. А если дом, почему без окошка?.. Она потом сама засмеялась и говорит: «Ладно, пусть так и будет...» Галька, а ты скоро домой вернешься?

Вьюшка тоже спрашивала: «Ты скоро домой?» Галька рассеянно улыбался и лохматил Вьюшке и Лотику волосы.

Форт-майор Дрейк предлагал Гальке стать барабанщиком. Обещал ему через полгода чин капрала, а к пятнадцати годам офицерское звание форт-прапорщика.

— Я подумаю,— кивнул Галька.

Вечером на верхней площадке бастиона к нему подсел барабанщик Ведди.

— Галь... я спросить хочу... Если не так, ты не сердись.

Галька улыбнулся: чего, мол, сердиться-то?

— Там, на мониторе...— неловко сказал Ведди.— Когда расстрелять хотели... очень страшно было?

Галька подумал. Даже зажмурился, чтобы лучше вспомнить.

— Тогда... нет, казалось, что не страшно. А сейчас, когда вспоминаю, кажется, что было страшно... Понимаешь, я будто в двух человек превратился. Будто один стоит у мачты, и ему наплевать, гордый такой...— Галька усмехнулся...— А другой в сторонке и боится. Страх — он как бы отодвинулся... Ну, как в школе, на математике, множитель за скобки выносят...

Ведди серьезно вздохнул:

— Кажется, я понимаю... Видишь ли, для меня это очень важно. Ты уже испытал такое, а я еще нет... А придется. Мы люди военные.

Галька опять улыбнулся:

— Это ты военный. А я пока не решил.

Наутро Галька ушел из форта. Рано, до побудки. Оставил на кровати форму барабанщика, надел старые штаны и голландку и ушел.

Никто не знает, куда. Следы его в этой истории теряются. Одни говорят, что он отправился в столицу, где учился старший брат. Другие — что просто пошел бродить по дорогам, искать...»

— Что искать? — слегка недовольно спросил мальчик.

— Кто его знает. Может, приюта... желтого окошка, вроде того, которое наклеил на кристалл мадам Валентины Лотик. А то ведь как получается: Вселенная — она, конечно, общий дом, но у каждого ли есть в этом доме свой угол и окошко с огоньком?.. Впрочем, слышал я еще одну версию. Будто Галька ушел из форта с капитан-командором Крассом.

— Значит, Красс бежал?

— Нет, здесь проще. Он и Бенецкий дали подписку не участвовать больше в этой войне, и фан Ригген их освободил. Бенецкий отправился к семье, а Красс... кто его знает.

— Может, он стал опять командовать клипером? А Галька сделался юнгой?

— Ты знаешь, это тоже вариант. Хотя, пожалуй, излишне романтический... А точно ничего не известно.

«Зато известно другое. Жители Реттерхальма, благодарные Гальке за спасение города, воздвигли ему памятник.

Местный скульптор вылепил Гальку из глины в натуральный рост. Потом отлил из бронзы. И поставили Гальку на низком, почти незаметном постаменте, на краю обрыва. Впереди бастиона. Хорошо получилось. Галька стоял в своей старой голландке с закинутым на плечо галстуком, в мятых штанах с пуговицами у колен, босой, с неровно подстриженными, упавшими на уши волосами. Чуть исподлобья смотрел на реку, где за островом ржавел на сваях монитор со своей чудовищной мортирой.

Всем памятник нравился. Только Вьюшка говорила, что осенью и зимой Гальке холодно. Когда она приходила в форт, обязательно набрасывала бронзовому Гальке на плечи белую куртку. Вернее, китель. Его забыл в камере капитан-командор Красс.

У кителя были тяжелые медные пуговицы, их любил разглядывать Лотик. А потом одну даже оторвал украдкой. Лотику нравилась эмблема на пуговице: якорь, за ним скрещенные шпаги, а сверху — не то корона с острыми зубцами, не то встающее из-за горизонта солнце.

Лотик вместе с Вьюшкой часто бывал в форте. Майор Дрейк уговаривал его записаться в барабанщики, когда подрастет, и Лотик обещал подумать. Но скоро форт разоружили, а гарнизон перевели в крепость Ной-Турм: город стало не от кого охранять.

Да и незачем.

Реттерхальм начал стремительно пустеть, а затем его не стало и вовсе...»

— Почему? — спросил мальчик.

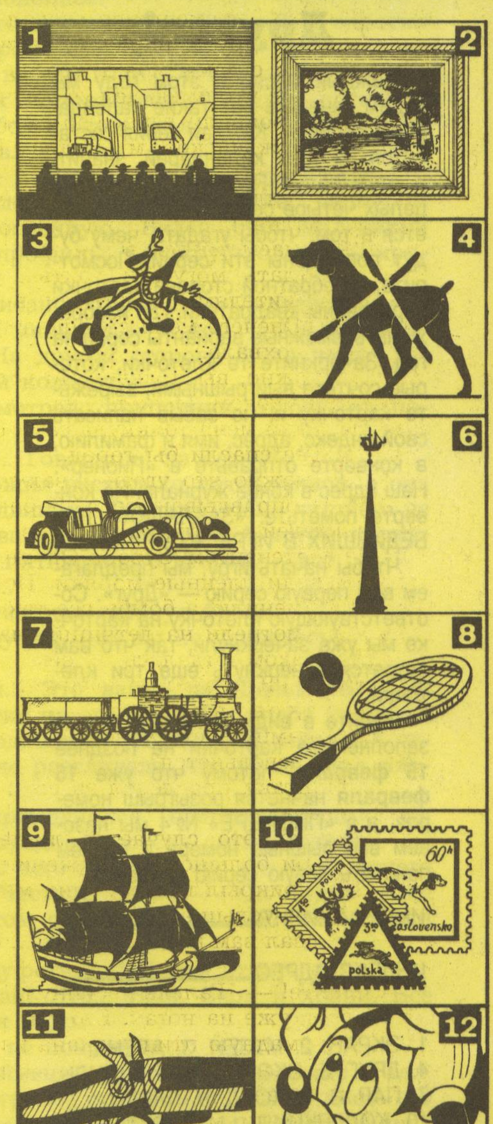
— Много причин... После сильных дождей в ту осень пошли на холме сильные оползни, дома стали разрушаться... Молодежь не хотела оставаться в Реттерхальме, считала его глушью. Население старело и таяло. Мосты и замки рушились..

Продолжение на с. 48.

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

ЯНВАРЬ					
пн	2	9	16	23	30
вт	3	10	17	24	31
ср	4	11	18	25	
чт	5	12	19	26	
пт	6	13	20	27	
сб	7	14	21	28	
вс	1	8	15	22	29

СКОЧ-ТЕРЬЕР

Скоч-терьер — самый независимый из всех храбрых маленьких норных псов, выходцев из Шотландии. Он приобрел заслуженную славу лихого охотника на лис и барсуков. Скоч-терьер легко проникает в их норы, ловко выкапывая землю. С 1929 по 1944 год скоч был представителем одной из десяти наиболее популярных пород в мире. Это собака с большим чувством собственного достоинства.

Для маленького терьера скоч очень крепко сложен. Короткая мускулистая шея, довольно широкая грудь, короткие, но очень массивные, широкие в кости ноги. Шерсть недлинная — около пяти сантиметров, жесткая и волнистая. Цвет — черный, серый, песочный. Рост — двадцать пять сантиметров в холке.

Друзья!

Каждый месяц в этом году мы будем печатать вот такие календарики, сериями. Каждая серия составится из трех календарей, значит, в этом году «Пионер» напечатает целых четыре серии. Игра заключается в том, чтобы угадать, чему будут посвящены эти серии. Посмотрите, на обратной стороне карточки нарисованы квадратики, где изображены возможные варианты серий на год. Зачеркните те клеточки, которые сочтете выигрышными, вырежьте карточку и, не забыв написать свой индекс, адрес, имя и фамилию, в конверте отправьте в «Пионер». Наш адрес в конце журнала. На конверте пометьте: «ЗАКЛАДКА». ПОБЕДИВШИХ В ИГРЕ ЖДУТ ПРИЗЫ!

Чтобы начать игру, мы предлагаем вам первую серию — «Друг». Соответствующую клеточку на карточке мы уже зачеркнули, так что вам остается зачеркнуть еще три клеточки.

Имейте в виду, мы ждем от вас заполненные карточки не позднее **15 февраля,** потому что уже **16 февраля** начнется розыгрыш номеров, а в «ПИОНЕРЕ» № 4 мы назовем выигрышные номера и начнем печатать новую серию закладок.

ИМЯ, ФАМИЛИЯ ____________

ИНДЕКС, АДРЕС ____________

1. ЭКРАН. 2. МУЗЕЙ. 3. АРЕНА.
4. ДРУГ. 5. СКОРОСТЬ. 6. ШПИЛЬ.
7. ПАР. 8. РЕКОРД. 9. ПАРУС.
10. КОЛЛЕКЦИЯ. 11. ВЫСТРЕЛ.
12. БЕЛОСНЕЖКА.

УГАДАЙ 3 НОМЕРА ИЗ 11!

Начало на с. 47.

А главная причина, пожалуй, в том, что города, которые предали своих детей, долго не живут.

— Даже если одного?..

— Даже если одного,— тихо, но строго сказал Пассажир.

— А Углич? — будто самому себе прошептал мальчик. Пассажир не удивился.

— Углич не предавал царевича. Его предали бояре, кучка негодяев. Город здесь ни при чем.

— А от Реттерхальма ничего не осталось? Даже развалин?

— Может быть, камни да фундаменты. Но все поросло лесом.

— Но вот вы говорите: город предал Гальку... А они ведь потом... ну, исправились. Даже памятник поставили?

— Памятником разве откупишься? Впрочем, он-то как раз сохранился.

— Печальный какой-то конец,— вздохнул мальчик.

Пассажир развел руками — в одной тетрадка, в другой очки.

— И это, значит, вся история? — с какой-то еще надеждой спросил мальчик.

— Вся... По крайней мере на сегодня. Давай-ка, голубчик, спать. Середина ночи.

Пока Пассажир читал рукопись, пароход один раз отходил от пристани. Но сейчас опять стоял с заглохшей машиной.

— Когда же я попаду домой...— шепотом сказал мальчик.

Пассажир выключил свет. Мальчик повозился, устраиваясь под одеялом. Он повернулся к стенке и стал уходить в зыбкий мир полусна: когда знаешь, что не спишь, но видения уже ярки и осязаемы.

Мальчик умел быть хозяином в этом мире. Он перенес себя на солнечный пустырь, где росли подорожники, дикая ромашка и одуванчики. В траве валялись разбитые фанерные ящики. Прыгали воробьи, неподалеку резвились малыши. Мальчик сел на ящик, подозвал к себе Майку.

Это была не нынешняя Майка, а поменьше, пятилетняя. Мальчик посадил ее к себе на колено. Почти машинально и незаметно для сестренки ладонью скользнул вдоль ее позвоночника (он похож был на крупные, проступившие под платьицем бусы). Не толкнется ли в ладонь упругий тревожный комочек? Еще не боль, а предвестие боли, о которой пока Майка и сама не ведает?

Нет, сегодня все хорошо. Мальчик взял светлую косу с пушистой кисточкой на конце. Пощекотал Майкин нос. Она сморщилась, чихнула. Шутливо ткнула брата кулачком. Засмеялась — теплая, живая, легонькая. А потом насупилась:

— Ты почему уехал?

— Куда?

— В Лисьи Норы! «Куда»... Не притворяйся.

«Но ведь я еще не уехал. Это будет потом. Пока еще все в порядке»,— хотел объяснить мальчик. Однако он понимал, что ничего не в порядке. Эта Майка, прибежавшая к нему в ласковом и тревожном полусне, все знает и понимает. Вот она, кстати, сделалась уже старше. Как нынешняя, семилетняя.

Мальчик растерянно взялся за нижнюю губу. Майка хлопнула его по руке:

— Оставь эту дурную привычку! Сию же минуту!

Это были ее любимые слова. Если рассердится, то к месту и не к месту: «Сию же минуту!»

Но сейчас она только притворялась, что сердится. Она просто за него беспокоилась.

— Почему ты сбежал в Лисьи Норы? А?

Сейчас не было ни смысла, ни сил обманывать. И мальчик с прихлынувшей горечью прошептал:

— А ты... только все время с ней. Все «мама» да «мама»... Конечно, ты нашу маму не помнишь...

Она смотрела внимательно и по-взрослому. И так же по-взрослому сказала:

— Глупенький... А что же мне делать?

Он потянулся к губе, спохватился, закусил ее. Потом шепотом спросил:

— А мне?

А глаза у Майки были ну в точности мамины.

Майка опустила ресницы и вполголоса проговорила:

— Сперва отсюда сбежал, потом из Лисьих Нор. Знаю, почему.

Настоящая Майка ничего знать не могла. Но мальчик не заспорил. Покорно спросил:

— Почему?

— Сам знаешь... Она вовсе не вредная. И не строгая. Анна Яковлевна... Наоборот... Ты просто испугался, что привыкнешь к ней, как я к ма... к тете Зое... Ну, ты что? Ну, перестань... Сию же минуту!

— Дура...— всхлипнул мальчик. Но не прогнал Майку, а прижал покрепче. И стал ее косой вытирать себе щеки. Здесь, сейчас, это было можно...

Потом сделалось холодно, потому что вместо солнца показалась луна, и ее часто закрывали бегучие облака. Пахло речной водой, сырым песком, камышами. Мальчик передернул плечами. Майка соскочила у него с колен и накрыла его большой парусиновой курткой.

«А Галька не продрогнет?» — хотел спросить мальчик, но сон уже уносил его в темную глубину. Там, как сорванные листья, летели другие мысли, тревоги, лица...

Билет на среду

1

Пассажир проснулся поздно. Пароход бодро шлепал колесами. Было солнечно, змеились на белом потолке блики. Мальчик сидел на стуле в привычной позе — задом наперед. Кулаками упирался в коленки, подбородком — в спинку стула. Неотрывно и слегка насупленно смотрел на Пассажира.

Пассажир улыбнулся не шевелясь:

— Доброе утро... Или уже день?

— Ни то ни се. Одиннадцать часов.

— Ого! Вот это я поспал! А ты давно поднялся?

— Не... Но уже позавтракал. И по берегу погулял.

— По берегу? Мы вроде бы плывем...

— Недавно поплыли. А то стояли, стояли... В буфете схема речного пути висит, я посмотрел, мы от мыса Город всего километров на двадцать отошли...— Мальчик не отводил глаз. Он будто говорил про одно, а в уме держал что-то более важное. И беспокойное.

— Ну... а что хорошего в буфете?— спросил Пассажир.— Кроме схемы.

— Я чай да вафли взял. Остальное все какое-то...— Мальчик поморщился. И вдруг раскачал стул с боку на бок и «подъехал» к постели. Как на лошадке. Разжал кулак.

— Вот... Мне буфетчица это на сдачу дала.

На ладони лежала белая монетка, размером с пятнадцатикопеечную. Виден был маленький мальчишечий профиль, а вокруг головы — крошечные буквы.

— Так и написано: «Фрее стаат Лехтенстарн»,— неловко сказал мальчик.— И вот...— Он перевернул монетку. На другой стороне было число десять, а под ним колосок.

Пассажир смотрел, приподняв голову от подушки.

— По-нятно... Говоришь, на сдачу?

— Я ей положил несколько пятнадчиков, а она два обратно подвинула. Говорит: «Мне лишнего не надо»... Я сперва и не посмотрел. А потом гляжу: один — просто пятнадчик, а второй — вот...

— По-нятно...

Мальчик досадливо сдвинул брови.

— Я так и думал, что вы не удивитесь.

— Почему?

— Догадался... Это ваша, да? Возьмите.— Он положил монетку на одеяло.— Вы вчера уронили, а буфетчица подхватила. Нахальная такая... А сегодня отдала, не разглядела, что не простая пятнашка...

Пассажир приподнялся, оперся локтями. На небритом подбородке блестели седые волоски.

— Господи, с чего ты взял, что это моя? Ничего я не ронял! Честное слово! — Он будто даже испугался. Потом сказал медленнее: — Не ронял и не бросал...

— Значит, буфетчица? Пойти отдать ей?

— Не вздумай! Это... твоя. Бери и храни. Все получилось как надо.

— Ничего я не понимаю...

— Потом поймешь,— буркнул Пассажир и сел. И вдруг, несмотря на морщины и седину, лицо его обрело мальчишечье выражение. Заискрились глаза. Он очень похоже на мальчика оттянул нижнюю губу и щелкнул ей. И коротко засмеялся.

Тогда засмеялся и мальчик:

— Вы все придумываете. Это ваша монетка. Вы поэтому и написали про нее в повести.

— Да клянусь тебе...

— Но не бывает же таких совпадений!

— Бывают,— важно сказал Пассажир.— На совпадениях, друг мой, много чего держится в этом мире... Совпадения, падения, попадания... А такие монеты в этом краю встречаются не столь уж редко. Начеканено их было немало.

Мальчик нерешительно взял монетку с одеяла. Подышал на нее, вытер о рубашку, рассеянно процарапал ребром тыльную сторону ладони. Тонкая заусеница оставила на смуглой коже волосяной белый след. Мальчик подумал, нарисовал таким же способом якорь и скрещенные шпаги: словно татуировку наметил. Потом стер рисунок помусоленным мизинцем. Потянулся к губе, взглянул на Пассажира, быстро опустил руку...

«Кобург» опять причалил и затих.

Пассажир сказал:

— Давай-ка я поднимусь. А потом, если хочешь, поговорим еще на эти наши темы...

На пароходе вдруг проснулось радио. Динамик на верхней палубе поскрипел и объявил, что «в силу технических причин пароход задержится у пристани Веха до четырнадцати ноль-ноль. Экипаж приносит пассажирам свои извинения». Потом динамик покашлял и добавил неофициально:

— Машина-то, сами понимаете, товарищи, времен Фультона...

Пассажир глянул в окно и предложил:

— А пойдем-ка, друг мой, прогуляемся. А?.. Что за Веха, на каком пути веха...

Мальчик взял с крючка свою синюю кепчонку с надписью «Речфлот». Сердито усмехнулся:

— Не «Речфлот», а «Речстой». Когда я домой попаду? Там уже, наверно, всесоюзный розыск объявлен.

Они сошли на пологий берег. Дорога с песчаной колеей между редких сосен вывела их на сельскую улицу с бревенчатыми домами и палисадниками. Было безлюдно. В конце улицы белела обшарпанная церковь с голым каркасом на месте купола. Там суетились вороны.

Среди этой деревенской старины нелепо и вызывающе торчала квадратная бетонная постройка с витринами до самой земли. С трубчатыми стеклянными буквами «Парикмахерская». На прозрачной двери висел допотопный амбарный замок.

Пассажир и мальчик остановились перед стеклом, как перед зеркалом. Мальчик встретился глазами с отражением Пассажира. Тот улыбнулся:

— Ну и как? Нравимся мы себе?

Мальчик повел плечами: чему тут нравиться или не нравиться? Обыкновенный пацан, обыкновенный старый дядька... Впрочем, Пассажир сейчас не казался очень старым. Он побрился, расчесал свой старомодный пробор, держался подчеркнуто прямо. И морщин будто стало меньше, и глаза сделались как-то острее, прицельнее. Несовременная парусиновая куртка — длинная, с обтянутыми той же материей пуговицами — сидела на Пассажире ладно, словно китель отставного флотского офицера...

— Ты все о чем-то о своем думаешь,— заметил Пассажир.— Тревожишься, что домой опаздываешь. Да?

— Ага. Это само собой... А еще я о другом... тревожусь.

— О чем же?

— О вчерашнем. О Гальке.

— Ну... и что же тебя беспокоит? — тихо спросил Пассажир.

— А он... может, правда ушел с капитан-командором?

— Возможно,— охотно сказал Пассажир.

— Но... они же были враги... Ну, старинная была война, враги могли уважать друг друга, только все-таки...

— Они были не враги, а лишь противники. Волею обстоятельств. Потом обстоятельства изменились...

— Ладно. А что этот командор в нем такого нашел? В Гальке-то...— неловко сказал мальчик. И стал чесать левым кедом правую ногу.— Чего такого, чтобы вместе идти?

— Видишь ли...— Пассажир взял мальчика за плечо, и они медленно пошли вдоль улицы.— Если принять ту версию, что Галька ушел из форта с командиром монитора... А тебе ведь э т о г о хочется, верно?

Мальчик кивнул. Точнее, опустил голову и не поднял.

— ...Тогда логично предположить и другое: Красс не был тем, за кого себя выдавал...

Мальчик по-птичьи, сбоку, быстро глянул на Пассажира. Тот сказал:

— Тогда вся история повернется по-иному... если он был Командором.

— Как это?.. Ну да, был. Ну и...

— Подожди. Я не о его офицерском звании... Бытовала легенда о Командоре. О человеке, который ходит по свету и собирает неприкаянных детей. И не просто детей, а таких, как Галька, со странностями...

— Койво?

— Да... Именно им чаще других неуютно и одиноко в нашей жизни. Потому что они опередили время... Так говорил Командор. Говорил, что они — дети другой эпохи, когда все станет по-иному. Тогда, в будущем, каждый сможет летать, причем стремительно — на миллионы километров за миг. Люди смогут разговаривать друг с другом на любом расстоянии и, значит, всегда быть вместе. Не будет одиноких. Никто не сможет лишить другого свободы, потому что человек станет легко разрывать все оковы — и природные, и сделанные руками... И у каждого будет добрый дом во Вселенной, куда можно возвратиться с дороги... Это не мечта, а просто будущее. Ведь все на свете меняется, развивается, появляются и у людей новые способности... Только способность к одиночеству не появится никогда, потому что одиночество и вражда противны человеческой сути... Но до тех времен еще далеко, а мальчики и девочки со странными свойствами своей природы и души нет-нет да и появляются среди людей. Как первые ростки. Их надо сохранить... Это длинная легенда, не меньше, чем о Реттерхальме. А я рассказываю очень коротко...

Мальчик серьезно сказал:

— Если все было так, то это хороший конец. Для Гальки... Но ведь это уже совсем сказка.

— Как знать... Может быть, такие ребята ничуть не странные, а самые нормальные. Может быть, наоборот, мир нынешних людей — странный, уродливый и не дает каждому открыть свойства своей души... Это не я говорю, это опять же мысли Командора...

Мальчик вдруг насупился:

— Это не только Командор говорит, а многие. У нас знакомый есть, дядя Валера, папин друг,

дак он тоже... А папа отвечает, что это... как это? А, «философия для субботних вечеров». А в другое время, говорит, работать надо.

— Что ж, папа тоже прав.

— Беспокоится он, наверное,— вздохнул мальчик.— Куда я подевался...

Пассажир опять взял его за плечо.

— Смотри-ка! Здесь автостанция.

Они только что обошли церковь. Позади нее была площадка с навесом, на площадке урчали два автобуса. В алтарном закруглении церкви желтела новая некрашеная дверь с табличкой «Кассы».

Пассажир и мальчик вошли. По-церковному светились узкие решетчатые окна. Было пусто. «Кассами» оказалось одно окошечко, к тому же закрытое. Рядом с ним висело расписание рейсов и схема путей. Мальчик остановился, закинув голову.

— Поглядите! Отсюда автобус ходит до Черемховска! Только три часа идет! И билет всего рубль тридцать!.. Я поеду!

— Ну, что ж...— Пассажир, кажется, обрадовался за мальчика.— Так, наверно, и в самом деле правильно... Но смотри: отходит он в восемь вечера. Приедешь ты совсем поздно.

— А пароходом? Вообще неизвестно когда!.. Тут хоть точно.

— А денег на билет хватит?

— У меня же мелочи полный карман! Да еще бумажный рубль где-то... Вот он!

— А что будешь делать до вечера? Развлечений никаких, место незнакомое...

— Ну и хорошо, что незнакомое. Поброжу вокруг. Может, никогда бы в жизни в эту Веху не попал, а тут... интересно же. Я люблю новые места.

Пассажир сам купил мальчику билет. Постучал в окошко, сказал сонной девице:

— Один до Черемховска, пожалуйста... Позвольте, а почему рубль шестьдесят, когда в прейскуранте рубль тридцать?.. Какая еще предварительная продажа, если...

— Да ладно,— быстрым шепотом перебил его мальчик.— Пусть...— Он боялся остаться без билета.

— Ну и порядки,— проворчал Пассажир

Мальчик сунул билет в нагрудный карман рубашки.

— Спасибо.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

Сейчас детство вам кажется безмятежной порой. Совсем недавно, год или два назад, вы рады были провести свободный час с родителями, вам было легко во дворе с ребятами и в школе не так уж плохо... Ну, были, конечно, огорчения: может быть, страх темноты или боязнь получить двойку... Но все это не сравнить с тем чувством одиночества и неустойчивости, которое так часто посещает вас сейчас. Взрослые раздражают бесконечными наставлениями. Волна неуверенности в себе сменяется какой-то бесшабашностью и даже нахальством. То хочется плакать, а то чудить и дурачиться так, чтоб поразился весь мир.

Взрослые только вздыхают, глядя на вас, подростков: «Как с ними стало трудно!» И то правда, и родителям, и учителям с вами стало трудно. Но мы хорошо знаем, что и вам, ребята, подчас непросто — и с нами, взрослыми, и с самими собой.

Отчего? Раньше вы просто росли, а теперь взрослеете. Все меняется в вас: мысли, чувства, интересы... И внешний облик меняется тоже. Поэтому ваш возраст и называется переходным — переходным ко взрослости.

Чтобы вам было легче справиться с собой, ужиться с ровесниками и взрослыми, мы решили рассказать вам о ваших ВОЗРАСТНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ. Они известны и тоже когда-то пережиты взрослыми. Они описаны не только врачами, психологами, но и писателями. Не раз вы читали в книгах Л. Толстого, А. Чехова, Н. Гарина-Михайловского страницы, как будто прямо списанные с вас. Немного ниже мы приведем пример подобной прозы. Но сначала — разговор открытый, вносящий ясность в то, что с вами происходит.

О НЕКОТОРЫХ ИНТИМНЫХ СОБЫТИЯХ В ЖИЗНИ ДЕВОЧЕК

Все начинается с изменений внешних. Лет с 10—11 вы вдруг начинаете быстро расти.

«Ростовой скачок» у девочек наступает раньше, у мальчиков примерно двумя годами позже. Вот почему девочки к 11—12 годам оказываются выше своих сверстников и нередко смотрят на них свысока и в прямом, и в переносном смысле. Зато к 14—15 годам у мальчиков появляется возможность «взять реванш», и они снова догоняют и перегоняют одноклассниц.

Во внешнем облике девочек происходят и другие изменения. Уплотняются и растут грудные железы. На лице иногда высыпают прыщи, что доставляет вам массу неприятных переживаний.

А еще в это время у вас, дорогие девочки, происходит интимное физиологическое событие, о котором нужно знать, чтобы правильно к нему относиться.

Это наступление так называемых месячных, или иначе — менструации (от латинского слова mens — месяц). Примерно раз в месяц девочка становится «нездоровой» — у нее появляется менструальная кровь, иногда боли внизу живота, головные боли. Часто в этот период, который длится 3—4 дня, и за день-два до него девочки становятся сонливыми, раздражительными, бывают особенно ранимы.

Иногда мальчики и даже сами девочки считают, что месячные — это что-то неприличное, стыдное или, того хуже, гадкое. Напротив, такое «нездоровье» девочки — очень здоровое и замечательное явление. Оно означает, что женский организм готовится к тому, чтобы дать жизнь другому существу.

Надеемся, что мальчики, узнав об этих физиологических явлениях, отнесутся к девочкам более бережно, по-рыцарски, уже не как к «своему парню».

Есть и у мальчиков интимные проблемы в этом возрасте.

Но о них мы расскажем в следующем номере.

Только для ваших родителей!

Не избегайте разговоров о физиологическом взрослении со своими детьми. И будьте готовы к тому, что вести их придется довольно рано. В наше время месячные у девочек появляются на 11—12-м году жизни, на 2 года раньше, чем у их мам, и на 3—4 года раньше, чем у их бабушек.

Доктор психологических наук Юлия Борисовна ГИППЕНРЕЙТЕР.

ИЗ ПРОЗЫ

Многим девочкам, наверное, знакомы и понятны чувства Жени из повести Б. ПАСТЕРНАКА «Детство Люверс». Прочтите и вы увидите сами.

Мисс Hawthorn этого б не сделала. Но в один из приступов своей беспричинной нежности к детям госпожа Люверс по самому пустому поводу наговорила резкостей англичанке, и в доме ее не стало. Вскоре и как-то незаметно на ее месте выросла какая-то чахлая француженка. Впоследствии Женя припоминала только, что француженка похожа была на муху и никто ее не любил... Она только помнила, что француженка сперва накричала на нее, а потом взяла ножницы и выстригла то место в медвежьей шкуре, которое было закровавлено.

Ей казалось, что теперь всегда на нее будут кричать, и голова никогда не пройдет и постоянно будет болеть, и никогда уже не будет понятна та страница в ее любимой книжке, которая тупо сплывалась перед ней, как учебник после обеда.

Тот день тянулся страшно долго. Матери не было в тот день. Женя об этом не жалела. Ей казалось даже, что она ее отсутствию рада.

Вскоре долгий день был предан забвению среди форм passé и futur antérieur, поливки гиацинтов и прогулок по Сибирской и Оханской. Он был позабыт настолько, что долготу другого, второго по счету в ее жизни, она заметила и ощутила только к вечеру, за чтением при лампе, когда лениво подвигавшаяся повесть навела ее на сотни самых праздных размышлений.

...Женя стала укладываться в постель и увидела, что день долог от того же, что и тот, и сначала подумала было достать ножницы и выстричь эти места в рубашке и на простыне, но потом решила взять пудры у француженки и затереть белым и уже схватилась за пудреницу, как вошла француженка и ударила ее. Весь грех сосредоточился в пудре.

...Женя расплакалась от побоев, от крика и от обиды; оттого, что, чувствуя себя неповинною в том, в чем ее подозревала француженка, знала за собой что-то такое, что было — она это **чувствовала** — куда сквернее ее подозрений. Надо было — это чувствовалось до отупения настоятельно, чувствовалось в икрах и в висках — надо было неведомо отчего и зачем скрыть это, как угодно и во что бы то ни стало. Суставы, ноя, плыли слитным гипнотическим внушением. Томящее и измождающее, внушение это было делом организма, который таил смысл всего от девочки и, ведя себя преступником, заставлял ее полагать в этом кровотечении какое-то тошнотворное, гнусное зло.

...Ни она, ни француженка не услышали вовремя звонка. Поднявшаяся кутерьма ушла в глухоту черно-бурых шкур, и когда вошла мать, то было уже поздно. Она застала дочь в слезах, француженку в краске. Она потребовала объяснения.

...Женя снова глянула на звезды и на Каму. Она решилась. Несмотря ни на холод, ни на урывни. И — бросилась. Она, путаясь в словах, не похоже и страшно рассказала матери **про это.** Мать дала договорить ей до конца только потому, что ее поразило, сколько души вложил ребенок в это сообщение. Понять — поняла-то она все по первому слову. Нет, нет: по тому, как глубоко глотнула девочка, приступая к рассказу. Мать слушала, радуясь, любя и изнывая от нежности к этому худенькому тельцу. Ей хотелось броситься на шею к дочери и заплакать. Но — педагогичность: она поднялась с кровати и сорвала с постели одеяло. Она подозвала дочь и стала ее гладить по голове медленно-медленно, ласково.

...На другое утро мать сказала ей, что́ нужно будет делать в таких случаях и что это ничего, не надо бояться, что это будет не раз еще.

Фотография М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

Неудавшаяся миссия

В 1714 году молодой французский дворянин Антуан де Фрезье отправился путешествовать по странам Южной Америки, которые в ту пору были колониями Испании. Он был энергичен, любознателен и интересовался буквально всем. Это и неудивительно — молодой дворянин являлся французским шпионом. Ему надлежало установить численность испанских войск, пункты их размещения и боеспособность.

Успешно начавшееся «путешествие» вскоре пришлось прервать, поскольку Фрезье был разоблачен и выслан во Францию. Этот неприметный для истории эпизод обернулся большой удачей для всего человечества, надеюсь, и для тебя, дорогой читатель. Дело в том, что трезвый ум разведчика сочетался у Фрезье с романтичностью любителя природы. Единственное, что он прихватил из Южной Америки,— несколько кустиков местной земляники, бережно завернутых в носовой платок. Один из этих кустиков был подарен им Королевскому ботаническому саду в Париже.

— «Эка невидаль, у них небось и своей земляники полно»,— вправе подумать читатель и будет отчасти прав, потому что «новая» земляника мало чем отличалась от «старых». Так, наверное, и забыли бы про нее, не окажись она слишком... привередливой. Подаренная Фрезье земляника совершенно не давала семян и этим заинтересовала ученых. Они попробовали опылять ее цветы пыльцой других сортов. В числе прочих испытали сорт земляники, также растущей в Америке, только в Северной. И тут произошло чудо!

Вместо мелких красных ягодок вроде нашей лесной земляники потомство от скрещивания родственников из Южной и Северной Америки вымахало такой величины, что все только ахнули. А ахнув, бросились разводить его на полях и грядках, в садах и огородах. Потому что потомством оказалась та самая ягода, которая теперь известна как садовая земляника, или «клубника». Сейчас ее выведено свыше двух тысяч сортов разной величины, формы, вкуса: в мире выращивают и съедают миллионы тонн этих душистых, сочных ягод. И все они, вся «клубника» нашей планеты — от одного кустика, привезенного Антуаном де Фрезье,— результат его неудачной поездки в Южную Америку. Побольше бы таких неудач!

СЕКРЕТЫ РОСТА

М. ЗАЛЕССКИЙ

ТРЕТЬЕ ЗАНЯТИЕ

Еще древние греки заметили: физические упражнения помогают молодым людям лучше расти. Но почему так происходит, всегда ли занятия физкультурой увеличивают рост или иногда тормозят — этого греки не знали. А тебе, наверное, интересно будет узнать да и полезно, если хочешь подрасти...

Начнем с вопроса: что за сила заставляет нас расти вверх и где она находится? Оказывается, она заключена в крохотной желёзке, меньше вишневой косточки. Желёзка расположена в головном мозгу и называется «гипофиз» (рис. 1). Гипофиз вырабатывает особое химическое вещество — гормон, который вызывает рост организма и потому назван «гормон роста». Оно-то и обладает чудодейственной силой: чем больше выделяется гормона, тем сильнее растет человек.

Но можно ли увеличить выделение гормона, так сказать, по собственному желанию, особенно тем, кто хочет подрасти? Представь себе, можно! Тут-то как раз и приходят на помощь физические упражнения. Ученые установили, что при выполнении некоторых упражнений выделение гормона роста может увеличиваться в 3 раза! Но и это еще не все. У выполнявших такие упражнения днем возникает повторное увеличение ростового гормона во время ночного сна. Остается только сообщить, что же это за необыкновенные упражнения...

Увы, на первый взгляд они могут показаться самыми обычными: бег, плавание, ходьба на лыжах... Но не спеши с выводами. Суть не в том, ЧТО делать, а КАК делать, в дозировках физических нагрузок по интенсивности и продолжительности. Объясню, что это значит.

Повышенное выделение гормона роста происходит не при любых физических нагрузках, а лишь при довольно интенсивных. Но как узнать: интенсивные они или нет? Для этого служит показатель частоты сердечных сокращений, который обычно называют «пульс». Надеюсь, ты умеешь определять свой пульс. Если нет, узнай, как это делается, у учителя физкультуры, товарищей или родителей

и потренируйся в его подсчете.

Пульс удобнее всего считать в течение шести секунд, а потом полученную величину умножать на 10, узнавая таким образом число сердечных сокращений (ударов) в минуту. В покое пульс, как правило, 75—80 ударов в минуту. При физических же нагрузках он учащается. Чем интенсивнее (быстрее, труднее) нагрузки, тем чаще пульс, достигая порой 180 и даже 200 ударов в минуту. Но тебе такая интенсивность не нужна. Вполне достаточно, если при выполнении упражнений твой пульс будет около 110—120 ударов в минуту, то есть 11—12 ударов за 6 секунд.

Однако для ростового эффекта важна не только интенсивность нагрузки, но и время, в течение которого она выполняется. Увеличение гормона роста наблюдается, если занятия с указанной интенсивностью длятся примерно от одного часа до полутора часов. Вопрос же, ЧЕМ в это время заниматься, каждый решает самостоятельно, в зависимости от вкуса и возможностей. Одним по душе бег трусцой, другим ходьба на лыжах, третьим езда на велосипеде, гребля, плавание или ритмическая гимнастика. Можно в течение часа-полутора сменять упражнения (бег — баскетбол — плавание, велосипед — гимнастика — футбол и т. д.). Важно только, чтобы, занимаясь, не забывать об интенсивности и продолжительности. Потому что, как кратковременные нагрузки (10—15 минут) небольшой интенсивности (утренняя зарядка, ходьба, купание), так и чрезмерно большие и длительные (изнурительные пробеги, дальние лыжные походы, многочасовые футбольные баталии) не влияют на увеличение роста, а последние даже тормозят его.

Итак, ты знаешь, как добиться увеличения гормона роста, и теперь самое время сделать одно важное пояснение: рост человека зависит от длины его костей. Значит, чтобы быстрее расти, нужно «направить» гормон роста на удлинение костей. Как же это сделать?

Вспомни Рустама Ахметова («Пионер» № 9 за 1988 год) с его подскоками и вытягиваниями. Своими упражнениями он «раздражал», стимулировал ростовые зоны костей, делая их особенно чуткими к действию гормона. Так Ахметов добивался усиленного роста костей, а значит, и сам становился выше. Принцип воздействия физических нагрузок на костные зоны роста лежит в основе многих комплексов специальных ростовых упражнений. С одним из наиболее известных комплексов, предложенных заслуженным врачом РСФСР А. Транквиллитати, мы начинаем знакомство.

А сейчас подведем итог. Желающим подрасти необходимо сочетание двух видов физических нагрузок: продолжительных, вызывающих увеличение гормона роста (бег, плавание, гребля) и кратковременных, раздражающих ростовые зоны костей (прыжки, подскоки, потягивания). Первыми рекомендуется заниматься 2—3 раза в неделю, вторыми — ежедневно. И вот на что хотелось бы еще обратить твое внимание: занятия, направленные на увеличение роста, не только не вредят здоровью, а, напротив, укрепляют его. Но об этом мы поговорим в следующих выпусках.

КОМПЛЕКС ростовых упражнений

Для выполнения комплекса необходим простейший инвентарь: гимнастическая стенка (несколько перекладин) и гимнастическая скамейка (доска). Они есть во всех спортивных залах, в том числе и в школьных. Дома же каждый может смастерить их самостоятельно.

Начинать занятия советую с обычной трехминутной разминки (ходьба на месте, дыхательные упражнения, приседания, наклоны), а затем приступать к ростовым упражнениям.

УПРАЖНЕНИЕ 1.

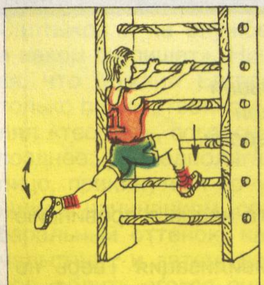
Встать правой ногой на 3—4-ю перекладину гимнастической стенки, держась за нее руками на уровне плеч. Присесть на правой ноге, одновременно отводя прямую ногу как можно дальше вверх-назад. Темп средний, до шести раз каждой ногой.

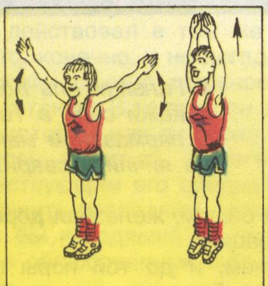
УПРАЖНЕНИЕ 2.

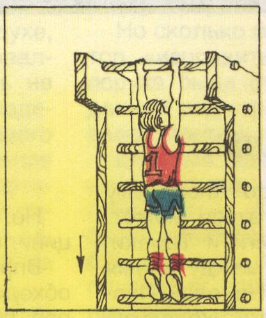
Встать лицом к гимнастической стенке, руки опущены. Подняться на носки, одновременно поднимая через стороны выпрямленные руки, соединить тыльными поверхностями кисти над головой, потянуться — вдох. Вернуться в исходное положение, опуская руки через стороны,— выдох. Повторить 3—4 раза.

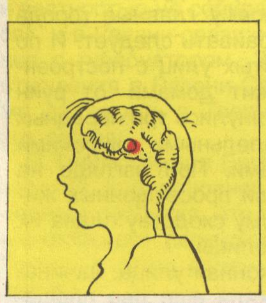
УПРАЖНЕНИЕ 3.

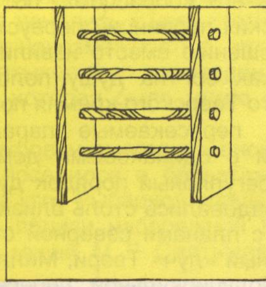
Встать обеими ногами на 3—4-ю перекладину гимнастической стенки, выпрямленными руками ухватиться за перекладину над головой и опустить ноги. Вис от 15 секунд до одной минуты.

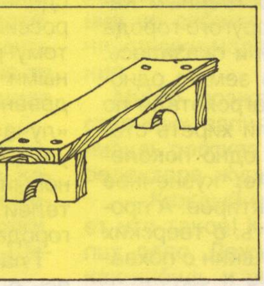

Рисунки А. БУХАРЕВА.

"Я люблю Россию до боли сердечной..."

Тверь прекрасна и любезна...

Тверь — город древний. Конечно, до Киева ему далеко, но с Москвой он и потягаться может. Расположен сей город на берегах Волги и Тьмаки, прямехонько (хотя и не посередине) между двумя столицами. Когда государь император Николай Павлович от Москвы до Санкт-Петербурга железную дорогу проложить распорядился и царственным карандашом прямую линию от одного до другого города провести изволил, Тверь на этой линии и оказалась. Так что прогресс пришел на тверскую землю одновременно со столицами. Правда, как загрохотали по рельсам мимо Твери поезда, так начали хиреть старинные тверские промыслы, коими не одно поколение жило: ямское дело, судостроение, кузнечное дело, вождение барок, содержание трактиров. А промыслы те были знатные. Да что говорить: о тверских трактирах сам Александр Сергеевич Пушкин с похвалой писал и другу советовал:

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазаном макарони,
Да яичницу свари.

Но, в общем, железная дорога несла в провинцию цивилизацию.

Впрочем, и до той поры цивилизация Тверь не обходила. Государыня императрица Екатерина Вторая, по любви к сему прелестному граду, соизволила сделать его «обрасцом», по коему главные города российских провинций переустраивать следует. И по тому решению вместо извилистых улиц с построенными как бог на душу положит домами от руин древнего Тверского кремля потянулись три парадных «луча», пересекаемые параллельными широкими улицами с одинаковыми домами. При взгляде на новый регулярный порядок души просвещенных жителей радовались столь близкому сходству плана их города с планами северной столицы.

Главный «луч» Твери, Миллионная улица, начинаясь с Полуциркульной, пересекала еще две площа-

ди — Торговую и Судебную. Вокруг восьмиугольной Судебной площади поставлены были четыре прекрасных одинаковых здания, вмещающие различные губернские административные учреждения, главным среди которых было Губернское правление.

Управлял им, по обычаю, вице-губернатор. Имена и деяния этих вторых для губернии лиц по большинству остались лишь в официальных бумагах, так как, по большинству же, эти вторые лица свято выполняли желания лиц первых — губернаторов, собственных мнений иметь не смея, следовательно, для истории как бы и не существовали.

В памяти же народной, которая, может быть, не столь полна, сколь официальная история и ее архивы, но в преданиях которой сохраняется истина, остались имя и деяния только одного из тверских вице-губернаторов.

Нам имя и деяния этого лица также известны, но не столько как статского советника, высокопоставленного чиновника, сколько как великого русского писателя, сатирика.

Это Михаил Евграфович Салтыков, литературный псевдоним которого — Щедрин — стал второй частью его фамилии.

Тверской уроженец, появившийся на свет 15(27) января 1826 года в селе Спас-Угол Калязинского уезда Тверской губернии, к лету 1860 года, когда началась его карьера тверского вице-губернатора, Михаил Евграфович успел много претерпеть от превратностей судьбы.

Совсем юным он был сослан в захолустную Вятку за обнаруженное в его повести «Запутанное дело» «вредное направление и стремление к распространению революционных идей, потрясших уже всю Западную Европу», как сказал сам государь император Николай Павлович. Целых восемь лет служил Салтыков в далеком захолустье, наблюдая дикие нравы чиновничества, озорство полиции и безответное смирение народа. И только воцарение Александра Второго принесло ему освобождение. Продолжая служить уже в Петербурге, Михаил Евграфович снова принялся за писательство. Его «Губернскими очерками», подписанными «Н. Щедрин», зачитывались (их читали даже члены царской фамилии и — одобряли), и когда Салтыков был определен на должность рязанского вице-губернатора, император, как рассказывают, произнес: «Я рад этому и желаю, чтобы Салтыков и на службе действовал в том же духе, в каком он пишет». Никто, конечно, и не догадывался, что Михаил Евграфович принял должность не только по собственному хотению. В те годы он разделял «теорию», согласно которой, как он писал много позднее: «Предполагалось наметить влиятельное лицо, прикинуться сочувствующим его предначертаниям и начинаниям, сообщить последним легкий либеральный оттенок, как бы исходящий из недр начальства... и затем, взяв облюбованный субъект за нос, водить его за оный».

Однако ж сам Михаил Евграфович с его прямотой и честностью не собирался на службе «прикидываться», и в Рязани сразу же начались у него столкновения с губернатором. За невозможностью наладить отношения в Рязани Салтыков был переведен на ту же должность в Тверь, которая была много милее его сердцу.

В Твери Михаил Евграфович вместе с женой Елизаветой Аполлоновной поселился в бельэтаже каменного особняка, что на углу Рыбацкой улицы и Пивоваровского переулка, вблизи набережной Волги. Теперь в этом доме — музей М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Вице-губернаторские труды

Со вступлением в должность нового вице-губернатора у тверских чиновников началось мученическое существование. Начальник был грозен, неподкупен, требовал неустанно работать, если что не по нему — кричал. Но главный ужас был в том, что поступать он всем велел «на точном основании статей закона». Как это можно было делать, чиновники не представляли. Законы нужны были, чтобы их обходить, а не для того, чтобы исполнять. И такой порядок установлен был для всей Российской империи. Один из героев Салтыкова-Щедрина, градоначальник Бородавкин, «...писал втихомолку устав «о нестеснении градоначальников законами». Первый и единственный параграф этого устава гласил: «Ежели чувствуешь, что закон полагает тебе препятствие, то, сняв оный со стола, положи под себя. И тогда все сие, сделавшись невидимым, много тебя в действии облегчит». Рассказ об этом градоначальнике не только не выдуман, но основан на событии действительном...

В Твери опытные чиновники и прочие служилые люди думали поначалу, что новый начальник погрозит для порядка, а потом пустит все по-старому: говорится же, что новая метла чисто метет. Думали так опытные люди, да просчитались. Посыпались на них кары неисчислимые. За одну только неделю, например, вице-губернатор Салтыков сделал: замечание вышневолоцкому городничему «за производство без должного основания обыска», выговор калязинскому приставу «за совершенную бездеятельность», предупреждение кашинскому исправнику, что он будет уволен, «если не изменит своих допросных приемов»; отстранение от должности станового пристава Ржевского уезда и его письмоводителя «за злоупотребления по должности», за взятки и вымогательства...

Но это еще не все. Вице-губернатор начал творящих беззакония чиновников предавать уголовному суду. И главное — за что? «За бездействие власти... за присвоение денег... за применение недозволенных мер при следствии... за медленность проведения следствия... за подписание фальшивых счетов... за незаконные поборы с крестьян... за избиение крестьян...» и за прочее... прочее... прочее... В общем, за все то, что беззаконием и не считалось, а было как бы традицией.

Но сколько бы ни старался тверской вице-губернатор, «исправить нравы» ему не удавалось. Круговая порука была столь сильна, что чиновник, даже отданный под строжайший суд, в конце концов отделывался легким испугом.

Впрочем, даже если бы и удалось каждого чиновника «ввести в рамки закона», дело по управлению губернией не убыстрилось бы. Губернское правление было учреждением удивления достойным. Каждая бумага, чтобы по ней приняли решение, должна была по закону пройти в строго определенном порядке пятьдесят четыре инстанции. Просителю надо было иметь ангельское терпение, чтобы дождаться решения по своему делу, или — на что и рассчитывали чиновники-мздоимцы — давать взятки для убыстрения.

Много позже, когда в каждом номере «Отечественных записок» должен был появляться какой-нибудь рассказ Салтыкова-Щедрина, ответственного редактора журнала, Михаил Евграфович шутил:

— Каждый месяц надо готовить статью. Черт знает что такое! Как хорошо на службе! Бывало, поступит дело. Лежит, лежит, а потом, черт его возьми, как-нибудь и решится.

Но в годы службы Салтыков всю свою энергию направлял на неукоснительное исполнение закона даже и в такой его части, как порядок «течения бумаг». Конечно, при этом от подчиненных он требовал «служебной нравственности»: не только законности, но самостоятельности, активности.

Среди чиновников установилось суждение о Михаиле Евграфовиче, как о начальнике страшном, грозном. Он не просто наказывал, он «шумел», приводя наказуемого в трепет. Однако никогда и никого не наказывал он по прихоти, всегда был искренен и прям. Такой уж у него был характер.

И таким он был не только среди чиновников, но и среди журналистов, писателей.

Салтыков-Щедрин и сам отлично понимал свойства своего характера и шутил по этому поводу. Одну из таких шуток наблюдал современник. «Элегантно одетая дама просила Щедрина о чем-то, что он не считал возможным сделать: не то принять доставленную ею рукопись, не то ускорить ее напечатание... «Будьте любезны, Михаил Евграфович»,— просила дама. «Сударыня,— отвечал Михаил Евграфович,— быть любезным совершенно не моя специальность».

Не до любезности было Салтыкову и в годы тверского вице-губернаторства. Близилось время освобождения крестьян из крепостного состояния.

Но так же, как борьба с беззаконием чиновников, борьба с беззаконием помещиков окончилась для Михаила Евграфовича поражением. (Поражения эти, надо сказать, были поражениями царского чиновника. Писатель из борьбы вышел победителем.)

...Менее чем через год после «Манифеста» 19 февраля 1861 года, освобождавшего крестьян от крепостной зависимости, один из помещиков Тверской губернии писал своему сыну: «Наш вице-губернатор, известный вольнодумец, подал в отпуск и, по слухам, не вернется к должности...»

Слухи оказались верными: карьера Салтыкова-Щедрина в качестве тверского вице-губернатора кончилась. И хотя через несколько лет ему снова придется надеть на некоторое время вицмундир царского чиновника, он только укрепится в убеждении о несовместимости царской службы и демократических взглядов. И Салтыков-Щедрин окончательно простится с «поприщем».

Но не будь долгих лет службы — может, не было бы и великого сатирика Салтыкова-Щедрина.

История не одного города

Как ни был занят тверской вице-губернатор служебными делами, особенно поначалу, находил он время и для «сочинительства».

Устроившись за столом в кабинете-«фонарике», Михаил Евграфович писал статьи — не статьи, рассказы — не рассказы: в них совершенно правдивые события происходили с людьми, названными вымышленными именами и живущими в городе с вымышленным названием. Имя же городу было — Глупов.

Когда в десятом номере «Современника» за 1861 год появился один из таких рассказов-статей — «Клевета» — в тверском обществе начались волнения. Сам Салтыков-Щедрин писал об этом знакомому: «Моя «Клевета» взбудоражила все тверское общество и возбудила беспримерную в летописях Глупова ненависть против меня. Заметьте, что я не имел в виду Твери, но Глупов все-таки успел поднюхать себя в статье».

Если бы знал Михаил Евграфович, что вместе с Тверью в это же время узнавали себя в Глупове

Кабинет-«фонарик» — свидетель и вице-губернаторских трудов, и писательского творчества.

и другие города российские! В Нижнем Новгороде дворяне, решив, что «Клевета», несомненно, рассказывает о них, «...стали искать, кто бы это мог передать их тайны Салтыкову, кто знаком с ним и т. д.— все те же глуповские приемы». И так было повсюду.

Но надо сказать правду: «Клевета» действительно оскорбляла глуповское самолюбие. Чего стоил вот этот хотя бы абзац?

«Глуповцу нередко приходилось претерпевать побои, и он всякий раз чувствовал, что это больно. Сверх того, как он ни был обмят и обколочен, он не мог в то же время не сознавать, что это и стыдно. Но если даже ему казалось больно и стыдно принимать побои, то каково же должно это казаться тому, кто в продолжение целой жизни не испытывал ни малейшей затрещины? Это соображение проникает страш-

А это — кабинет героя Салтыкова-Щедрина, Иудушки Головлева.

Здание, в котором помещалось Губернское правление, красиво своей соразмерностью.

ным лучом света в его голову. Глуповец понимает, что положение этого человека должно быть нестерпимо, и потому, если хочет уязвить своего противника, то распускает слух, что его побили».

Право же, не один человек, читая эти строки, ощущал, что они — про него, а после, как всякий уличенный в подлости, начинал возмущаться...

Михаил Евграфович написал целый «Глуповский цикл». Четыре статьи появились в «Современнике», одна — в журнале братьев Достоевских «Время», еще три вообще напечатаны не были. И заключались в этих напечатанных и ненапечатанных статьях словно зерна почти всех будущих книг Салтыкова-Щедрина.

В «Наших глуповских делах» среди всего прочего говорилось: «Охотники также глуповцы покалякать

Но превосходит все тверские достопримечательности по красоте Путевой дворец, когда-то резиденция губернатора.

на досуге о разных губернаторах, которые держали в руках своих судьбы их сновидений. Были губернаторы добрые, были и злецы: только глупых не было — потому что начальники!»

Разные губернаторы будут потом появляться во многих книгах Салтыкова-Щедрина. Он назовет их помпадурами (маркиза де Помпадур была фавориткой французского короля Людовика XV), потому что «начальниками» становились они не по собственным способностям, а по прихоти высшей власти.

Кстати, один из героев цикла «Помпадуры и помпадурши», увлекшийся после увольнения от должности написанием административных руководств, создал среди прочих и руководство «О вреде, производимом вице-губернаторами». Такое руководство (в уме хотя бы) мог создать любой губернатор, имевший в подчинении самого Салтыкова-Щедрина.

Но что же «Глуповский цикл»? В неопубликованном «Глупове и глуповцах» Михаил Евграфович написал: «Истории у Глупова нет — факт печальный и тяжело отразившийся на его обитателях, ибо, вследствие его, сии последние имеют вид растерянный и вообще поступают в жизни так, как бы нечто позабыли или где-то потеряли носовой платок».

Но прошло несколько лет, и появилась «История одного города», город же был — Глупов.

История была, конечно, историей сменявших друг друга градоначальников. Находились у «кормила власти» в Глупове, рассказывает Салтыков-Щедрин, бывшие брадобреи, истопники и денщики высоких особ; имеющие фаршированную голову или органчик в оной, играющий только две пьесы: «Не потерплю!» и «Разорю!»; вымостившие две улицы, введшие в употребление горчицу и лавровый лист, собравшие недоимки и ходатайствующие о заведении в Глупове академии; сжегшие гимназию и упразднившие науки и другие ничуть не лучше этих... И все они оказывались у власти, потому что в древности народ не умел жить по своей воле и сам пожелал себе кабалы.

Лишь поверхностные люди увидели в «Истории одного города» пародию на «Историю государства Российского» Карамзина и посчитали книгу Салтыкова-Щедрина издевательством и насмешкой над отечественной историей. Михаила Евграфовича вообще часто обвиняли в том, что он насмехался над «дорогими идеалами», «не любил Россию» и так далее. Однажды он написал: «Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо кроме России. Только раз в жизни мне пришлось выжить довольно долгий срок в благорастворенных заграничных местах, и я не упомню минуты, в которую сердце мое не рвалось бы к России. Хорошо там, а у нас... положим, у нас хоть и не так хорошо... Но представьте себе, все-таки выходит, что у нас лучше. Лучше, потому что больней. Это совсем особенная логика, но все-таки логика, и именно — логика любви».

...Один молодой человек сразу после смерти Тургенева в 1883 году восклицал: «...стоит теперь умереть Щедрину, и тогда хоть живьем в гроб ложись! Ведь эти люди заменяли нам и парламент, и сходку, и жизнь, и свободу». Молодой человек не знал, конечно, что за два года до этого Михаил Евграфович писал одному из своих корреспондентов: «Мне кажется, что писатель, имеющий в виду не одни интересы минуты, не обязывается выставлять иных идеалов кроме тех, которые исстари волнуют человечество. И именно: свобода, равноправность и справедливость».

Елена СЕЛЕЗНЕВА

САТИРИКОНЧИК

ИГРЫ БЕЗ ЧИПА

Представьте, что под Елкою
Настала темнота!
А в темноте под Елкою
Не видно ничего!

Поэтому, товарищи,
Читает дальше тот,
Кто правильно включатель
У Елочки найдет!

По японскому календарю 1 февраля 1989 года наступает ГОД ЗМЕИ, поэтому:

1. Отправляясь в новом году в гости, берите с собой небольшую карманную змею (предпочтительно удава или анаконду) — это сделает вас центром внимания.

2. Встречать Новый год нужно в какой-нибудь коже (кожаной юбке, штанах, пиджаке и т. д.), если нет никакой — то в своей! Встречать вообще без кожи — нежелательно!

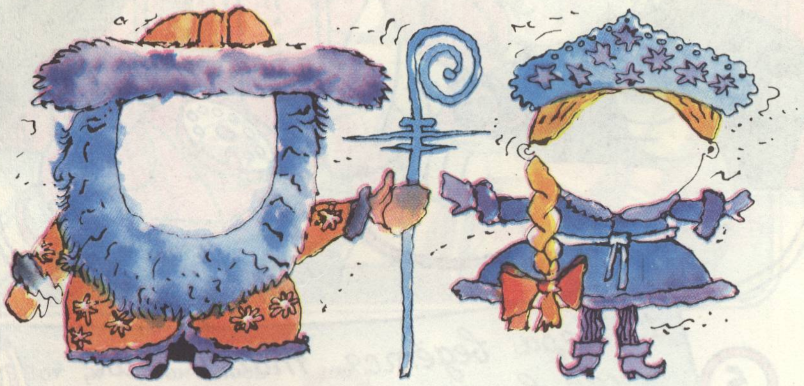
3. Наибольших успехов в год Змеи добиваются отличники; двоечникам в учебе, как правило, не везет!

СРОЧНО! СРОЧНО! СРОЧНО!

Журналу «Пионер» требуются ДЕД МОРОЗ и СНЕГУРОЧКА!

Ими МОЖЕТ СТАТЬ каждый, кому по росту окажутся нарисованные здесь костюмы (фотографии — вклеить), а СТАНУТ — приславшие самые смешные подарки и самые веселые новогодние пожелания.

Если до 31 января достойных Деда Мороза и Снегурочки не будет найдено, Новый 1989 год ОТМЕНЯЕТСЯ!

АБЗАЦ

О ВКУСАХ СПОРЯТ

В шестом «А» прошел диспут на тему: «Какую одежду надо носить — фирменную или форменную».

НОВОСТИ СПОРТА

Учитель физкультуры Иван Иванович заставляет не только прогуливать его уроки, но даже пробегивать и пропрыгивать их.

СКАЗОЧКА

ВЛАДЫКА ИЗ ВЛАДЫК

Одна девушка нанималась в услужение к пожилому чудаковатому джентльмену. Спрашивает он ее:

— Как ты будешь меня называть?

— Хозяином, или барином, или как вам будет угодно, сэр,— отвечает девушка.

— Ты должна меня называть «владыкой из владык». А как ты назовешь это? — спрашивает он, указывая на свою кровать.

— Кровать, или постель, или как вам будет угодно, сэр.

— Ты должна называть это «отдыхалищем». А это? — спрашивает джентльмен, указывая на свои панталоны.

— Штаны, или брюки, или как вам будет угодно, сэр.

— Ты должна называть их «фары-фанфары». А это? — спрашивает он, указывая на кошку.

— Кошка, или киса, или как вам будет угодно, сэр.

— Ты должна называть ее «Фелиция белолицая». А как ты назовешь это? — спрашивает он, указывая на воду.

— Вода, или влага, или как вам будет угодно, сэр.

— Ты должна называть это «мокромундией». А это? — указывает он на огонь.

— Огонь, или пламя, или как вам будет угодно, сэр.

— Ты должна называть это «красным петухалиусом». А это? — указывает он на свой дом.

— Дом, или особняк, или как вам будет угодно, сэр.

— Ты должна называть это «громадой поднебесной».

В ту же ночь хозяина будит испуганный вопль служанки:

— Владыка из владык! Слезайте скорее с отдыхалища да надевайте ваши фары-фанфары! Фелиция белолицая опрокинула свечку, так что если вы сейчас же не побежите за мокромундией, красный петухалиус спалит всю вашу громаду поднебесную!

Пересказал с английского Гр. Кружков.

Следствие ведет Колобок
1
Вы уже выписались? Сейчас будем!
4
Правила игры в шахматы с кротом.
1.
5
1. Игра ведётся точно так, как в классические шахматы.
2. Но появляются две новые фигуры-черный и белый крот.
3. Каждый игрок перед началом игры в тайне от другого записывает место нахождения крота в любой клетке своей половины поля и кладет листочек с записью под доску.
4. В любой момент игрок может объявить: «Крот», и фигура, стоящая на этой клетке, проваливается в нору, а крот появляется на поле.
5. Появившись на поле, крот может сделать (в любое время) один ход на одну клетку в любом направлении, после чего исчезает в норе.
6. Крот на поле может есть фигуры противника, как и обычная фигура, и его могут съесть, как обычную фигуру.
7
Ну, что вы! Я действовал не один. Мне помогали Булочкин и многие читатели «Пионера». За конкретную результативную помощь награждаются...

Вот и закончилось следствие, которое вели проницательные и находчивые сыщики Колобок и Булочкин. Почти полгода понадобилось им, чтобы вычислить и обезвредить преступников. Но, может быть, оно длилось еще больше, если бы не юные помощники сыщиков — читатели нашего журнала.

Колобок и Булочкин благодарят всех ребят, принявших участие в конкурсе, и называют его победителей:

1. ЧЕКАЛОВ Денис — ученик 6-го класса из города Ростов-на-Дону;
2. ГОЛУБЦОВА Надя и ее брат Антон — из Москвы;
3. АНТОНОВ Дима — из города Боготола Красноярского края.

Эти ребята заработали больше всех блинчиков и в скором времени смогут их попробовать.

А все остальные пусть не теряют надежду. У Колобка впереди еще много приключений!

ЧИТАЙ В ФЕВРАЛЕ:
Продолжение повести Л. Симоновой,
Окончание повести В. Крапивина,
Сказку Л. Яхнина «Фарфоровый колокол»,
Воспоминания И. Кудрина о путешествиях по Испании,
Монологи о любви.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 05.11.88.
Подписано к печати 21.11.88. А 11829.
Формат 60×84⅛. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 770 000 экз.
Заказ № 3329.

Вниманию взрослых авторов!
Редакция рукописи не рецензирует, а только сообщает решение.
Рукописи объемом свыше трех авторских листов (70 страниц машинописного текста) к рассмотрению не принимаются.
Рукописные материалы объемом до одного авторского листа (25 страниц машинописного текста), рисунки и фотографии не возвращаются.
Жалобы на полиграфический брак, замечания по типографскому исполнению отдельных номеров журнала следует направлять по адресу:

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»
125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Ведет А. ЧЕРНЯХОВСКАЯ.

ДОМОВЁНОК и компания

— Морозный январь — урожайный год,— важно изрек Матроскин, глядя на разрисованное белыми узорами окно.— Похоже, с урожаем у нас будет все в порядке — морозы вон какие третью неделю держатся.

— А я вам точно могу сказать, какая весна в этом году будет,— пообещал Винни-Пух.

— Это как же ты можешь точно сказать? — ехидно спросил Матроскин.

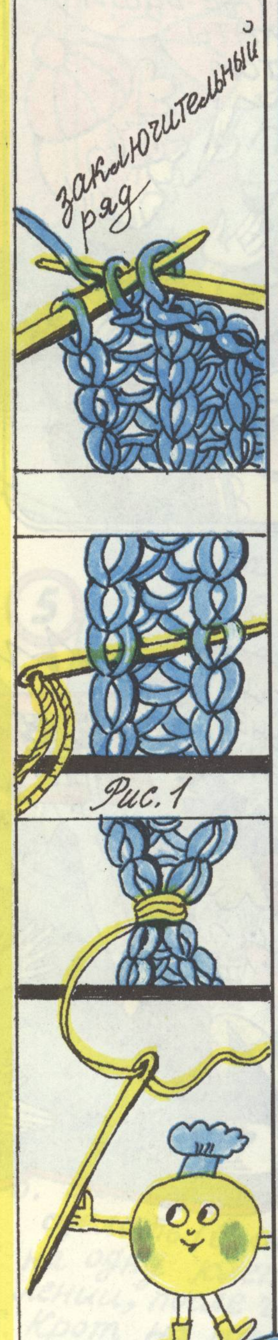
— Очень просто,— ответил Винни.— Верная примета: если пчелы в январе зашевелились, весна будет дождливой, мокрой.

Матроскин отдал ему должное:

— Да, Винни, по пчелам ты у нас лучший специалист.

А Домовенок с Белоснежкой вздохнули: как далеко до весны... Сколько снега еще выпадет, сколько сугробов наметет, сколько шарфов и варежек все потеряют...

В прошлом году все, кроме папы Карло, умудрились потерять по варежке. Весной, правда, несколько штук нашлось, но было поздно. Белоснежка освоила вязание варежек на двух спицах (о чем рассказывала в № 1 за прошлый год) и связала всем растеряшам новые. В этом же году «отличился» пока только Винни-Пух. Осваивая лыжи, он упал, покатился с горки, зацепился шарфом за сучок, повис на нем, рванулся — и покатился с горы кубарем. А когда поднялся на горку, шарфа почему-то нигде не было. Так что Белоснежке пришлось срочно браться за вязание.

«Здрасьте вам с кисточкой!»

Ширина шарфа — 20 см. Связав опытный образец 10×10 см, определяется плотность вязки, и сколько петель следует набрать для двадцатисантиметровой ширины. Но для данного узора число петель должно быть нечетным.

Вяжем резинкой, чередуя 1 лицевую и 2 изнаночные петли. Каждый ряд начинается и заканчивается краевой петлей: то есть в начале ряда петлю снимают, не провязывая, а в конце ряда — провязывают изнаночной.

Когда длина шарфа будет удовлетворять запросам заказчика, надо закрыть последний ряд по рисунку: провязать лицевые петли над лицевыми, а изнаночные — над изнаночными.

Закрывая последний ряд, первая петля снимается на правую спицу, как обычно, непровязанной. Следующая петля провязывается лицевой или изнаночной — в зависимости от узора. На правой спице уже две петли. Надо ввести левую спицу в крайнюю петлю на правой спице и протянуть через нее провязанную. На правой спице останется одна петля. Теперь надо провязать следующую петлю и протянуть ее через предыдущую. И так до конца ряда.

Теперь пришла очередь иголки с большим ушком. В нее вдеть нитку от клубка. Затем соединяем по две лицевые петли в двух лицевых рядах: в 1-м и 2-м, 3-м и 4-м, 5-м и 6-м и т. д. Сшиваем каждые 1-ю, 7-ю, 13-ю и т. д. петли. А во 2-м и 3-м, 4-м и 5-м, 6-м и 7-м и т. д. сшиваем каждые 4-ю, 10-ю, 16-ю и т. д. петли. Получается сетка. (Рис. 1). Так отделать только концы шарфа. Нитки надо собрать на иголку, затянуть потуже и пришить к ним помпоны.

Помпоны изготавливаются очень просто. Из картона вырезаются два одинаковых кружка любой величины. В центре каждого прорезается по отверстию, и кружки совмещаются. Продевая нитку с иголкой через отверстие, надо обшить это отверстие целиком. После этого разрезать нитки между кружками, а сами кружки раздвинуть, и середину туго перевязать двойной ниткой. Кружки разрезать и снять с помпона. Помпон подержать над паром, чтобы он стал ровным и аккуратным. Кстати, многие любят разноцветные, пестрые помпоны. Их можно сделать, если отверстие обшивать нитками разного цвета.

Домовенок внимательно смотрел, как Белоснежка вяжет. Потом сказал:

— А я, кажется, придумал, как по-другому можно вязать!

— Тебя наверняка ждет большая награда в будущем — за такое важное открытие! — съязвил Матроскин.

— Награда — вряд ли,— спокойно ответил Домовенок,— а вот коврик я себе свяжу.

И связал.

Косички-сестрички

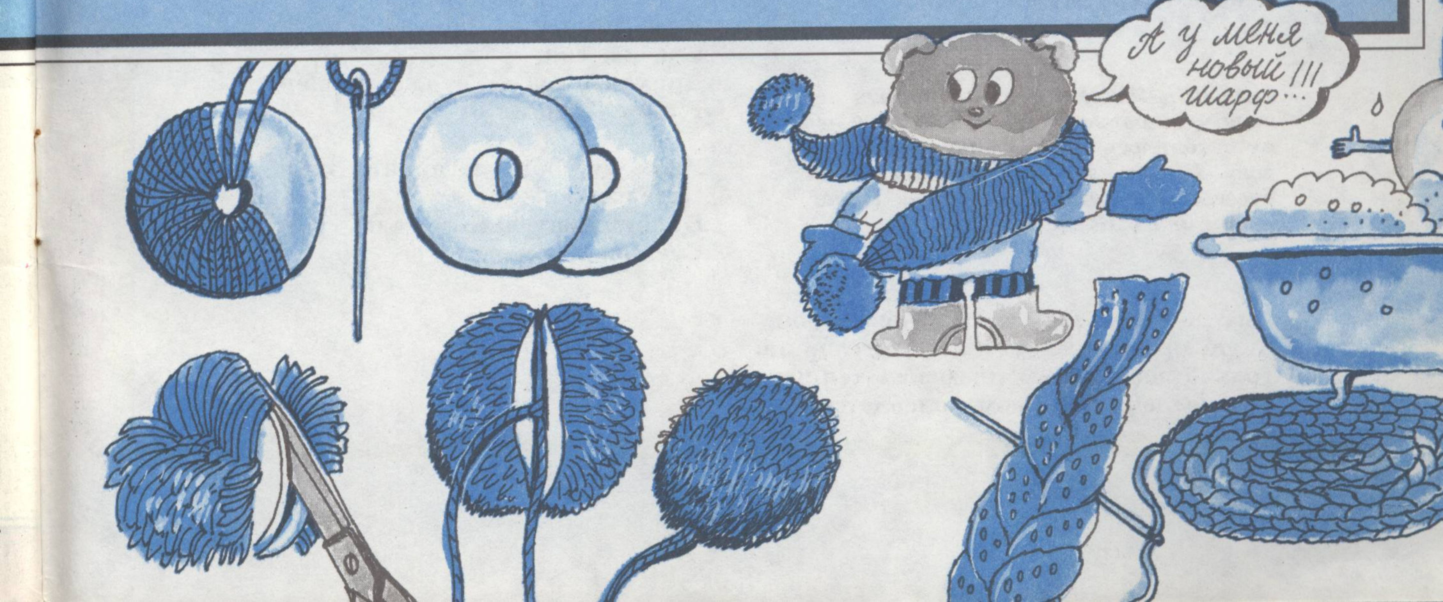
Надо взять любую, но не очень тонкую ткань. Годятся старые ситцевые и сатиновые халаты, платья, рубашки. Пойдет и бязь, и пике, и полушерстяной материал. Постараться вырезать из старого ненужного изделия длинный прямоугольник. Сделать внутри него два разреза — почти от края до края, но оставив с одной узкой стороны сантиметров десять. Дальше надо закрепить эту неразрезанную сторону на каком-нибудь неподвижном предмете — например, кнопками на спинке стула. После этого начинаете плести обыкновенную косу из тех трех узких полосок, что имеются. Косу надо плести достаточно тугую.

Когда полоски ткани все уйдут в косу, к каждой из них можно будет привязать или пришить еще по одной полосе — и продолжать плести дальше. Можно подобрать разноцветный материал так, чтобы коврик получился пестрым, но не аляповатым.

Косу продолжаете плести в зависимости от предполагаемой величины коврика. Когда кажется, что сплетено достаточно, начинаете сворачивать косу в круг. Центр круга — начало плетения. Плотно укладывая ряд к ряду, определяете, заканчивать ли косу или еще продолжать. Если величина подходяща, то, закрепив последний виток, начинаете с изнаночной стороны скреплять ряды толстой ниткой с иголкой. Не обязательно все сшивать. Достаточно хорошо скрепить в нескольких местах.

Конец коврика аккуратно пришиваете к предыдущему ряду. Не беда, что он вышел не идеально круглым. Его все равно можно положить перед дверью, в прихожей.

А если связать несколько таких ковриков, по размеру стульев или табуреток, то они очень украсят интерьер кухни, создадут уют и тепло.

Рисунки А. Бобиковой.

ОРАБЛИК

Женя НАУМОВ, 7 лет. «СКАЗКА».

Наташа ПАНЧЁШНАЯ сочиняет не только стихи, но и песни. Наверное, песня может получиться и из этого ее стихотворения — попробуйте подобрать к нему мелодию.

Наташа — москвичка, учится в школе № 825, в 8-м классе «А».

Зимний лес

Зимний лес стоит предо мной,
Зимний лес прекрасен собой.
Хорошо по снегу бродить!
Хорошо на лыжах ходить!

В белых шубах елки стоят,
Прикрывая зеленый наряд.
А дорога вьется вдали...
Ничего ты мне не говори.

Давай послушаем тишину,
Давай посмотрим на белизну.
А снег идет, заметает следы.
Ты вдали это или не ты?

Зимний лес стоит предо мной,
Зимний лес прекрасен собой.
Поиграем в снежки с тобой,
А потом вернемся домой...

Галя ФИЛИПЧУК стихи сочинять начала чуть больше года назад, но у нее их накопилось уже больше двухсот сорока! Пишет она на двух языках — на русском и на украинском. Гале 14 лет, живет она в Киеве.

Конец сказки

Быстро кончилась сказка новогодняя,
Будто предали елку — близкого друга.
Только воск ярким пламенем теплится,
Только ночь за окном колеблется...

Разобрали игрушки в коробки,
Замели на полу иголки.

За окном в темноснежности ветряной,
Расцвели маргаритки метели.
Синей птицей, фольгой обклеенной,
Сказки прочь от нас улетели.

Саша КЛЕМЕШОВ пишет стихи давно, он работает над каждым стихотворением, старается не нарушать ритм. Саша — шестиклассник, ученик московской школы № 360.

Снежный дом

Посвящается И. И. Шишкину.

Даль лесная — сосны, ели,
снег кругом:
Царство матушки-метели,
Снежный дом.

Зорька — как перо Жар-птицы,
И всерьез
Над узором поработал
Дед Мороз.

Утро зимнее не утро —
Сказка, сон;
Дряхлый дед стоит, конь скачет,
Рядом — гном.

Здесь сугробы, не пройти здесь —
Бурелом.
Царство матушки-метели,
Снежный дом.

Цена 30 коп. Индекс 70694.